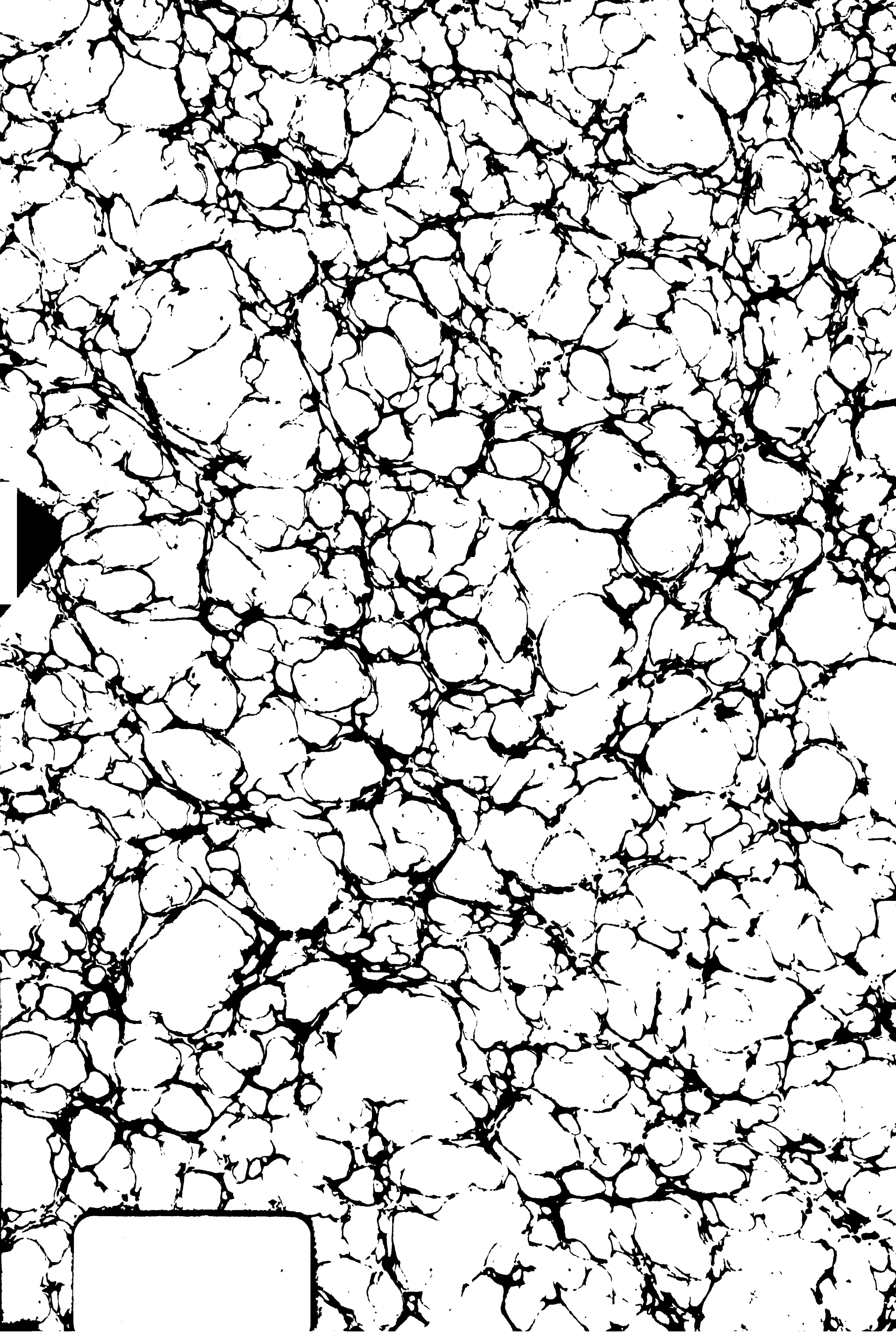
КУЛЬТУРА
И
ПРОИЗВОДСТВО ЧАЯ
НА
ЦЕЙЛОНѢ И ВЪ КИТАѢ

ПРОФЕССОРА

В. А. Тихомирова





КУЛЬТУРА

и

ПРОИЗВОДСТВО ЧАЯ

НА

ЦЕЙЛОНѢ и въ КИТАѢ.

ПРОФЕССОРА

В. А. ТИХОМИРОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Винеке, Екатерингофск. пр., № 15.
1892.

Какъ уже извѣстно читателямъ нашего журнала [1]), въ прошедшемъ, 1891 году, пришлось мнѣ, въ качествѣ члена экспедиціи одного изъ крупнѣйшихъ представителей нашихъ чайныхъ фирмъ, К. С. Попова, посѣтить чайныя плантаціи Цейлона, Явы и Китая. Цѣлью экспедиціи, предпринятой и выполненной на средства названнаго лица, было ближайшее знакомство съ условіями культуры и производства чая въ перечисленныхъ мѣстностяхъ. При возвращеніи въ Европу черезъ Америку, мнѣ пришлось также, хотя лишь очень бѣгло, познакомиться и съ разведеніемъ чая въ Японіи. По условіямъ путешествія, я не могъ быть, однакоже, на Кіу-Сіу [2]) и видѣлъ чай въ странѣ «Восходящаго солнца» только на Hondo (Nipon): между Іокогамою и Токіо.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію результатовъ своихъ наблюденій, считаю для себя пріятнымъ долгомъ выразить мою искреннюю признательность Константину Семеновичу Попову: какъ за доставленную имъ мнѣ возможность посѣщенія всѣхъ этихъ, столь далекихъ и въ то-же время интересныхъ для фармакогноста странъ, такъ и за тѣ немаловажныя по значительнымъ затратамъ, матеріальныя удобства, которыми я постоянно пользовался въ качествѣ члена экспедиціи во все время моего кругосвѣтнаго странствованія. Съ неменьшимъ чувствомъ горячей благодарности долженъ я отнестись также и къ доброму сотоварищу моего далекаго пути, Александру Николаевичу Шиллеръ [3]). Ему обязанъ Фармакогностическій Кабинетъ Мос-

---

1) Сравни мои очерки и воспоминанія кругосвѣтнаго плаванія; №№ 7—12 1892 года.

2) Островъ Кіу-Сіу одинъ изъ важнѣйшихъ центровъ чайной культуры Японіи, главнымъ-же изъ нихъ являются окрестности Кіото на Нипонѣ, гдѣ я также не могъ быть.

3) Представителю Торговаго Дома оптическихъ и хирургическихъ инструментовъ «Разумовъ и Шиллеръ въ Москвѣ».

ковскаго Университета многочисленными, подаренными К. С. Поповымъ, мастерски снятыми и художественно-выполненными фотографіями, снятыми по моимъ указаніямъ на чайныхъ плантаціяхъ въ горахъ Цейлона и въ глуби Китая. Особенный интересъ въ отношеніи послѣдняго представляютъ собою фотографіи окрестностей и города Линджау (иначе И-нинъ-чжоу)[1]), области И-нинъ-чжоу, Провинціи Дзянь-Си. Этотъ городъ былъ конечнымъ пунктомъ нашей экспедиціи внутрь страны. Отъ послѣдняго Европейскаго поселенія: Кью-Кіанга на Янци (Янце-Кіангъ географіи), Линджау лежитъ въ 400 ли (1 ли=$^1/_2$ нашей версты), по направленію къ юго-западу отъ перваго, на рѣкѣ Тай (иначе Сяу-хо). Европейцы въ Линджау проникать не дерзаютъ и наши фотографіи данной мѣстности являются, несомнѣнно, впервые еще снятыми и какъ снятыми — при какихъ условіяхъ неизбѣжныхъ неудобствъ и затрудненій, отъ насъ вполнѣ не зависѣвшихъ! Оцѣнить подвигъ такого фотографированія, сохраненія негативовъ отъ свѣта и сырости и проявленія ихъ можетъ по достоинству только тотъ, на чью долю выпала горькая, но роковая необходимость быть двѣ недѣли таскаемому по цѣлымъ днямъ черезъ всякую Китайскую мерзость, а ночевать въ трущобахъ деревень, ненасытное и невозможное съ нашей точки зрѣнія любопытство жителей которыхъ не даетъ вамъ покоя ни на минуту: ни днемъ, ни ночью[2])!

При сравнительномъ изученіи чайныхъ плантацій Цейлона, Явы и Китая мнѣ приходилось сообразоваться не съ топографіею земнаго шара, но съ условіями періода времени перваго, важнѣйшаго изъ всѣхъ, сбора чайнаго листа въ Китаѣ: вотъ причина, почему, покончивъ съ этимъ вопросомъ на Цейлонѣ, я (вопреки географіи) долженъ былъ отправиться сначала въ Китай, гдѣ нужно было быть къ Апрѣлю и затѣмъ уже, сдѣлавъ экспедицію внутрь страны, вернулся на Яву. На Цейлонѣ я былъ въ Февралѣ и Мартѣ, въ Китаѣ въ Апрѣлѣ и началѣ Мая, на Явѣ въ Іюнѣ, въ Японіи въ Іюлѣ. Разница временъ года заставляетъ меня поэтому

---

1) Ning географическаго атласа Stieler'a.

2) Иногда, только что заснули въ душномъ и очень неблаговонномъ чуланѣ: вашей спальнѣ, нерѣдко вмѣстѣ съ курами и свиньями, возлѣ кучи сложенныхъ дровъ, откуда всегда можно ожидать посѣщенія ядовитой многоножки (Scolopendra) или скорпіона. Рѣзкій свѣтъ будитъ васъ. Что это? — Хозяинъ привелъ своихъ родственниковъ или избранныхъ знакомыхъ посмотрѣть, какъ спитъ «Янъ-гудзи: Западный чортъ» и для ихъ удобства поднесъ свой фонарь прямо къ вашему лицу. Картина!

расположить матеріалъ моихъ очерковъ въ порядкѣ посѣщенія названныхъ странъ: придется, слѣдовательно, начать съ Цейлона, перейти затѣмъ прямо къ Китаю и окончить Явою, сказавъ, въ заключеніе, нѣсколько словъ о тѣхъ мимолетныхъ наблюденіяхъ относительно культуры чая, которыя мнѣ пришлось сдѣлать въ Японіи на Hondo.

I.

Чай на Цейлонѣ.

Чайныя плантаціи Цейлона начинаются приблизительно на высотѣ 1000 англійскихъ футовъ надъ уровнемъ моря, поднимаясь, въ центральной части острова, выше 6000 футовъ. Душная, даже и въ сухое время года (съ Января по Апрѣль), — время, такъ называемаго «хорошаго» сѣверовосточнаго муссона [1]), почти совершенно насыщенная водяными парами атмосфера жаркаго побережья Индійскаго Океана непригодна для чайнаго кустарника: вотъ почему въ непосредственномъ сосѣдствѣ важнѣйшихъ портовыхъ городовъ острова: Colombo [2]) и Punto - Gala, въ свое время передѣланной Французами въ «Point de Galle» (какъ она и значится обыкновенно въ географическихъ руководствахъ) нѣтъ еще чайныхъ плантацій. Впервые появляются онѣ, какъ уже упомянуто, выше: на высотѣ приблизительно 1000 футовъ надъ уровнемъ моря, въ ближайшемъ сосѣдствѣ знаменитаго ботаническаго сада Цейлона: Перадэніи (Peradeniya), находящемся въ четырехъ съ половиною часахъ разстоянія ѣзды по желѣзной дороги отъ Colombo въ Kandy [3]) и менѣе получаса разстоянія отъ послѣдняго. Чѣмъ далѣе станемъ мы затѣмъ подвигаться все выше

1) Съ апрѣля по октябрь, и даже позже, на Цейлонѣ льютъ почти непрерывные дожди и царитъ, часто приносящій бури, «дурной» юговападный Муссонъ. Тогда наступаетъ уже не насыщеніе, а пересыщеніе атмосферы водяными парами.

2) Сингалевское названіе города: Kolamba; названіе это, искаженное первоначальное Португальцами въ Colombo, закрѣплено теперь подъ этимъ именемъ всѣми Европейскими языками и санкціонировано географіею.

3) Во время продолжительнаго періода послѣдовательнаго покоренія Цейлона Португальцами, Голландцами и наконецъ Англичанами, городъ этотъ, резиденція Сингалевскихъ королей, всего дольше сохранялъ свою независимость и назывался «Maha-nura». Слово: «Kandy» по Сингалевски значитъ: небольшой утесъ, «Gala» — скала. Современное названіе города, обычно искаженное Англичанами въ Кэнди, согласно ихъ произношенію, приписываютъ такому случаю: при топографической съемкѣ покоренной мѣстности, инженеръ-Англичанинъ спросилъ у туземца названіе города, указавъ на него рукою. Тотъ думая, что ему указываютъ на небольшой утесъ въ направленіи столицы, отвѣтилъ «Kandy» — Olraid (Al right) Kendy повторилъ и записалъ Англичанинъ. Такъ разсказывалъ мнѣ покрайней мѣрѣ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ чайныхъ плантаторовъ Цейлона: Mr. Fergüsson, обладатель обширной хинно-чайной плантаціи Abbodsford, о которой будетъ еще рѣчь.

ченъ для Цейлона. Отъ него получилъ островъ и свое Греческое названіе: Taprobana, что значитъ мѣдно-красный. Своею яркостью и живостью цвѣтъ этотъ часто не уступаетъ ничѣмъ красной охрѣ. Среди остатковъ обгорѣлыхъ черныхъ пней, выжженаго дѣвственнаго лѣса, нерѣдко въ 2 и болѣе метра вышиною, а въ иныхъ мѣстахъ черныхъ-же или темно-бурыхъ гранитныхъ столбовъ—утесовъ, прорываются канавки для болѣе равномѣрнаго орошенія и стока воды, прорѣзываются дорожки и дороги, перебрасываются мосты надъ горными ручьями и рѣчками, нерѣдко прерываемыми водопадами—такъ приготовляется мѣсто для возникающей новой чайной плантаціи. На ней, смотря по тому какъ позволяютъ спеціальныя топографическія условія, разсаживаются болѣе или менѣе правильными, рядами и въ равныхъ между собою растояніяхъ, изъ особыхъ грядъ, молодыя, выведенныя сѣменами, чайныя растеньица. Послѣднимъ не позволяютъ рости привольно: періодическою тщательною обрѣзкою, кустамъ придается форма обращеннаго основаніемъ внизъ конуса, рѣже пирамиды, отъ 50 до 80 центиметровъ вышиною; 1 метръ представляетъ (въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ) предѣлъ допускаемой высоты куста Цейлонскихъ чайныхъ плантацій. Такимъ образомъ получается красивая на первый взглядъ, но вскорѣ утомляющая своимъ однообразіемъ картина темно-зеленыхъ, невысокихъ чайныхъ кустовъ, обыкновенно правильными продольными рядами тянущихся отъ самой подошвы до закругленныхъ вершинъ горъ, окрашенныхъ характернымъ, ярко красно-бурымъ цвѣтомъ, такъ какъ всякая растительность между кустами постоянно тщательно устраняется. Куда ни взглянешь, всюду и всюду однѣ и тѣ-же темно-зеленыя линіи на красномъ фонѣ горной цѣпи какъ-бы бѣгутъ непрерывно передъ глазами вмѣстѣ съ быстро несущимся поѣздомъ! Такое однообразіе плантаціи достигается, кромѣ правильности посадки и постояннаго удаленія сорныхъ травъ, вышеупомянутою обрѣзкою самихъ кустовъ, обязательно повторяемою черезъ каждые 18—20 мѣсяцевъ, рѣже (и никогда не позже) черезъ два года. Однообразіе картины чайной плантаціи нарушается лишь кое-гдѣ, обыкновенно по краямъ ея, присутствіемъ высокихъ сѣмянныхъ чайныхъ деревьевъ. Послѣднія впрочемъ, несмотря на значительную ихъ высоту, достигающую въ отдѣльныхъ случаяхъ до 10 метровъ и болѣе, правильнѣе все-таки называть кустами, такъ какъ покрытый гладкою бурою корою стволъ ихъ, въ руку взрослаго человѣка толщиною, вѣтвится уже непосредственно отъ самаго своего основанія.

На Цейлонѣ, какъ и въ Индіи, разводится, предпочтительно предъ Китайскою [1]) мелко- и плотнолистною разновидностью чая, которую я бы назвалъ мелколистною породою Varietas mikrophylla настоящаго чая: Thea-Chinensis Simson, крупно- и тонколистная Ассамская разновидность его: Thea Chinensis Varietas Assamica Simson. Послѣдняя характеризуется, какъ извѣстно, относительно гигантскими размѣрами своего листа и самаго дерева. Къ этимъ особенностямъ слѣдуетъ прибавить еще, по моимъ наблюденіямъ на плантаціяхъ Цейлона и Явы по крайней мѣрѣ, также и особую тонкость листа Ассамскаго, рѣзко отличную отъ кожистой плотности листа Китайскихъ чайныхъ плантацій. Особенность эта не ускользнула отъ вниманія воздѣлывателей чая Цейлона и Явы: чѣмъ крупнѣе и въ то-же время тоньше чайный листъ, тѣмъ выше онъ цѣнится и вотъ почему предпочитаютъ плантаторы Цейлона и Явы породу Ассамскую (называемою ими обыкновенно Индійскою) мелколистной и кожистой Китайской, типической,— предпочитаютъ по ихъ столь же твердому, какъ и ошибочному убѣжденію. И такъ Ассамская разновидность Thea Chinensis Simson [2]) разводимая преимущественно на Цейлонѣ, отличается отъ китайской крупными, гигантскими въ иныхъ случаяхъ, размѣрами самаго растенія и его листьевъ.

Къ послѣднимъ мы еще возвратимся ниже. Самое большое изъ видѣнныхъ мною чайныхъ сѣмянныхъ деревьевъ Ассамской породы имѣло, въ 15-лѣтнемъ возрастѣ, 42 Англійскихъ фута высоты. Я

1) Извѣстно, что весь Китайскій и Японскій чай представляетъ собою растенія культурныя и нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ указаній на то, что онъ встрѣчался здѣсь когда либо дико. Откуда впервые проникъ чай въ Китай и Японію вопросъ открытый. До послѣдняго времени можно было предполагать, что родиною чая является верхній Ассамъ (сѣверо-восточная часть Бенгаліи) гдѣ его открылъ какъ извѣстно, дикорастущимъ Grant, въ 1834 году, но съ 1882 года существуютъ также указанія на несомнѣнно дикое произрастаніе Thea Chinensis Simson и на островѣ Haïnan (противъ Тонкинскаго Залива) по указанію С. Henry. Только обстоятельное сравнительное изученіе листьевъ дикаго чая: Assam и Haïnan могло бы рѣшить, съ извѣстною вѣроятностью, этотъ весьма интересный вопросъ.

2) Припомнимъ, что Thea Chinensis Simson—Camellia Thea Link есть видъ весьма полиморфный. Simson доказалъ (Botanical Magazine Pl. 998), какъ извѣстно, что разновидности чая настоящаго, принимавшiяся прежде за самостоятельные виды Thea Bohea, viridis, Chinensis L., T. stricta Hayne, T. Assamica Masters, T. Cochinchiniensis и T. Cantoniensis-Loureiro, суть только разновидности: varietates, связанныя между собою такими постепенными и незамѣтными переходными формами, что не смотря на всѣ кажущіяся отличія, всѣ онѣ должны быть сведены къ одному виду: Thea Chinensis Simson.

наблюдалъ его въ имѣніи Abbdosford, принадлежащемъ Mr. Fergüsson, гостепріимному и не по годамъ бодрому, 75-лѣтнему, старику Англичанину, обладателю одной изъ обширнѣйшихъ чайныхъ плантацій Цейлона между Nanu-Oiya (свыше 5,000 ф. надъ уров. моря) и Nuwara-Elliya (6,200 ф.), въ $1^{1}/_{2}$—2 часахъ ѣзды отъ послѣдней, по прекрасному шоссе живописнѣйшей горной дороги.

Однообразіе оголенныхъ и засаженныхъ сплошь чаемъ горъ, гдѣ на мѣстѣ недавно еще безраздѣльно царившихъ здѣсь вѣчно зеленыхъ дѣвственныхъ лѣсовъ, собранныхъ изъ представителей различнѣйшихъ древесныхъ растительныхъ формъ (Mimosaceae, Caesalpiniaceae, Papilionaceae, Bixaceae, Clusiaceae, Dipterocarpaceae, Urticaceae-Ficoideae, Gramineae-Bambusaceae et cetera), перевитыхъ, какъ змѣями, ліанами (Menispermaceae, Ampelideae, Piperaceae, Loranthaceae) и пальмами Ротангами (виды рода Calamus) въ сплошную, непроницаемую безъ ножа и топора, чащу, украшенныхъ по берегамъ ручьевъ и у водопадовъ вышеупомянутыми древовидными папоротниками (Alsophila glabra et crinita Hooker), встрѣчается теперь только чай, нарушается отчасти только тѣмъ, что на различныхъ высотахъ плантаціи эти являются смѣшанными: чайно-кофейными сначала, а затѣмъ выше въ горахъ: чайно-хинными, между которыми попадаются и промежуточныя кофейно-чайно-хинныя насажденія.

Плантаціи чайно-хинныя, лежащія на высотѣ 4,000—6,000 футовъ надъ уровнемъ моря, являютъ собою наиболѣе однообразный видъ. Здѣсь между рядами чайныхъ кустовъ, относительно далеко другъ отъ друга (10, иногда больше Англійскихъ футовъ разстоянія), возвышаются, отдѣльно стоящія Цинхоны. Ярко зеленые, на самыхъ молодыхъ вѣтвяхъ красноватые, даже почти совершенно красные, узкіе (Cinchona officinalis Hooker, C. Ledegeriana Moens), широкіе (Гибридъ C. officinalis и C. succirubra, очень охотно разводимый здѣсь), гладкіе, или широкіе и пушистые (C. succirubra Pavon) листья цинхонъ образуютъ сначала округленную, впослѣдствіи (при 5—10-лѣтнемъ возрастѣ) пирамидальную вершину прямого, обрѣзкою лишеннаго внизу вѣтвей, хиннаго дерева, кора котораго всегда представлялась мнѣ гладкою и чистою, т. е. свободною отъ лишаевъ, какъ извѣстно, столь обильно покрывающихъ обыкновенно продажныя хинныя корки Индіи. Между всѣми названными видами Цинхонъ, въ цвѣту была только (2-я половина Февраля) Cinchona offi-

cinalis Hooker. Однакоже верхушечныя метелки ярко алыхъ, съ бѣлыми волосками вѣнчика, цвѣтковъ ея, равно какъ краснобурыя плодовыя коробочки или точнѣе двусѣмянки: Diacheniа, такъ-же мало бросались въ глаза, какъ и лишь изрѣдка попадающіеся кое-гдѣ желтовато-бѣлые цвѣтки самаго чайнаго кустарника, обыкновенно до цвѣтенія не допускаемаго. Плантаторы полагаютъ, не безъ основанія конечно, что это вредитъ качеству листа; мало того, они идутъ еще далѣе и думаютъ, что обильное цвѣтеніе куста—прямой признакъ его дурного качества: послѣднее конечно совершенный вздоръ. Обрѣзываніе верхушекъ цвѣтоносныхъ вѣтвей несомнѣнно содѣйствуетъ болѣе обильному развитію молодыхъ нѣжныхъ листьевъ, содѣйствуетъ слѣдовательно и увеличенію сбора ихъ, но всякій чайный кустъ, предоставленный самому себѣ, будетъ цвѣсти въ извѣстное время своей жизни неизбѣжно, совершенно независимо отъ хорошихъ или худыхъ качествъ его листьевъ.

Болѣе привлекательными представляются по ихъ внѣшнему виду плантаціи чайно-кофейныя, на высотѣ 4,000—4,500 футовъ, гдѣ, приблизительно до 3,000 ф., имъ сопутствуютъ еще и одиночно стоящія цинхоны. Въ такомъ болѣе низкомъ поясѣ чай располагается обыкновенно по сѣвернымъ, кофе по южнымъ склонамъ горъ, но нерѣдки случаи, гдѣ чай и кофе встрѣчаются вмѣстѣ на одной плантаціи и тогда низко обрѣзанныя кофейныя деревца, съ ихъ горизонтально расходящимися длинными вѣтвями, покрытымъ сильно блестящими, какъ-бы лакированными, супротивными, ярко зелеными листьями и мутовками изящныхъ, снѣжно бѣлыхъ, формою вѣнчика напоминающихъ нѣсколько жасминъ, чудно ароматическихъ цвѣтковъ, и нерѣдко одновременно созрѣвающими, ярко пурпуровыми, овальными ягодами, подавляютъ совершенно своею красотою, яркостью и ароматомъ, грубую и сравнительно тусклую темнозеленую листву участковъ плантаціи, засаженной чаемъ [1]).

Чайныя плантаціи обсаживаются обыкновенно по краямъ ихъ высокимъ и быстро растущимъ Австралійскимъ деревомъ: Grevillea robusta Cunn., общій видъ котораго, на первый взглядъ, какъ-бы напоминаетъ нѣкоторыя широколиственныя хвой-

---

1) Желтобѣловатые, относительно крупные, богатые золотисто-желтыми пыльниками многочисленныхъ тычинокъ, цвѣтки чая имѣютъ также пріятный, но чрезвычайно слабый запахъ, не выдерживающій никакого сравненія съ опьяняющимъ, по своей силѣ, ароматомъ обильно цвѣтущаго кофе (Coffea Arabica L.).

ныя, но дерево это не имѣетъ съ послѣдними ничего общаго; принадлежитъ оно къ характерному для Ново-Голландской флоры семейству Proteaceae. Весьма типичны его темнозеленые сверху, пушистые и сѣробѣловатые, какъ-бы серебристые снизу, троекратно перистораздѣльные, очередные листья. Плоскія, почти параллельныя между собою, ланцетовидно-заостренныя лопасти послѣднихъ напоминаютъ издали типы широкой хвой: нѣкоторыхъ видовъ Podocarpus и Cephalotaxus. Grevillea robusta охотно разводится чайными плантаторами какъ дерево, дающее хорошій матеріалъ для топлива необходимаго при сушкѣ чая.

Склоны горъ и холмовъ, избираемые для чайныхъ плантацій обсаживаются обыкновенно, равно какъ и откосы полотна желѣзныхъ дорогъ, для устраненія осыпей и размывки дождевыми ручьями, особымъ, очень крупнымъ мясистымъ растеніемъ: Fourcroya gigantea Vent. Fam. Amaryllidaceae, корни котораго хорошо скрѣпляютъ почву. Родина этого вида Мексико и Центральная Америка, гдѣ изъ него получаются прядильныя волокна; оно давно уже разводится на Цейлонѣ. Fourcroya gigantea: многолѣтне, но монокарпическое, т. е. цвѣтущее одинъ разъ въ жизни и по созрѣваніи плодовъ умирающее растеніе. Своимъ внѣшнимъ видомъ и громадною, достигающею въ короткое время нѣсколькихъ метровъ высоты, цвѣточною стрѣлкою напоминаетъ оно свою родственницу: Agave Americana L. Послѣдняя всюду и вездѣ слыветъ, какъ это хорошо извѣстно, у не ботаниковъ подъ неправильнымъ названіемъ: Aloë. Вотъ почему и у плантаторовъ Цейлона Fourcroya gigantea извѣстна подъ названіемъ «Green Aloë», и на самомъ дѣлѣ сочные, поднятые почти вертикально вверхъ, зубчатые по краямъ, и снабженные у верхушки шипами, гигантскіе листья растенія, сообщающіе такой своеобразный характеръ окраинамъ чайныхъ плантацій и откосамъ желѣзныхъ дорогъ, даютъ своимъ ярко зеленымъ цвѣтомъ (столь отличнымъ отъ синеватозеленаго колорита листьевъ Агавы) нашему растенію полнѣйшее право на эпитетъ «зеленаго»: зелена Fourcroya gigantea по преимуществу; зелена она даже и на общемъ зеленомъ фонѣ вѣчно зеленаго Цейлона!

Весьма интереснымъ является здѣсь также и фактъ полной акклиматизаціи другого выходца Центральной Америки. По откосамъ полотна желѣзной дороги, всего чаще на высотѣ 4000, 5000 футовъ надъ уровнемъ моря попадаются, мѣстами очень часто,

молодыя растеньица цинхонъ (преимуществнено Cinchona succirubra) въ возрастѣ отъ нѣскольких лѣтъ до нѣскольких мѣсяцевъ и даже повидимому только недѣль. Откуда взялись они? Очевидно, снабженныя широкимъ крыломъ сѣмяна цинхонъ были занесены сюда вѣтромъ изъ сосѣднихъ плантацій, посѣялись и выросли сами: какое нужно еще лучшее доказательство, насколько благопріятною является для хинныхъ деревьевъ почва благодатнаго Цейлона?

Изъ представителей мѣстной флоры, наиболѣе высоко расположенныхъ въ горахъ чайно-хинныхъ плантацій (окрестности Nuwara Elliya) является наиболѣе типичною гигантская «Ras-ni»: Lobelia excelsa Lesch. Простой, т. е. невѣтвящійся стебель этого, столь характернаго для горъ Цейлона растенія, въ молодости очень напоминаетъ своимъ общимъ видомъ такъ далекія отъ него систематически, молодыя особи драценъ нашихъ оранжерей (Dracaena rubra Hortul. напримѣръ). Тѣ же, сближенные между собою у вершины и расходящіяся во всѣ стороны, узкіе и длинные листья, тотъ же простой и голый стебель. Позже картина измѣняется радикально: громадный, нерѣдко вдвое превышающій ростъ человѣка и въ большинствѣ случаевъ все таки не дающій вѣтвей, стволъ этой лобеліи оканчивается большимъ, вертикальнымъ колосомъ крупныхъ, зигоморфныхъ розовыхъ цвѣтковъ, причемъ всѣ многочисленные (теперь относительно болѣе короткіе) узкіе и удлиненные листья опускаются вертикально внизъ вдоль сильно вытянувшагося толстаго стебля. Вытягивается значительно и самъ верхушечный колосъ и пока еще доцвѣтаютъ его верхніе цвѣтки, внизу уже возникло представляющее собою толстую шишку, соплодіе (Fruchtstand), состоящее изъ многочисленныхъ, вздутыхъ зеленовато-бурыхъ коробочекъ. Какъ и другіе виды этого рода растеніе отличается крайне ѣдкими свойствами своего млечнаго сока. Я имѣлъ несчастіе испытать это лично: не замѣтивъ, во время изслѣдованія цвѣтка, что сокъ послѣдняго попалъ на палецъ, я провелъ какъ то рукою по вѣкамъ праваго глаза. Мгновенно появилось въ немъ, сопровождаемое сильнѣйшимъ жженіемъ, слезотеченіе, развилась свѣтобоязнь и встревожившіе меня симптомы весьма серьезнаго раздраженія глаза уступили холоднымъ компрессамъ лишь только на другой день уже.

Таковъ общій видъ горныхъ, чайно-хинныхъ плантацій Цейлона. Выше уже упоминалось, что онѣ становятся вообще возможными начиная съ высоты около 1000 надъ уровнемъ моря

приблизительно. Нижняя граница ихъ проходитъ на Цейлонѣ между Colombo, едва на десятокъ съ небольшимъ футовъ возвышающемся надъ моремъ и Kandy, лежащемъ уже на высотѣ 1532 англ. футовъ надъ нимъ.

По мѣрѣ удаленія отъ берега измѣняется конечно и характеръ сказочно-роскошной растительности острова. Оставляя Colombo по направленію Kandy, вы ѣдете сначала, по равнинѣ совершенно плоской, между сплошными рисовыми полями. Жилища туземцевъ, коричневыхъ и часто очень красивыхъ Сингалезовъ въ юбкахъ, но обнаженныхъ до пояса, съ волосами, то заплетенными въ косу, то свободно распущенными по плечамъ, но всегда заткнутыхъ гребнемъ или гребнями, окружены Кокосами (Cocos nucifera L.), тонкими и стройными, прямыми, Арэка-пальмами (Areca Catechu L.), бананами (Musa sapientum, M. paradisiaca L.), дыннымъ (Carica Papaya L.) и Хлѣбными деревьями, именно: наиболѣе изъ нихъ цѣнимымъ «Rata- del»: Artocarpus incisa L. съ его какъ бы лакированными блестящими зубчато-лопастными листьями, и огромными плодами, такъ называемымъ дикимъ, свойственнымъ исключительно Цейлону, хлѣбнымъ деревомъ «Del», A. nobilis Thwaits, обладающимъ большими, широкими и цѣльнокрайними, яйцевидно расширенными изъ узкаго черешка къ вершинѣ листьями и деревомъ «Kos» A. integrifolia L.: Джекъ (Jack) Англичанъ, котораго плоды, уступающіе первому по величинѣ и вкусу, выходятъ непосредственно изъ ствола, нерѣдко уже только на высотѣ человѣческаго роста. Желтая древесина его представляетъ весьма цѣнный на Цейлонѣ столярный и плотничный матеріалъ, идущій иногда, между прочимъ, и на приготовленіе ящиковъ для чая. «Mango» иначе «Amba»: Mangifera Indica L., Сахарный тростникъ: Saccharum officinarum L., пальмы «Kitul»: Caryota urens L., т. н. «Palmyra»: Tal туземцевъ (Borassus flabelliformis L.)

---

1) Одинъ изъ гребней, въ видѣ полукруглой нашей женской гребенки съ мелкими короткими зубьями, втыкается спереди въ зачесанные назадъ волосы; спинка его обращена ко лбу. Его носятъ всѣ. Другой присвоенъ только пожилымъ и заслужившимъ общее уваженіе лицамъ. Онъ втыкается сзади; его высокая спинка оканчивается далеко расходящимися въ стороны, какъ бы въ видѣ роговъ, углами. Такимъ гребнемъ былъ украшенъ и знаменитый въ Colombo туземный врачъ Сингалезъ, ставшій моимъ большимъ пріятелемъ и носившій Португальскую фамилію: Don Cornelis, которую онъ предпочиталъ своему мудреному Сингалезскому имени.

и пальма священная: Carypha umbraculifera L. [1]) (Talipot Англичанъ) дополняютъ этотъ инвентарь наичаще разводимыхъ въ низменныхъ долинахъ Цейлона растеній. Мѣстами присоединяется къ нимъ еще мускатное дерево: Myristica fragrans Hottuyn и Цейлонская корица: Cinnamomum Zeylonicum Breyne (въ ближайшихъ окрестностяхъ Colombo). Необходимою принадлежностью хозяйства является также «Siri» и «Rata-bulatwel»: Piper Betle, L. Varietas Siriboa, Въ свѣжіе листья его туземецъ Сингалезъ и пришелецъ изъ Индіи: темнобурый, почти черный, Тамилъ одинаково охотно завертываютъ свой неизбѣжный «Puwak»—кусокъ сѣмени Areca Catechu L. вмѣстѣ съ нѣкоторымъ количествомъ порошка гашеной извести, а часто еще и съ небольшимъ свертkомъ листьевъ табака и жуютъ все это чуть ли не по цѣлымъ днямъ: въ результатѣ получаются: большое наслажденіе, черные зубы, кровавокрасные десна и постоянное слюнотеченіе; поэтому ручная плевательница столь же необходима въ самомъ скромномъ домашнемъ хозяйствѣ Сингалеза, какъ и грубыя оригинальной формы желѣзныя щипцы-ножницы, вродѣ гильотины, которыми онъ раздробляетъ въ небольшіе куски твердые плоды арэковой пальмы, идущей на приготовленіе бэтэля!

Поѣздъ однако летитъ. По мѣрѣ повышенія почвы ровныя рисовыя поля начинаютъ перемежаться съ котловинами, на днѣ и склонахъ которыхъ, нерѣдко весьма живописными безпорядочными уступами или строго правильными террасами и амфитеатрами, то еще затопленными водою [2]), то уже отъ нея свободными, разстилается ни съ чѣмъ не сравнимая по яркости, свѣжести и нѣжности цвѣта молодая зелень рисовыхъ полей, обрамленныхъ уступами закругленныхъ холмовъ и возвышающихся надъ ними горныхъ цѣпей, кое гдѣ еще сохранившихъ зеленый покровъ своего лѣса, но чаще уже обнажающихъ совершенно свою ярко-краснобурую почву, съ низбѣгающими по склонамъ темнозелеными линіями кустовъ начинающихся чайныхъ плантацій. Все круче становятся подъемы; извилистѣе и смѣлѣе закругленія; нерѣдко уже изъ окна вагона мелькнетъ передъ вами собственный, васъ же везущій локомотивъ, изъ подъ рельсовъ съ шумомъ и пѣною низвергаются, въ пропасть водопады, мелькаютъ все чаще и чаще туннели, вслѣдствіе

1) На полоскахъ, вырѣзанныхъ изъ ея широкихъ гигантскихъ, имѣющихъ видъ опахала, листьевъ написаны тупою желѣзною спицею священныя книги Брамановъ и Буддистовъ.

2) Какъ извѣстно, рисъ для своего успѣшнаго развитія долженъ нѣкоторое время оставаться затопленнымъ водою.

своей узкости сильно затрудняющіе дыханіе, если вы лишены встрѣчнаго вѣтра. Иногда поѣздъ останавливается почему либо на 1—2 минуты, вы любуетесь свѣшивающимися почти въ окно съ отвѣсной скалы папоротниками и разноцвѣтными изящными Тунбергіями: Thunbergia alata Boj. (Fam. Acanthaceae). Родина ихъ тропическая Африка, но онѣ одичали и повсемѣстно распространены теперь на Цейлонѣ. Внезапно слухъ вашъ поражается слабыми, но чрезвычайно мелодичными звуками какъ бы серебрянаго колокольчика. Что это?—Это крошечная, изящная древесная лягушка (Hyla species), часто залѣзающая въ крупные цвѣтки бѣлой датуры «Attana»: Datura fastuosa L., даетъ вамъ свой даровой концертъ. Какой контрастъ съ ея Сингапурскимъ собратомъ, съ которымъ вы познакомитесь позже. Услыхавъ ту лягушку въ первый разъ, вы буквально примете ея звуки за ревъ быка. Таковы затѣи природы тропиковъ!

Послѣ Kandy и вообще до высоты 2,500 ф. приблизительно, растительность еще вполнѣ сохраняетъ свой тропическій характеръ. Особенный интересъ представляетъ во многихъ отношеніяхъ въ этой области Wariapola, плантація весьма энергичнаго и гостепріимнаго Англичанина Fraser'а (произносится Фрэзэ), радушно насъ пріютившаго въ живописномъ уединеніи его сельской усадьбы: бенгалоу (Bungalow), какъ называютъ здѣсь (въ Индіи также) этого рода жилища. Съ вершины одного изъ наиболѣе высокихъ холмовъ окрестностей царитъ она, вмѣстѣ со своими заводскими постройками, надъ лежащими у ея подножія чайными и еще уцѣлѣвшими отъ «чумы» кофейными насажденіями. Плантація: «Wariapola» находится въ недалекомъ разстояніи (около 2-хъ километровъ) отъ станціи желѣзной дороги «Matala» по линіи: Kandy-Nanu Oiya, неподалеку (часъ ѣзды) отъ первой. Лѣтъ 20 тому назадъ Fraser принадлежалъ къ числу богатыхъ кофейныхъ плантаторовъ Цейлона, бичъ послѣдняго, вышеупомянутый паразитный грибокъ Hemileia vastatrix Beakley et Broome [1]) почти разорилъ его, какъ и многихъ другихъ. Энергичный

1) Пораженные этимъ паразитомъ кофейные листья покрываются желтыми, впослѣдствіи чернѣющими въ центрѣ, пятнами страшной «Кофейной чумы», затѣмъ листья опадаютъ, сморщенныя ягоды сохнутъ и отпадаютъ также до созрѣванія и мало по малу: медленно, но неизбѣжно, деревце гибнетъ, быстро заражая другія сосѣднія, которыхъ ждетъ та-же участь. Очень жалкій видъ представляютъ такія, почти уже лишенныя листьевъ, умирающія отъ чумы кофейныя деревья, зеленѣющія лишь вслѣдствіе обильно разросшагося на нихъ эпифита: папоротника Drymoglossum numularifolium Mettenius (мелкіе и мясистыя овальные и круглые цѣльнокрайніе листья, котораго плотно окутываютъ голый стволъ и вѣтви своимъ ярко, свѣтло-зеленымъ покровомъ.

человѣкъ не палъ однако же духомъ; остатки своего состоянія употребилъ онъ на путешествіе въ Южную Америку съ цѣлью изученія тамъ культуры шоколадника (Theobroma Cacao L.), прожилъ годъ на Тринидатѣ и, возвратясь на Цейлонъ основалъ на мѣстѣ погибшихъ кофейныхъ деревьевъ плантацію шоколадника, занимающую въ настоящее время 600 акровъ протяженія и дающую очень хорошій доходъ. Благодаря своей предпріимчивости, знанію дѣла и неустанной энергіи Fraser нынѣ снова богатый человѣкъ. Кромѣ шоколадника онъ разводитъ теперь еще мускатный орѣхъ (Myristica fragraus Houttun) и чай, но главный источникъ его благосостоянія — какао [1]).

Въ настоящее время деревья его плантаціи, цвѣтущіе и приносящіе плоды непрерывно весь годъ (сборъ, т. е. срѣзываніе послѣднихъ совершается черезъ каждые 10 дней) достигли 5—10-лѣтняго возраста. Большинство ихъ съ Тринидата, но есть и деревья съ материка Южной Америки. Извѣстно, что нѣтъ между тропическими деревьями другаго, которое давало-бы столь густую тѣнь какъ шоколадникъ. При высотѣ въ 5 и болѣе метровъ, деревья 10-лѣтняго возраста обладаютъ здѣсь стволами въ руку толщины. Непроницаемая тѣнь и живительная прохлада царитъ среди соприкасающихся между собою низко, почти до земли, опущенныхъ вѣтвей, покрытыхъ громадными (25—30 центиметровъ) темнозелеными, овально удлиненными оканчивающимися заостренною верхушкою листьями. Отъ самаго основанія ствола (нерѣдко такъ низко, что плодъ упирается въ землю) и толстыхъ, старыхъ вѣтвей отходятъ ножки напоминающихъ заостренно-ребристый огурецъ плодовъ, всего чаще фіолетовыхъ, рѣже краснооранжевыхъ, еще рѣже, особенно изящныхъ и болѣе мелкихъ, свѣтло-золотисто-желтыхъ [2]) съ мельчайшими темно-фіолетовыми точками, скученными преимущественно по протяженію ихъ 8 — 10 реберъ. Рядомъ съ плодами уже вполнѣ зрѣлыми попадаются и молодые, часто еще вмѣстѣ съ полузонтиками столь характерныхъ у Theobroma Cacao L. мелкихъ и нѣжныхъ зеленовато-розовыхъ цвѣтковъ, съ желтова-

---

Подъ микроскопомъ пятна Hemileiae оказываются подушечками оранжевыхъ, одноклѣточныхъ, округлыхъ и слегка почковидно изогнутыхъ споръ, впослѣдствіи прорывающихся сквозь эпидерму листа. Мицелій грибка гнѣздится въ мезофиллѣ послѣдняго.

1) Желающіе ближе познакомится съ дѣятельностью Fraser'a въ этомъ направленіи могутъ обратиться къ его брошюрѣ: Cocoa as grown in Trinidad, and how to plant it in Ceylon. 1879. London Hatschards, Piccadilly, и приложеннымъ къ ней таблицамъ, изображающимъ способъ обрѣзки плодовъ, очистки сѣмянъ, необходимыя орудія и проч.

2) Съ Тринидата.

тыми отгибами (Lamina) лепестковъ вѣнчика и пурпуровыми шиловидными стаминодіями (Staminodia), сближенными и направленными впередъ. Взрослые плоды имѣли среднюю длину 7 — 8½ центиметровъ, при 6 — 6½ центим. наибóльшаго поперечника, но попадались нерѣдко и гиганты, размѣры которыхъ превышали эти величины почти вдвое. Во время моего посѣщенія происходилъ сборъ, промывка и сушка сѣмянъ. Зрѣлый плодъ отрѣзывается осторожно, непремѣнно острымъ ножемъ, по возможности ближе къ основанію плода и дальше отъ коры дерева. Чѣмъ бóльшая часть плодоножки остается при стволѣ, тѣмъ лучше: новые цвѣтки возникаютъ всего чаще рядомъ съ плодоножками созрѣвшихъ прежде плодовъ и легко могутъ не развиться совсѣмъ, нетолько при раненіи коры, но даже и при грубомъ отрѣзываніи и растяженіи тканей ея.

Отрѣзанный зрѣлый плодъ вскрывается затѣмъ круговымъ разрѣзомъ въ нижней, ближайшей къ основанію трети его, причемъ легко вынимается вся центральная ось (Rachis) плода, вмѣстѣ съ прикрѣпленной къ ней общею, обильно покрытою слизью, массою сѣмянъ. Послѣднія сближены и склеены между собою и покрыты каждое густымъ слоемъ красновато-желтой слизи, кисловато-сладкаго, довольно пріятнаго и освѣжающаго вкуса, тогда какъ вкусъ самихъ сѣмянъ нѣсколько горьковатый. Масса эта имѣетъ видъ булавы. Сѣмена сближены между собою и кое-гдѣ соединены, какъбы перепончатыми связками (Ligamenta), отростками ткани сѣмянной оболочки, съ внутреннею частью плодовой стѣнки. Осторожно растягивая богатый сосудистыми пучками стержень (Rachis) плода, за противуположные концы, мы настолько можемъ удлинить его, что прилежащія взаимно сѣмяна далеко отходятъ другъ отъ друга и самъ Rachis становится почти въ 1⅓ раза длиннѣе плодовой полости. Стѣнка свѣжаго плода безвкусна, мягка, уступчива и легко рѣжется ножемъ. Поверхность разрѣза чисто бѣлаго цвѣта. Толщина стѣнки, по ребру (ихъ, какъ уже сказано, насчитываемъ на поперечномъ разрѣзѣ отъ 8 до 10), равна 12, между ними—6 миллиметрамъ. Вынутыя изъ плодовъ цѣльныя массы, состоящія изъ склеенныхъ между собою сѣмянъ и стержня, переносятся рабочими въ плоскія, низкія корыта, наполненныя проточною водою. Здѣсь сѣмена освобождаются несложными механическими пріемами, при содѣйствіи рукъ рабочихъ, отъ оболочекъ и плодовыхъ стержней и поступаютъ въ корыта, расположенныя ниже, въ нихъ вымываются

окончательно и, разсыпанные на цыновкахъ изъ кокоса и полотна джута (Jute), высушиваются прямо на солнцѣ по типу приготовленія такъ называемаго «солнечнаго какао». Броженія въ землѣ (такъ называемое Земляное Какао) Fraser не практикуетъ.

Естественно, что я не могъ не воспользоваться исключительно благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, дававшихъ мнѣ возможность изучить непосредственно не только свѣжее, но даже прямо живое еще сѣмя какао. Бѣлокрасноватый, покрытый слизью, вытянутый препарированіемъ Rachis (богатый сосудистыми пучками) достигаетъ въ своей наиболѣе толстой, срединной, части мѣстами до 12—13 миллиметровъ, причемъ тутъ-же встрѣчаются рѣзкіе перехваты, не толще 5—6 миллиметр. Ближе къ полюсамъ плода, такіе размѣры поперечника являются уже нормальными. Отъ главной оси стержня отходятъ перепончатые отростки, а между ними (такого-же красновато-бѣлаго цвѣта) сѣмянные канатики частью атрофированныхъ, частью вполнѣ развившихся зрѣлыхъ сѣмянъ. Продолговато яйцевидныя сѣмяна имѣютъ въ среднемъ выводѣ, $2^1/_2$ центиметра длины, при $1^1/_2$ центиметрахъ поперечника. Длина сѣмяннаго канатика (Funiculus spermaticus) равняется при этомъ 12 миллиметрамъ, при 3 миллиметр. поперечника. Наружная часть сѣмянной, очень свѣтлобурой, бѣловатой почти, оболочки, въ нѣскольких мѣстахъ снабжена плоскими перепончатыми отростками—тяжами, сростающимися, въ видѣ перемычекъ, со внутреннею стѣнкою плода. Поперечникъ всей сѣмянной оболочки (Testa) въ 1 миллиметръ толщиною въ мѣстахъ отхожденія тяжей утолщается вдвое. На продольномъ разрѣзѣ сѣмени видно, что безбѣлковое ядро его состоитъ изъ двухъ, очень мясистыхъ, сложенныхъ многочисленными складками въ видѣ брыжжейки въ общемъ плосковыпуклыхъ сѣмянодолей, между которыми лежитъ короткая прямая и относительно толстая ось зародыша. Корешекъ ея, соотвѣтствующій Mikropyle, почти достигаетъ сѣмянной оболочки области рубчика (Hilum), къ которому прикрѣпляется Funiculus spermaticus. Plumula, слабо развитая, обращена къ противуположному полюсу сѣмени, близь котораго находится Chalaza (такъ называемое основаніе) его. При длинѣ сѣмяннаго ядра въ 23 миллиметра, длина всей оси зародыша (plumula, hypocotylum, radicula) равняется 7, поперечникъ его 2 миллиметрамъ.

Вся ткань сочныхъ и мясистыхъ сѣмянодолей за исключеніемъ бѣлой оси зародыша, слѣдовательно

подавляющая масса ядра живого сѣмени, является красно-фіолетовою, но внимательное наблюденіе противъ свѣта невооруженнымъ глазомъ, или еще лучше въ лупу на бѣломъ листѣ бумаги обнаруживаетъ въ препаратѣ, такіе-же темно-пурпуровыя безчисленныя точки, какъ и въ продажномъ товарѣ солнечнаго какао. Многочисленные, тонко перепончатые, отростки внутренней сѣмянной оболочки между hypocotylum и сѣмянодолями. а также и между складками послѣднихъ представляется бѣлыми. Какъ извѣстно, ткань сѣмянодолей продажныхъ сѣмянъ какао, особенно не подвергавшихся земляному броженію, напримѣръ сорта: Bahia, богата группами красно, иногда даже и сине-фіолетовыхъ, пигментныхъ клѣтокъ [1]), на которыя впервые обратилъ вниманіе Mitscherlich, назвавшій красящее начало въ нихъ отлагающееся «Kakaoroth». Въ свое время Mitscherlich, исходя изъ предположенія что свѣжія сѣмена какао безцвѣтны, объяснялъ присутствіе въ нихъ пигментныхъ пятенъ, какъ явленіе позднѣйшее, посмертное: вызванное окисленіемъ во время процесса броженія. Ошибочное мнѣніе это приводится безъ возраженій въ руководствахъ фармакогнозіи и въ наши дни [2]). Прежде всего всѣ живыя зрѣлыя сѣмена какао, которыя я видѣлъ и изслѣдовалъ на Цейлонѣ, у Fraser'а и въ окрестностяхъ Kolombo, а также и на Явѣ [Tjikeumen близь Бейтэнзорга (Buitenzorg)] были всегда ярко красно-фіолетовыми и всего менѣе могли быть названы: «beinahe weiss». Затѣмъ всѣ они, какъ показывалъ микроскопъ (я изслѣдовалъ всегда сѣмена еще живыя, изъ плодовъ непосредственно срѣзанныхъ), не только въ зрѣломъ состояніи, но даже и въ плодахъ еще очень молодыхъ относительно, уже обнаруживали типическія группы пигментныхъ клѣтокъ, цвѣтомъ и реакціями ничѣмъ не отличавшихся отъ продажнаго товара Cacao Bahia. Такимъ образомъ вполнѣ подтвердилось то предположеніе о неправильности воззрѣнія Mitscherlich'а, которое я высказывалъ, какъ печатно (Тихомировъ l. c. p. 747), такъ и высказываю своимъ слушателямъ, изъ года въ годъ, на лекціяхъ пока неожиданно-счастливый случай посѣщенія тропиковъ

1) Сравни: Тихомировъ: Руководство къ изученію Фармакогнозіи. Томъ I, стр.: 746—747, Fig. 156, B, D, E, pg. и Fig. 157, F. pg; 1888 г. Москва. Изд. А. Карцева.

2) «Da die Cacaosamen ursprünglich beinahe weiss sind, so vermuthet Mitscherlich, dass das Cacaorot nachträglich aus einem, gerbstoffähnlichen Körper chervorgehe» Flückiger: Pharmakognosie S. 97 itt лOD. Auflage 1891, Berlin. Heyfelder.

обоихъ полушарій не далъ мнѣ возможности убѣдиться въ этомъ окончательно и собственными наблюденіями. Укажу кстати, что помимо всякихъ другихъ частностей уже одно присутствіе пигментныхъ точекъ въ складчатыхъ сѣмянодоляхъ, систематически не особо далекаго отъ Theobroma хлопчатника (Gossypium). могло наводить a priori на мысль, что возрѣніе Mitscherlich'a очень мало вѣроятно и врядъ-ли оправдается дѣйствительно, какъ это и оказалось на самомъ дѣлѣ.

Другая интересная особенность паренхимы живыхъ сѣмянодолей какао состоитъ въ томъ, что твердый, кристаллическій жиръ (Butyrum Cacao), образующій въ продажномъ товарѣ безформенные комки содержимаго клѣтокъ ея, причемъ заключенныя въ нихъ крахмальныя зерна становятся видимы лишь по устраненіи эѳиромъ облекающаго ихъ затвердѣвшаго Butyrum Cacao, является здѣсь еще жидкимъ: въ видѣ различной величины капель, сквозь которыя ясно видны мелкія крахмальныя зерна и мельчайшій алейронъ. При дѣйствіи на препаратъ глицерина (и кислотъ), по краямъ перваго обильно выступаютъ только что упомянутыя капли жирнаго масла. Таковы интересныя микроскопическія особенности строенія живыхъ сѣмянъ какао.

Возвратимся теперь къ дѣятельности Fraser'a. Рядомъ съ какао сушилось на солнцѣ (на кокосовыхъ цыновкахъ и джутовомъ полотнѣ) также и незначительное количество цѣльныхъ сѣмянъ мускатнаго орѣха, въ ихъ деревянистой блестящей, черно-бурой оболочкѣ (Testa) и, уже снятой, третьей оболочкѣ такъ называемаго мускатнаго цвѣта: Macis, необычайно сильнаго аромата и жгучаго какъ огонь вкуса, кое-гдѣ еще ярко-малиноваго еще свѣжаго), по бóльшей части, однакоже, уже оранжеваго, т. е. высохшаго. Мускатный цвѣтъ сбывается всегда очень хорошо на Цейлонѣ, тогда какъ орѣхи, продаваемые цѣликомъ, т. е. съ ядромъ внутри ихъ деревянистой оболочки находятъ для себя менѣе выгодныхъ, по преимуществу лишь мѣстныхъ покупателей.

Выше 3,000 футовъ исчезаютъ кокосъ и арэка, такъ что изъ представителей пальмъ остается еще одна только «Kitul», Caryota urens L, съ ея оригинальнымъ видомъ: громадными кистями чередующихся этажами мужскихъ и женскихъ соцвѣтій и очередными повторно раздѣльными листьями, конечные сегменты которыхъ напоминаютъ нѣсколько очертанія иныхъ, колоссально увеличенныхъ, папоротниковъ (Adiantum). Вмѣстѣ съ кокосомъ и арэкою про-

падаютъ и папая (Carica Papaya L), исчезаетъ бананъ, изъ хлѣбныхъ деревьевъ остается еще «Kos», Artocarpus integrifolia L., все чаще и роскошнѣе начинаютъ попадаться древовидные папоротники и Вы незамѣтно вступаете въ то настоящее горное царство чая и цинхонъ, о которомъ уже была рѣчь выше.

Перейдемъ теперь къ разведенію и приготовленію чая на Цейлонѣ, но остановимся предварительно, на сколько это нужно для нашихъ цѣлей, на его наиболѣе практически важныхъ особенностяхъ, т. е. листьяхъ. Какъ извѣстно, листъ Thea Chinensis Simson, по своимъ очертаніямъ представляется болѣе или менѣе широко овально-ланцетовиднымъ, къ верхушкѣ и основанію суживающимся, коротко черешчатымъ и лишеннымъ прилистниковъ. Край его за исключеніемъ незначительнаго участка у основанія пилообразно зубчатый; верхушка каждаго зубца снабжена долго остающеюся, характерной черною цилиндрическою, нѣсколько изогнутою щетинкою: многоклѣточно-бурою железкою, какъ показываетъ микроскопъ [1]). Верхушка листа, болѣе или менѣе вытянутая и заостренная, оканчивается двумя выдающимися нѣсколько полукруглыми сегментами, выступающими впередъ за окончаніе срединнаго нерва. Въ иныхъ случаяхъ выступы эти выражены рѣзко, въ другихъ они едва замѣтны или даже, при сильномъ закругленіи верхушки листа, сведены къ нулю. (Сравни фототипію первую: у Fig. A, напримѣръ, лѣвый листъ не смотря на недоразвитіе верхушечнаго удлинненнаго суженія имѣетъ явственную конечную выемку, листъ правый лишенъ ея вполнѣ). Приведенныхъ морфологическихъ данныхъ достаточно дня нашей цѣли. Разнообразіе разводимыхъ породъ чая различныхъ странъ сводится, по моему, кромѣ различія размѣровъ листа, главнымъ образомъ на его относительную длину и ширину, закругленіе или удлинненіе верхушки и относительную (при одинаковомъ возрастѣ, разумѣется) плотность или тонкость его эпидермы и мезофилла.

Попытаемся теперь на основаніи этихъ данныхъ охарактеризовать листья чая Цейлонскаго. Выше было уже упомянуто, что Thea Chinensis, Varietas Assamica отличается въ особенности крупными, даже гигантскими, размѣрами своихъ листьевъ. Плантаторы Цейлона предпочитаютъ сѣмена чая Индійскаго Китайскому и разводятъ всегда охотнѣе первый, т. е. въ сущности Ассамскій. Соотвѣтственно своему первоначальному происхожденію

1) Проф. В. А. Тихомировъ. Къ вопросу объ экспертизѣ поддѣльнаго и спитого чая. Фарм. Журн. 1890 г. № 39, стр. 612.

чай Цейлонскій превосходитъ вообще Китайскій прежде всего размѣрами своихъ листьевъ. Приведу нѣсколько измѣреній, подтверждающихъ это положеніе. Вполнѣ взрослые, хорошо развитые, листья Индійскаго и Цейлонскаго (т. е. происшедшаго изъ Цейлонскихъ сѣмянъ, имѣвшихъ Индійскихъ предковъ) чая плантацій Abbodsford Fergüsson'а имѣютъ, какъ показали мои измѣренія, отъ 10 до 14½ центиметровъ длины, считая вмѣстѣ съ черешкомъ, при 4—5 центиметрахъ наибольшаго поперечника. Листья той-же Индійской породы, другой, принадлежащей акціонерному обществу плантаціи Mariya Watte, близъ Gampola (станція желѣзной дороги), достигаютъ 10—12 центиметровъ длины (на черешекъ приходится 5—6 миллиметровъ), при 4½ центиметрахъ наибольшей ширины; наконецъ листья чайной плантаціи между Kandy и Peradeniya, имени владѣльца которой я узнать не могъ, при томъ-же поперечникѣ 4½ центиметровъ, имѣли въ длину до 16 центиметровъ. Таковы средніе размѣры листьевъ типическаго Цейлонскаго чая. Этотъ нормально крупный типъ его можетъ однакоже въ отдѣльныхъ случаяхъ приближаться совершенно къ гигантскимъ листья своего Ассамскаго предка: таковы напримѣръ образцы, которые удалось мнѣ получить изъ другой области чайныхъ плантацій: изъ Ratnapura, лежащей на рѣкѣ Kalu-ganga къ юго-западу отъ Адамова-Пика. Листья этой породы, названной «Sana» (Estate singlo hybrid Tea seed) и особенно рекламируемой продавцами за величину и тонкость листа ея, дѣйствительно громадны, какъ показываетъ фигура C фототипіи первой. Длина листа достигаетъ здѣсь 23½ центиметровъ, при наибольшей ширинѣ 9 центиметровъ.

Длина листа «Sana» равняется безъ черешка 23 центиметрамъ и 6 миллиметрамъ, наибольшая ширина 8 центиметрамъ и 9 миллиметрамъ. Какими карликами являются предъ нею образцы чая Китайскаго изъ окрестностей Линджау (И-нинъ-чжоу) и Чи-Кіанга (A и B той-же фототипіи)!

Выше уже было упомянуто, что Китайская разновидность чая отличается отъ Цейлонской кромѣ меньшихъ размѣровъ и бо́льшею плотностью листа; къ этому признаку можно прибавить также и очень частую наклонность закругленія листовой верхушки. Такія особенности чай, вывезенный изъ Китая, сохраняетъ и на Цейлонѣ, въ тѣхъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, гдѣ вслѣдствіе строгаго отбора не получается сѣмянъ путемъ скрещиванія его съ породою Ас-

самскою. Такъ типическіе образцы Китайскаго чая плантацій A b-bodsford болѣе кожисты и тупоконечны, чѣмъ листья породъ Индійскихъ и размѣры самихъ листьевъ значительно меньше; длина ихъ вмѣстѣ съ черешкомъ равняется $4^1/_2$—7 центиметрамъ при 2—3 центиметрахъ наибо́льшаго поперечника. Плантаторы вообще стараются замѣнять у себя чай Китайскаго происхожденія Цейлонскимъ, что при огромной конкуренціи торговли сѣмянами послѣдняго весьма легко достигается.

Перейдемъ теперь къ ближайшему ознакомленію съ разведеніемъ и производствомъ чая на Цейлонѣ. Плантаціи его разбиваются частью на мѣстѣ бывшихъ кофейныхъ, погибшихь или погибающихъ отъ Hemileia vastatrix, частью-же, и притомъ главнымъ образомъ, на мѣстахъ новыхъ, путемъ выжиганія лѣсовъ.

Приготовленіе почвы новыхъ плантацій состоитъ въ томъ, что удобренные выжиганіемъ лѣсовъ, склоны горъ разбиваются на опредѣленные участки, гдѣ прорываются канавы, служащія для орошенія и проведенія воды горныхъ потоковъ: чай нуждается въ хорошемъ орошеніи, но безъ застоя воды. На приготовленной такимъ путемъ почвѣ, молодые чайные кустики разсаживаются (гдѣ это позволяетъ мѣстность) правильными рядами, на разстояніи 3, чаще-же 4 Англійскихъ футовъ одинъ отъ другого.

Разведеніе чая на Цейлонѣ происходитъ исключительно сѣмянами. Размноженіе черенками имѣетъ мѣсто лишь въ тѣхъ немногихъ исключительныхъ случаяхъ, когда разсчитываютъ вполнѣ обезпечить въ потомствѣ высокія качества особенно цѣнимой породы — иначе оно обошлось-бы слишкомъ дорого. Сѣмяна для нуждъ собственныхъ плантацій и для продажи (въ этомъ отношеніи наблюдается на островѣ сильная конкуренція), получаются отъ особыхъ сѣмянныхъ деревьевъ, которымъ даютъ расти привольно, не подвергая ихъ обрѣзкѣ и сбору листьевъ. Количество сѣмянъ, необходимыхъ для посѣва на одинъ разъ, равняется обыкновенно 80 Англійскимъ фунтамъ (Maund: по англійски: корзина). Средняя цѣна этого количества, достаточнаго для 6 акровъ, 65 рупій [1]), но отдѣлъ объявленій Цейлонско-Англійскихъ газетъ переполненъ предложеніями продажи партій сѣмянъ, еще болѣе дешевыхъ и доброкачественныхъ, чѣмъ тѣ, которыя пропечатаны въ объявленіи другомъ: стоящемъ непосредственно выше надъ послѣднимъ. Конкуренція въ этомъ отношеніи, повторяю, громадная.

[1]) Во время моего пребыванія на Цейлонѣ стоимость рупіи, по курсу, равнялась 1 франку и 85 сантимамъ.

Господствують въ продажѣ въ настоящее время, можно сказать, исключительно сѣмяна Цейлонскія и Индійскія (и тѣ и другія изъ Ассама). Прежде ввозились и Китайскія; теперь ихъ нѣтъ болѣе на рынкѣ и по причинамъ весьма понятнымъ: 1) они дороже мѣстныхъ; 2) богатыя жирнымъ масломъ сѣмяна Thea Chinensis быстро теряютъ способность проростанія и 3) печальный опытъ показалъ, что когда необходима была еще доставка сѣмянъ изъ Китая, послѣднія, чтобы вѣрнѣе обезпечить ихъ невсхожесть, обваривались сынами «Срединнаго Царства» предварительно кипяткомъ и затѣмъ уже поступали въ продажу!

Несмотря на преобладающее предпочтеніе къ чаю Индійскаго происхожденія, Китайская порода его встрѣчается еще здѣсь и по настоящее время и притомъ на плантаціяхъ, выдающихся по своимъ достоинствамъ и обширности, какъ это наблюдается напримѣръ въ Abbodsford'ѣ Fergüsson'a. Чай цвѣтетъ и приноситъ плоды на Цейлонѣ непрерывно круглый годъ, нерѣдко одновременно на одной и той-же вѣтви, тѣмъ не менѣе самое обильное цвѣтеніе выпадаетъ на январь и февраль.

Какъ извѣстно плодъ Thea Chinensis представляетъ собою, соотвѣтственно трехъ-гнѣздной завязи, тройную, чернобурую кожистую коробочку, заключающую въ каждой полости своей по одному, болѣе свѣтлобурому, сѣмени, величиною въ мелкій лѣсной орѣхъ, или очень крупную горошину. Очень часто однакоже вмѣсто трехъ сѣмяноночекъ (Ovula) развиваются только двѣ или даже одна, тогда коробочка является не тройною, какъ-бы слѣдовало, но только двойною или одиночною, (сравни фигуру B первой фототипіи). Подъ тонкою оболочкою сѣмени заключено бѣложелтоватое ядро его; оно не имѣетъ бѣлка (Endospermum), и состоитъ изъ двухъ желтовато-бѣлыхъ, очень мясистыхъ, двояко выпуклыхъ сѣмянодолей и относительно очень небольшей оси зародыша. Вкусъ весьма богатаго жирнымъ масломъ сѣмяннаго ядра сильно и противно горькій. Въ Китаѣ сѣмяна эти служатъ для выжиманія изъ нихъ жирнаго масла (красноватаго цвѣта и довольно сноснаго, почти лишеннаго горечи, вкуса), идущаго больше въ пищу неразборчиваго «желтаго человѣка» чѣмъ на освѣщеніе—не то на Цейлонѣ: здѣсь такое употребленіе чайныхъ сѣмянъ неизвѣстно по слѣдующимъ причинамъ: 1) Потребности въ растительномъ маслѣ для пищи и освѣщенія съ избыткомъ удовлетворяетъ Сингалезовъ, царь Цейлона. Кокосъ (Cocos nuciferas L.), своими орѣхами; 2) Сборъ плодовъ сѣмянныхъ чайныхъ деревьевъ идетъ цѣликомъ на посѣвъ для чайныхъ

плантацій, а кустамъ послѣднихъ цвѣсти не даютъ, систематическою обрѣзкою ихъ, о чемъ плантаторы очень заботятся, считая устраненіе цвѣтенія залогомъ высшаго качества листа.

Посѣвъ сѣмянъ производится на особыхъ грядахъ-питомникахъ: Nurseries. Въ горахъ (на высотѣ 3000—6000 фут.), питомники эти совершенно открыты, ниже онѣ устраиваются подъ легкими крышами, защищающими молодыя растеньица отъ вреднаго вліянія избытка свѣта и силы солнца. Черезъ 6—12 мѣсяцевъ всходы достигаютъ вышины 12—35 сантиметровъ. Теперь кустики разсаживаются на плантаціи по заранѣе намѣченнымъ колышками мѣстамъ, втыкаемымъ квадратами, каждая сторона котораго равняется 4-мъ, рѣже 3 Англійскимъ футамъ. Уже на второмъ году жизни кустъ зацвѣтаетъ и приноситъ плоды. Черезъ 18 мѣсяцевъ послѣ посадки производится первая обрѣзка садовымъ ножемъ, боковыхъ вѣтвей почти до гола, причемъ кусту придается форма, обращенаго основаніемъ внизъ конуса или пирамиды.

Спеціальной поливки какъ старыхъ, такъ и новыхъ плантацій не производится никогда. Вѣчно влажная, насыщенная водяными парами атмосфера горныхъ ущелій Цейлона избавляетъ плантатора отъ этого труда, тогда какъ почвенное водоснабженіе и устраненіе избытка дождевыхъ потоковъ регулируется прорытами въ разныхъ направленіяхъ по склонамъ плантаціи канавами.

Въ недалекихъ разстояніяхъ одна отъ другой, чаще или рѣже, смотря по условіямъ мѣстности, вырываются на плантаціи четыреугольные ямы, глубиною въ 4—5 футовъ; въ нихъ складываются удаляемыя выпалываніемъ сорныя травы. По наполненіи ямъ, содержимое удаляется и въ иныхъ случаяхъ прямо выбрасывается, или сжигается для утилизаціи золы, въ другихъ-же идетъ на удобренія почвы прямо согласно личнымъ взглядамъ и убѣжденіямъ плантатора.

Первый сборъ листьевъ новой плантаціи наступаетъ на третьемъ году; затѣмъ, какъ и на плантаціяхъ старыхъ, онъ продолжается непрерывно весь годъ, черезъ промежутокъ 10—14 дней, при соблюденіи строгой очереди эксплуатаціи отдѣльныхъ участковъ плантаціи.

Въ этомъ отношеніи Цейлонъ, благодаря своимъ климатическимъ условіямъ, имѣетъ громадное преимущество предъ внѣтропическою полосою восточнаго Китая, гдѣ (Провинція Дзянь-си)

какъ увидимъ, чай имѣетъ только одинъ главный (весенній) и два менѣе важные лѣтніе срока, такъ какъ четвертый сборъ конца лѣта непостояненъ, да и чай этого періода, вслѣдствіе дурныхъ качествъ стараго уже листа, не имѣетъ почти значенія.

Для успѣшнаго содержанія плантацій, необходимо періодическое удобреніе ихъ, въ большинствѣ случаевъ черезъ три года. Матеріаломъ для этой цѣли служатъ: 1) Пометъ рогатаго скота: главнымъ образомъ горбатыхъ быковъ—зэбу: крупныхъ, употребляемыхъ для обработки земли и возки тяжестей, и мелкихъ бычковъ-бѣгуновъ, служащихъ для легковой экипажной ѣзды [1]): этихъ, столь характерныхъ для острова, двукопытныхъ рогатыхъ—рысаковъ; 2) Жмыхи сѣмянъ клещевины (Ricinus communis L., здѣсь уже высокаго, многолѣтняго дерева). Значительныя партіи этого продукта пріобрѣтаются плантаторами изъ заводовъ, занимающихся выдѣлкою въ Коломбо, въ довольно большихъ размѣрахъ клещевиннаго масла. 3) Жмыхи сѣмянныхъ ядеръ кокосовыхъ орѣховъ, послужившихъ для полученія главнаго и, скажемъ кстати, почти единственнаго продукта вывоза Цейлона—кокосоваго масла (здѣсь, благодаря условіямъ температуры, постоянно жидкаго). Эти жмыхи достаются всего легче, но по своему достоинству онѣ считаются ниже не только удобренія скота, но даже и жмыхъ клещевины.

Не задолго до наступленія дождливаго періода, въ Апрѣлѣ, удобреніе раскладывается по плантаціямъ кучами, на извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Дождливое время года на Цейлонѣ совпадаетъ съ наступленіемъ «дурнаго» юго-западнаго Муссона замѣняющаго «хорошій» и сухой сѣверо-восточный. Періодъ дождей тянется съ Мая по Октябрь, причемъ наибольшее количество ихъ выпадаетъ въ іюнѣ, какъ это доказываютъ несомнѣнно, тщательно собираемые здѣсь, метеорологическія данныя послѣдняго десятилѣтія. Нѣкоторые плантаторы кладутъ удобреніе въ маѣ и даже

1) Благодаря превосходному шоссе, такой горбатый бычекъ, ростомъ съ нашего крупнаго годовалаго теленка, короткорогій и часто напоминающій прихотливымъ размѣщеніемъ мелкихъ бѣлыхъ фигурныхъ пятенъ своей черной рубашки священнаго Аписа древнихъ Египтянъ, свободно везетъ рысью, а подъ гору и вскачь, легкую двухколесную коляску, во внутреннемъ ящикѣ которой могутъ помѣститься, хотя и тѣсно 2, 3 пассажира, кромѣ сидящаго впереди кучера Сингалеза, съ его косою и гребнемъ. Козъ и овецъ на Цейлонѣ мало; лошади предметъ роскоши, привозятся изъ Индіи и Австраліи, свиней не держатъ совсѣмъ: нѣтъ здѣсь ихъ любителей — Китайцевъ, а Сингалезы - Буддисты вообще мяса не ѣдятъ.

Іюнѣ, но большинство предпочитаетъ Апрѣль, справедливо предполагая, что преобладающее количество перваго при такихъ условіяхъ будетъ уноситься слишкомъ быстро, безъ пользы слѣдовательно, дождевыми потоками.

Пользованіе чайною плантаціею—безсрочное. Кусты умершіе, умирающіе или приносящіе дурные или въ недостаточномъ количествѣ листья, постепенно замѣняются подсадкою новыхъ. Слишкомъ обильное размноженіе сорныхъ травъ устраняется нерѣдко и выжиганіемъ. Это не вредитъ чайному кусту, корни котораго проникаютъ въ почву такъ глубоко, что послѣ выжиганія (удобряющаго кромѣ того золою и самую землю) кустъ даетъ обильно новые побѣги. Послѣдній, судя по единодушнымъ отзывамъ плантаторовъ, вообще долговѣченъ, и это даетъ возможность эксплуатаціи одного и того-же куста въ теченіи десятковъ лѣтъ.

На чайныхъ плантаціяхъ Цейлона мнѣ не случалось наблюдать какихъ-либо растительныхъ или животныхъ паразитовъ, ему особенно вредящихъ. Изъ разспросовъ плантаторовъ въ этомъ направленіи, я убѣдился также, что какіе-либо вредные паразиты чая имъ настолько-же мало извѣстны, насколько хорошо знакома (особенно разореннымъ ею), постоянно вызывающая проклятія «кофейная чума» [1]).

Сборъ чайныхъ листьевъ, какъ уже упомянуто производится въ теченіи всего года черезъ 10—14 дней, нанимаемыми плантаторомъ «черными», какъ выражаются Англичане, туземцами: коричневыми Сингалезами и темно-бурыми. Тамилами (Tamil): мужчинами, женщинами и дѣтьми.

Въ дѣло идутъ только травянистыя еще верхушки вѣтвей съ ихъ конечною почкою и 3—4 послѣдними самыми молодыми листьями и если при обрѣзкѣ чайныхъ кустовъ всегда пускается въ дѣло ножъ, то при сборѣ чая эти мягкія верхушки вѣтвей и листья ихъ отщипываются постоянно не иначе какъ руками: съ помощью ногтей большаго и указательнаго пальцевъ. Обязательное количество сырого листа, ко-

1) На Явѣ чай, какъ и цинхоны, сильно страдаетъ отъ мелкаго насѣкомаго Helopeltis Antonii Signoret (Hemiptera). На Цейлонѣ его совсѣмъ не знаютъ, по крайней мѣрѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ я былъ; быть можетъ, однакоже, въ близкомъ будущемъ и эта чаша не минуетъ Цейлонъ: Въ Индіи новый врагъ этотъ уже получилъ право гражданства у плантаторовъ цинхонъ и чая подъ названіемъ: »Tea bug«.

торое долженъ собрать въ день[1]) каждый рабочій равняется 16 Англійскимъ фунтамъ. За каждый лишній, собранный противъ нормы фунтъ онъ получаетъ лишній центъ (1/100 часть рупіи). Норма дневной платы для мужчины 31 центъ (10 пенсовъ), для женщины 25 (6 пенсовъ), для дѣтей 12—13 (3 пенса) центовъ.

Приготовленіе чая. На Цейлонѣ, насколько мнѣ извѣстно, готовится только одинъ черный чай. Производство его сосредоточивается на такъ называемыхъ чайныхъ фабрикахъ или заводахъ: длинныхъ 2, иногда 3-хъ этажныхъ, деревянныхъ, сильно вентилируемыхъ зданіяхъ, со множествомъ весьма тѣсно расположенныхъ оконъ. Заводы эти какъ и жилище (Bungalow) плантатора расположены обыкновенно въ ближайшемъ сосѣдствѣ или даже среди самыхъ чайно-хинныхъ плантацій, высоко въ горахъ Цейлона, получающихъ, благодаря лихорадочному развитію чайнаго дѣла на островѣ, какъ бы видъ одной общей громадной и однообразной картины чайной плантаціи (Цинхоны являются лишь ея незначительною частью, благодаря ихъ рѣдко стоящимъ деревьямъ), о которой уже была рѣчь выше.

Рабочими на чайныхъ заводахъ являются тѣ-же «черные» получающіе суточную задѣльную плату, съ 6 часовъ утра до 12 оочи: мужчины въ размѣрѣ 1/2 рупіи (50 центовъ), женщиныe1—33 центовъ. Доставляемые на заводъ, только что сорванные молодые, ярко свѣтло-зеленые, тонкіе листья разсыпаются (обыкновенно во второмъ этажѣ завода) на горизонтальныхъ, расположенныхъ одна надъ другою рамахъ, изъ полотна юты (джутъ Англичанъ), на 24—48 часовъ для провяливанія. Такое провяливаніе, то-есть лишеніе тканей листа ихъ упругости путемъ пороки извѣстнаго количества воды, должно необходимо предшествовать сверткѣ листьевъ. Степень провяливанія признается удовлетворительною, когда захваченные въ комокъ и сжатые въ рукѣ листья, не распрямляясь болѣе, остаются въ томъ же состояніи комка, будучи выпущенными изъ нея.

Свертка листьевъ — машинная, какъ и вообще весь процессъ производства чая на Цейлонѣ. Листья помѣщаются въ осо·

---

1) Долгота дня на Цейлонѣ въ теченіи всего года представляетъ колебанія лишь ничтожныя: постоянно около 6 часовъ утра свѣтлый день сразу смѣняетъ глубокую ночь, а около 6 ч. вечера, такъ-же внезапно, безъ сумерковъ, въ 1 1/2—2 минуты, ночная тьма внезапно побѣждаетъ яркій дневной свѣтъ. Зажигайте тогда вашу незамѣнимую (по неволѣ) лампаду съ кокосовымъ масломъ — этотъ классическій и, увы, очень недостаточный источникъ ночнаго освѣщенія Цейлона — больше ничего не остается дѣлать!

быхъ ящикахъ, на днѣ которыхъ, при участіи механическихъ приспособленій: зубчатыхъ колесъ, шестерней и безконечнаго ремня, двѣ, горизонтальныя плоскости движутся на встрѣчу одна другой, скатывая, находящійся между ними слой листьевъ, помощью трущихся другъ о друга деревянныхъ валовъ, причемъ рабочіе руками содѣйствуютъ правильности и равномѣрности самого процесса такого скатыванія. По окончаніи свертки, скатанные листья пропускаются послѣдовательно сквозь металлическія сита съ петлями различной величины, чѣмъ и обусловливается первая сортировка чая: самые мелкіе свертки, состоящіе изъ почекъ и молодыхъ послѣднихъ нѣжныхъ листочковъ дадутъ высшій сортъ товара: Pekoё, листья болѣе крупные и старые — сорта низшаго качества, о чемъ рѣчь впереди.

Броженіе. Необходимымъ условіемъ производства чернаго чая: будетъ-ли онъ приготовляться на Цейлонѣ, въ Индіи, Китаѣ, на Явѣ или въ Японіи [1]) является предварительное броженіе сырыхъ еще листьевъ его. Для этой цѣли, пропущенные сквозь сита и такимъ образомъ раздѣленные по степени ихъ мелкости, влажные свернутые листья помѣщаются на горизонтальныхъ полотняныхъ (изъ юты), расположенныхъ одна надъ другою рамахъ, слоемъ около двухъ Англійскихъ дюймовъ толщиною. Черезъ извѣстное время, подъ вліяніемъ теплоты и влажности, въ нихъ развивается своеобразный процессъ броженія, результатомъ котораго и является полученіе чернаго чая. Для достиженія такой цѣли нѣжнымъ и молодымъ листьямъ достаточно 3-хъ, болѣе старымъ и грубымъ $4^1/_2$ часовъ. Естественно, что относительно болѣе холодная погода, какъ это часто случается въ горахъ Цейлона (гдѣ преимущественно сосредоточены чайные заводы), требуетъ тѣмъ бо̀льшаго періода времени для броженія, чѣмъ ниже температура, совпадающая съ этимъ процессомъ. Здѣсь на выручку плантатора являются регуляторами уже его личная опытность и навыкъ.

Сушка перебродившаго чая сводится къ тому, что посредствомъ не всегда одинаковыхъ въ частностяхъ, но общихъ по существу вентиляціонныхъ приспособленій и аспираторовъ, непрерывный токъ сухого горячаго воздуха, (такъ назы-

1) Японія, какъ извѣстно, производитъ главнымъ образомъ чай зеленый, идущій преимущественно въ Америку черезъ Санъ-Франциско, но въ настоящее время она стала готовить и черный чай, впрочемъ далеко не высокаго качества, и въ количествѣ относительно небольшомъ.

ваемая система «Сирроко») циркулируетъ постоянно между горизонтальными, или наклонно расположенными одна надъ другой полотняными рамами, на которыхъ, тонкимъ слоемъ, разсыпанъ высушиваемый свернутый и перебродившій листъ, получающій при этомъ свой характерный черный цвѣтъ. Температура при началѣ сушки держится нѣкоторое время при 240—220 Fahrenheit'а затѣмъ ее понижаютъ до 200—180 [2]). Время полнаго высушиванія, неодинаковое разумѣется въ отдѣльныхъ случаяхъ и на различныхъ заводахъ, опредѣляется практическимъ навыкомъ плантатора и его помощниковъ. Чай вполнѣ высушенный вторично пропускается сквозь сита различныхъ №№ и такимъ образомъ дѣлится окончательно на сорта, о которыхъ будетъ тотчасъ рѣчь, и немедленно, еще горячимъ, подвергается окончательной укладкѣ въ картузы (пакеты) изъ листоваго свинца, помѣщаемые въ свою очередь въ заранѣе приготовленные, по большей части деревянные и вполнѣ сухіе, рѣже въ жестяные ящики.

Торговые сорта Цейлонскаго чая. По отношенію къ отличіямъ сортовъ чая относительно его достоинства, на Цейлонѣ существуетъ лишь слѣдующая, общепринятая номенклатура:

I) Pekoë — лучшій, наиболѣе дорогой изъ всѣхъ сортъ, состоящій изъ самыхъ мелкихъ молодыхъ черныхъ листочковъ и сѣро-бѣловатыхъ (вслѣдствіе обилія характерныхъ шелковистыхъ волосковъ) неразвернувшихся еще листовыхъ почекъ, такъ называемыхъ «иголочекъ». Чѣмъ больше послѣднихъ, тѣмъ дороже самый сортъ чая, соотвѣтствующій до извѣстной степени высшимъ, такъ называемымъ «Цвѣточнымъ» сортамъ Черна го Китайскаго чая: «Бай-хао», что значитъ: бѣлая рѣсничка или бѣлый волосокъ. Замѣтимъ кстати, что именно отъ этого термина произошло названіе «Байховыхъ чаевъ» нашихъ торговцевъ. Англійскій терминъ: Pekoë есть повидимому ничто иное, какъ искаженное Китайское: Бай-хао. Достаточно побывать въ Китаѣ, чтобы убѣдиться какъ неясенъ и въ то-же время разнообразенъ выговоръ одного и того-же слова въ устахъ представителей различныхъ провинцій обширной Небесной Имперіи. Такъ напримѣръ жители Фу-чау (Точнѣе Фу-джу)

2) Въ глазахъ истиннаго сына Албіона всякая невозможность Англійскаго происхожденія возможна и желательна по преимуществу. Одною изъ такихъ яркихъ иллюстрацій этого печальнаго и тупоумнаго самопочитанія служитъ на Цейлонѣ, какъ и въ Англіи вообще, исключительное господство одной невозможной скалы Fahrenheit'а.

говорятъ уже: «Па-хо» вмѣсто Бай-хао, какъ сообщилъ мнѣ, жившій въ этой мѣстности Китая И. А. Щербачевъ, служащій при фирмѣ К. и С. Поповыхъ; если между Бай-хао и Пекоэ, или Пеко, аналогія созвучій уже весьма вѣроятна, то промежуточное Пе-хо (Па-хо по Англійски) дѣлаетъ ее конечно еще болѣе очевидною. Допуская происхожденіе Пекоэ отъ Бай-хао надо скорѣе удивляться, какъ мало исказили еще это слово, доходящіе въ искаженіи до Геркулесовыхъ столбовъ, сыны Албіона.

Всѣ прочіе сорта являются менѣе цѣнными вслѣдствіе болѣе крупной величины частицъ товара и болѣе старшаго возраста своихъ листьевъ. Мы разсмотримъ ихъ въ порядкѣ нисходящаго достоинства и цѣны.

II. Orange-Pekoë—второй, очень хорошій мелкій сортъ. Разновидность эта, содержащая въ себѣ много частицъ красноватаго оттѣнка называется: Orange-Pekoë именно по этому. Она цѣнится высоко, какъ на Цейлонѣ, такъ и въ Англіи.

III. Болѣе крупный сортъ, составляющій переходъ къ типу Suchong — зовется Pekoë-Suchong, за которымъ слѣдуетъ

IV. Suchong еще болѣе крупный и менѣе цѣнный. Названіе этого сорта происходитъ, повидимому отъ одной мѣстности Китая, называемой «Сіо-шонъ-чихо», въ Области Кинъ-Янъ-фу (по сообщенію И. А. Щербачева).

V. Худшимъ и наиболѣе дешевымъ чернымъ чаемъ является, наконецъ, приготовляемый изъ самыхъ старыхъ и грубыхъ листьевъ сортъ, называемый Kongu или Kongo. Онъ часто характеризуется красноватымъ оттѣнкомъ какъ самаго товара, такъ и настоя. Въ своемъ неизмѣненномъ видѣ Kongu продается главнымъ образомъ «чернымъ» на Цейлонѣ-же, по 25 центовъ (1/4 рупіи) за фунтъ.

Сорта Pekoë-Suchong и Suchong, до окончательной упаковки ихъ, рѣжутся обыкновенно особыми машинами на болѣе мелкія частицы, какъ утверждаютъ плантаторы, по требованію Лондонскаго рынка. По какому-бы требованію это не было—цѣль ясна: продать его подороже за высшій сортъ. Болѣе вѣроятно, что для такихъ-же цѣлей рѣжется, при удобномъ случаѣ, и Kongu.... но объ этомъ плантаторы умалчиваютъ конечно.

VI. Чайные высѣвки, остатки всѣхъ сортовъ, состоятъ изъ малѣйшихъ частицъ поломанныхъ чайныхъ листьевъ и главнымъ образомъ изъ невидимыхъ почти не-

вооруженнымъ глазомъ, бѣлосѣроватыхъ волосковъ листа. Это такъ называемая чайная пыль: Дэстъ (Dust) плантаторовъ, идущая по дешевымъ цѣнамъ въ Лондонъ, частью для содѣйствія фабрикаціи тѣхъ сортовъ зеленаго чая, который продается въ видѣ различной величины крупинокъ и шариковъ (такъ называемыхъ сортовъ «Ружейнаго пороха и пуль»), частью же на производство на химическихъ заводахъ Кофеина; о послѣднемъ назначеніи чайной пыли большинство плантаторовъ Цейлона ничего не знаетъ, хотя въ техникѣ оно извѣстно давнымъ давно.

Упаковка готоваго къ продажѣ чая производится, какъ уже упомянуто, въ свинцевые листы, вкладываемые въ сухіе деревянные ящики. Послѣдніе приготовляются главнымъ образомъ изъ дерева «Katu-Imbul» Сингалезовъ Bombax Malabaricum D. C. (Fam. Bombaceae) [1]), называемомъ Англичанами: Red cotton tree, рѣже изъ желтоватой древесины дерева «Kos»: Artocarpus integrifolia L., Джека (Jack) Англичанъ, о которомъ уже была рѣчь. Иные плантаторы, Fergüsson напримѣръ, выписываютъ матеріалъ для чайныхъ ящиковъ изъ Японіи, пользуясь однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ хвойныхъ ея: Криптомеріею: Cryptomeria Japonica Don, такъ называемаго «Sugi» Японцевъ, которую Англичане величаютъ Японскимъ Кедромъ (Japanese cedar). Попытка отправлять чай въ Лондонъ въ жестянкахъ (какъ идетъ напримѣръ Японскій чай въ Америку) не прививается. Жесть обходится значительно дороже дерева, да и сама упаковка (по сообщенію Fergüsson'a) неохотно принимается Лондонскимъ рынкомъ.

II.

Чай въ Китаѣ.

Чайныя плантаціи восточнаго Китая пришлось мнѣ видѣть въ Областяхъ (соотвѣтствующихъ, если не принимать въ разсчетъ гораздо меньшія относительныя пространства при край-

1) Bombax Malabaricum во многихъ отношеніяхъ очень типичное для Цейлонской флоры, часто громадное дерево. По нѣсколько мѣсяцевъ въ году стоитъ оно безлистнымъ и тогда рѣзко выдѣляется на роскошномъ фонѣ вѣчно зеленой растительности острова своими, отходящими подъ прямымъ угломъ отъ главнаго ствола, голыми вѣтвями. Въ Февралѣ оно покрывается очень крупными, ярко темно-красными цвѣтками; затѣмъ появляются висящія внизъ плодовыя коробочки и тогда только начинаютъ развиваться молодые, лапчато-раздѣльные листья. Когда созрѣвшія коробочки лопнутъ, изъ нихъ выступаетъ бѣлый войлокъ нѣжныхъ, подобныхъ хлопчатнику, бѣлыхъ волосковъ, окутывающихъ сѣмяна. Волоски эти недостаточно длинные, чтобы замѣнять хлопчатникъ (Gossypium), по ихъ мягкости и нѣжности ихъ, идутъ все-таки на набивку подушекъ, матрасовъ и такъ далѣе.

ней, подавляющей, густотѣ населенія, нашимъ уѣздамъ): У-нинъ и И-нинъ-чжоу Провинціи (соотвѣтствуютъ губерніямъ) Дзянъ-си. Отсюда доставляются въ Ханькоу лучшій черный чай, идущій къ намъ въ Россію на Одессу и въ Англію на Лондонъ. Чайныя плантаціи эти расположены между и вокругъ уѣздныхъ городовъ названныхъ областей: «У-нинъ или Ву-нинъ [1])» и дающаго отборный чай: «И-нинъ-чжоу, по мѣстному произношенію «Линджау». Въ лучшихъ Нѣмецкихъ, наиболѣе точныхъ въ смыслѣ правильности названій, атлассахъ, напримѣръ въ большомъ классическомъ атласѣ Stiler'a Линджау называется не соотвѣтственнымъ дѣйствительности именемъ: Ning. Городъ этотъ, конечный пунктъ нашей экспедиціи, находится между 28—29° сѣверной широты (почти у 29°) и 114—115° восточный долготы, по меридіану Гринича (Greenwich), на западъ отъ озера: По-янъ-ху, двумя узкими протоками своей сѣверной стороны соединяющагося въ одинъ общій, съ юга впадающій въ свою очередь въ величайшую Китайскую, такъ называемую, «Желтую Рѣку»: Янци, какъ ее всегда зовутъ туземцы [2]). Впаденіе это имѣетъ мѣсто ниже города Дзю-Дзянъ-фу (извѣстнаго подъ искаженнымъ названіемъ: Кью-Кiангъ, изъ котораго мы и пошли въ глубь страны. Линджау лежитъ на рѣкѣ Сяу-хо или Тай-хо впадающей, какъ показалъ Матусовскій [3]), въ Озеро По-янъ-ху, но не въ рѣку Кiа-Кiангъ (Kia-Kiang) атласа Stieler'a. Рѣку эту Матусовскій называетъ Гань. При началѣ дэльты ея лежитъ главный (Губернскій) городъ Провинціи Дзянъ-си: Нанъ-чанъ, фу, административный центръ послѣдней. На атласахъ городъ этотъ обозначается обыкновенно названіемъ Nantschang. Его никоимъ образомъ не слѣдуетъ смѣшивать съ Линджау (на картахъ какъ это упомянуто обыкновенно называемой Nin или Ning), хотя такъ часто дѣлается Европейцами, живущими въ Шанхаѣ по недостатку необходимыхъ свѣдѣній, кстати сказать, успѣшно поддерживаемому столь же плохими, какъ и необычайно дорогими

1) Англичане исказили его въ «Moning».

2) Янци по Китайски значитъ: «Сынъ Океана». Въ учебникахъ географіи рѣку эту называютъ обыкновенно: Янце-Кiангъ что не въ обычаѣ у Китайцевъ: По книжному языку Янци у нихъ зовется: Янци-цзянъ.

3) Сравни карту, приложенную къ сочиненію З. Матусовскаго. Географическое Обозрѣніе Китайской Имперіи, С.-Петербургъ, 1888 г. Типографія Академіи Наукъ. Матусовскій называетъ рѣку Тай-хо: Сю-хэ. Быть можетъ такъ зовется она на книжномъ языкѣ Китая.

Англійскими и Сѣверо-Американскими картами Китая, которыя только и можно найти съ единственномъ книжномъ магазинѣ «Парижа крайняго востока» — какъ называютъ Шанхай люди, желающіе сказать ему комплиментъ, впрочемъ вполнѣ заслуженный. Чистота его асфальтовыхъ улицъ, электрическое и газовое освѣщеніе, прекрасныя постройки, набережная и городской садъ — все это очень подкупаетъ: даже и на среди грязи и зловонія Китая только. И такъ конечною цѣлью нашей экспедиціи былъ городъ Линджау, въ долинѣ рѣки Тай или Сяу-хо, между отрогами горной цѣпи: Нань-Шань, которыми отдѣляется область низовій Янци, отъ областей рѣкъ, текущихъ къ югу, т. е. впадающихъ въ Море Южно-Китайское. Экспедиція наша потребовала много хлопотъ и расходовъ. Предстояло пробраться въ мѣста, куда Европейцы обыкновенно проникать не дерзаютъ, а консулы ходить не совѣтуютъ. Нужно было заручаться содѣйствіемъ Китайскихъ чайныхъ торговцевъ Ханькоу, взявшихъ на себя заботы снестись съ владѣльцами чайныхъ фабрикъ городовъ: У-нинъ и Линджау о допущеніи къ осмотру ихъ заведеній равно и хлопоты о возможномъ обезпеченіи ночлеговъ, среди населенія хотя и не враждебнаго прямо, но все-таки далеко не вполнѣ надежнаго, особенно близь иныхъ чайныхъ фабрикъ Лянкау напримѣръ, гдѣ скопляется весною очень много пришлаго и безпокойнаго народа, между прочимъ также изъ южнаго Китая—этого хроническаго очага всяческихъ безпорядковъ и волненій «Срединнаго Царства». Въ виду совершеннаго отсутствія (вслѣдствіе густоты населенія), какихъ-либо дорогъ кромѣ тропинокъ, по которымъ васъ понесутъ въ неудобныхъ и неуклюжихъ носилкахъ, предстояло запастись огромнымъ числомъ носильщиковъ. Насъ было пять человѣкъ Русскихъ (изъ которыхъ одинъ переводчикъ): членовъ экспедиціи К. С. Попова. Пять носилокъ требовали уже 20 носильщиковъ: по 4 человѣка на каждыя, но кромѣ того были еще носилки для повара и двухъ старшихъ служителей Китайцевъ, принадлежавшихъ собственно къ штату экспедиціи въ качествѣ прислуги [1]). Нужно было тащить съ собою

1) Въ Китаѣ домашняя прислуга Европейцевъ, т. е. собственно говоря господствую здѣсь Англичанъ, туземная. Она почти всегда изъ Кантона. Старшіе: Бои (Boy) обязательно говорятъ на особомъ Англо-Китайскомъ языкѣ, такъ называемомъ «Голубиномъ-Англійскомъ: Pitshen (pigeon) inglisch (English), тогда какъ недостигшіе этого высокаго образовательнаго ценза туземцы остаются простыми чернорабочими: Kuli Pitschen inglisch — испорченный (или улучшенный?) на Китайскій ладъ произношенія, Англійскій языкъ, со включеніемъ словъ Китайскихъ и даже не принадлежащихъ собственно никакому языку.

непремѣнно: кухню, посуду, чай, сахаръ, вино, пиво, минеральную воду (простой воды въ этой мѣстности пить нельзя если не желаете получить злокачественную лихорадку или дизентерію), матрасы, подушки, одѣяла, постельное бѣлье, фотографическіе аппараты. Немудрено, что караванъ нашъ вмѣстѣ съ необходимыми запасными носильщиками долженъ былъ достигнуть безъ малаго сотни людей (8 носилокъ, около 80 носильщиковъ, 5—10 охранителей-полицейскихъ). Предстояло запастись полнымъ Китайскимъ платьемъ и обувью, не исключая пришитой къ шапочкѣ косы, равно какъ и охранными листами—паспортами Китайскаго правительства. Для экспедиціи внутрь страны туземная одежда необходима и Китайцы, содѣйствовавшіе выполненію ея, считали такую одежду безусловно неизбѣжною. Опытъ показалъ что они были безусловно правы. Мы шли въ страну, гдѣ населеніе настолько мало еще знакомо съ иноземцами, что не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о различныхъ національностяхъ Европы и западный человѣкъ, а въ случаѣ чего и западный чортъ: «Янъ-гудзи» является предметомъ любопытства необычайнаго; всего же любопытнѣе конечно одежда: изъ чего именно она сдѣлана? какъ сшита? каковы ея части? Все это надо ощупать, разстегнуть, а въ случаѣ, если достанетъ смѣлости, и раздѣть пришельца до нага.... И отъ этого всего спасетъ Китайское платье, а никакъ не провожатые «Сына Неба». Кромѣ того въ мѣстностяхъ, завѣдомо опасныхъ по враждебности населенія, васъ пронесутъ, опустивъ передній фартукъ крытыхъ носилокъ, такъ что кромѣ ногъ въ Китайскихъ башмакахъ и чулкахъ ничего и видно не будетъ. Наконецъ, кажется, что туземцы, понятно очень хорошо даже издали отличая иностранца, готовы отнестись къ послѣднему какъ и ихъ буйволы: на Европейца, одѣтаго Китайцемъ, буйволъ смотритъ равнодушно и спокойно; если же первый одѣтъ въ свое платье, то буйволъ или съ испугомъ бросается въ сторону, или чаще самъ нападаетъ, что приходилось наблюдать не разъ, когда при благопріятныхъ со стороны относительной малочисленности (Маленькіе поселки) населенія условіяхъ, мы снимали съ себя верхнее Китайское платье. Да опытъ и неопасенъ: буйволъ, въ виду полнаго отсутствія пастбищъ, всегда привязанъ на длинной веревкѣ, или на немъ сидитъ верхомъ пасущій его Китаецъ, въ рукахъ котораго конецъ веревки, привязанной къ желѣзному, продѣтому сквозь ноздри животнаго, кольцу.

Наконецъ платье было готово, паспорты получены [1]), запасы

1) Паспортъ мой имѣлъ двойной текстъ; на одной сторонѣ листа бумагами подъ заголовкомъ: Consulat Imperial de Russie, Hankow,

отправлены изъ Шанхая въ Кью-Кіангъ; городъ этотъ находится въ трехъ суткахъ пароходнаго пути, вверхъ по теченію Янци. Изъ Кью-Кіанга (точнѣе Дзю-Дзянъ-фу), послѣдняго Европейскаго этапа нашего, должны мы были отправится въ лежащій къ юго-западу отъ него городъ Линджау. Разстояніе между послѣднимъ и первымъ равняется 400 «ли» (Ли = 1/2 нашей версты, которая какъ извѣстно въ свою очередь незначительно менѣе километра). 16 Апрѣля, 1891 года прибыли мы на маленькомъ Китайскомъ пароходѣ «Тай-во» (Капитанъ—Англичанинъ), въ Кію-Кіангъ, а 17-го, при дурной, дождливой и холодной погодѣ, (12° R), уже въ носилкахъ, отправились далѣе въ Линджау черезъ города: Жуй-чанъ [1]) и У-нинъ.

Прежде всего, читатель, позволь познакомить тебя съ неизбѣжными орудіями постоянной пытки Китайскаго путешествія: носилками и дорогами, или точнѣе полнымъ отсутствіемъ дорогъ, при необходимости двигаться къ намѣченной цѣли, не болѣе или менѣе прямо какъ вездѣ, а всегда сначала и до конца, путями окольными только.

Китайскія дорожныя носилки представляютъ собою, снабженное подножкою, плетенное бамбуковое кресло, укрѣпленное на двухъ длинныхъ и толстыхъ, бамбуковыхъ, или иного дерева, жердяхъ. Кресло окружено скелетомъ, представляющимъ собою родъ клѣтки изъ бамбука, спереди открытой. Клѣтка эта обтянута со всѣхъ трехъ сторонъ промасленнымъ холстомъ, пропитаннымъ олифою, т. е. маслявнымъ лакомъ, приготовляемымъ изъ высыхающаго растительнаго масла и окиси свинца. Внутри холста обивка изъ хлопчатобумажной ткани, сверху, въ случаѣ дождя или вообше изъ предосторожности, часто кладется еще покрышка изъ того же холста; въ боковыхъ стѣнкахъ два очень небольшихъ окошечка изъ слюды (стеклà туземнаго приготовленія въ Китаѣ нѣтъ). Снаружи стѣнки носилокъ увязаны крѣпко на крѣпко тон-

---

30 Mar» , 1891, было написано по Русски: Предъявитель сего, Россійскій подданный Господинъ Тихомировъ (ученый) отправляется въ путешествіе въ Провинцію Цзянъ-си въ области Жуй-чанъ, У-нинъ и И-нинъ-чжоу, срокомъ на три мѣсяца. Того ради Императорское Россійское Консульство въ Ханькоу проситъ Почтенныя Власти Китайскаго Государства чинить ему, Тихомирову, свободный пропускъ и въ случаѣ нужды оказывать покровительство и охрану. Другая сторона листа исписана вся вертикальными строками Китайскихъ знаковъ (Переводъ Русскаго текста). Снизу печать и надпись нашего консула.

1) Городъ Жуй-чанъ причисляется къ области Цзю-Цзянъ, главный городъ которой: Цзю-Цзянъ-фу: передѣланный, какъ мы видѣли, въ Кью-Кіангъ Американцами.

кими, но прочными бичевками, пересѣкающимися взаимно подъ прямымъ угломъ. Спереди носилокъ занавѣсъ въ видѣ сторы, съ палкой на нижнемъ краю. Во время дождя или когда нужно скрыть путника занавѣсъ опускается и тогда видны только ноги сидящаго въ носилкахъ.

Жерди, на которыхъ укрѣплены носилки, соединяются спереди и сзади поперечными перекладинами. Перекладина эта: расщепленный вдоль, бамбуковый стволъ или палка, концы которой каждая пара идущихъ одинъ за другимъ носильщиковъ помѣщаетъ себѣ на плечо; она перевязана по срединѣ веревкою. Оба конца послѣдней, въ свою очередь, привязываются къ жердямъ носилокъ впереди поперечныхъ ихъ перекладинъ [1]). Для того чтобы не возвращаться безпрестанно къ мукамъ путешествія въ носилкахъ, этому неизбѣжному бичу странствованія по восточному Китаю, познакомимся теперь же, читатель съ тѣмъ, что ожидаетъ въ нихъ путника въ горахъ и равнинахъ. Высокій, какъ жердь, тощій Манджуръ, начальникъ нашихъ носильщиковъ, заявляетъ, что все готово и можно трогаться въ путь. Манджуръ этотъ, украшенный усами и рѣдкою довольно бородою—гордостью и предметомъ зависти всякаго Китайца [2])—и большой плутъ по мнѣнію нашей Китайской прислуги, является лицемъ столь-же важнымъ, какъ «C a r a w a n - b a s c h i» въ пустыняхъ Аравіи и Сахары. Онъ будетъ распоряжаться остановками, ночлегами, смѣною и распредѣленіемъ носильщиковъ и еще многимъ другимъ. И такъ вы садитесь въ носилки; ближайшій задній и передній носильщики входятъ, скажемъ по нашему въ оглобли, т. е. становятся внутри двухъ жердей носилокъ; остальные два крайніе—впереди и сзади ихъ. Задняя пара укрѣпляетъ на своихъ плечахъ палку, и поднимаетъ свою сторону; вы дѣлаете невольный поклонъ; затѣмъ пригнувшіяся на колѣнахъ передняя пара, также приладивъ на плечахъ свою палку — коромысло, въ свою очередь поднимается: вы откидываетесь назадъ; если послѣ первыхъ шаговъ носилки оказываются не совсѣмъ на

1) Если, что къ большому огорченію путешественника случается почти постоянно, палки, помѣщаемыя на плеча носильщиковъ, привязаны невѣрно, т. е. не строго по своей срединѣ, и концы веревки отъ нихъ идущей не вполнѣ равной длины, то н о с и л к и и д у т ъ п о с т о я н н о б о к о м ъ и тѣмъ наклоннѣе чѣмъ больше въ этомъ отношеніи грѣхъ—осложненіе не изъ пріятныхъ при всѣхъ остальныхъ прелестяхъ путешествія.

2) Китайцы питаютъ величайшее уваженіе къ растительности лица, которая у нихъ почти совершенно отсутствуетъ; тѣмъ сильнѣе щеголяютъ зато усами и бородою (все же очень незавидною) Манджуры, рѣзко отличающіеся отъ типическихъ южныхъ Китайцевъ всѣмъ своимъ обликомъ и часто болѣе высокимъ ростомъ.

боку, вслѣдствіе неправильно привязанныхъ палокъ, тогда можно идти дальше, прислоняясь всею тяжестью своего тѣла къ правой или лѣвой сторонѣ: противуположно наклоненію самихъ носилокъ. Вы имѣете такимъ образомъ полное право и слабую возможность исправлять ихъ положеніе собственными средствами. Проходитъ 3 maximum 5 минутъ; раздается короткій какой-то нечленораздѣльный звукъ передняго, ближайшаго къ вамъ, носильщика. Онъ беретъ висящую подъ рукою на жерди, относительно короткую и толстую палку, упираетъ одинъ конецъ ея въ землю, а другимъ верхнимъ подпираетъ носилки. Готовится важный моментъ перемѣны плеча. Носилки колеблются туда и сюда. Придерживая руками жерди, ближайшій къ вамъ носильщикъ, такъ сказать коренникъ, отъ котораго главнымъ образомъ зависитъ ваше равновѣсіе и цѣлость, подлѣзаетъ головою подъ конецъ палки другимъ плечемъ. Это дѣлается очень ловко и въ огромномъ большинствѣ случаевъ вполнѣ благополучно;его примѣру слѣдуютъ передніе носильщики. Теперь палка перешла благополучно своими концами съ двухъ правыхъ плечъ на лѣвыя (или обратно), но вѣдь ничего не извѣстно въ какомъ положеніи стоитъ дѣло перемѣщенія сзади. У-и, очень сильно протягивая звукъ, кричитъ коренной передній носильщикъ. «А.....а» отвѣчаютъ ему черезъ нѣсколько секундъ задніе. Носилки заколебались..... Вы пошли впередъ. Однако-же,читатель, вѣдь это повторяется чаще черезъ каждые три,чѣмъ черезъ пять минутъ и всегда: на насыпяхъ рисовыхъ полей—въ равнинѣ,—надъ обрывами, пропастями и кручами въ горахъ, нерѣдко и на мостахъ, въ двѣ доски безъ перилъ, надъ рѣками—и другой дороги нѣтъ. и это безъ перерыва, днями—недѣлями..... а тутъ еще не угодно-ли сплошь и рядомъ балансировать самымъ усерднымъ образомъ (вслѣдствіе наклоннаго положенія носилокъ), но въ мѣру. а то плохую окажете вѣдь вы себѣ услугу! Этого предварительнаго знакомства съ прелестями путешествія въ носилкахъ, полагаю, довольно, чтобы оцѣнить и прелесть послѣдняго.

Первый день нашего путешествія былъ самый непріятный. Холодный дождь обратилъ узкіе тропинки насыпей рисовыхъ полей, по которымъ мы шли, въ липкую грязь, крайне затруднявшую ходьбу носильщиковъ. Сразу обнаружилось также, насколько тяжелымъ является въ этой части Китая отсутствіе даже и не дорогъ конечно, а тропинокъ только. Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе буквально страшной скученности населенія этой плодороднѣйшей части «Небесной Имперіи» которую мы проходили теперь,

каждый дециметръ земли, если не меньше, отведенъ: не скажу подъ хлѣбныя поля, это было бы далеко не вѣрно, нѣтъ—подъ хлѣбные огороды. Полеводства здѣсь въ нашемъ смыслѣ слова нѣтъ, существуетъ лишь огородное разведеніе хлѣбныхъ растеній, если можно такъ выразиться, причемъ крошечные, часто въ величину не особо большой залы, четыреугольные участки земли, затопляемые водою [1]) и окруженные высокими, отъ 2 до 5 метровъ, насыпями, замѣняютъ наши хлѣбные поля. По гребнямъ такихъ то насыпей протоптана тропинка, на которой съ величайшимъ трудомъ и далеко не вездѣ могутъ разминоваться встрѣчныя носилки, а это при густотѣ населенія тоже не рѣдкость.

Понятно, само собою насколько затруднительно движеніе впередъ при такихъ путяхъ сообщенія: здѣсь тропинка—дорога существуетъ не сама по себѣ, какъ способъ возможно прямаго передвиженія впередъ, нѣтъ: она только терпится тамъ гдѣ это неизбѣжно нужно и потому для того чтобы попасть, напримѣръ, съ одного конца окаймленнаго высокимъ валомъ полевого четыреугольника на другой, противулежащій ему по діагонали, а часто и прямо противъ, конецъ, приходится огибать всѣ три стороны участка, совершая повороты подъ прямымъ угломъ, въ носилкахъ, колеблемыхъ надъ затопленнымъ водою рисовымъ полемъ! Одного изъ сотоварищей экспедиціи уронили при такомъ поворотѣ и только счастливая случайность помѣшала ему докатиться до грязной ванны, которая такъ соблазнительно манитъ къ себѣ вѣрнаго сотрудника земледѣльца: терпѣливаго буйвола, но кромѣ его врядъ ли кому иному желательна, и въ томъ случаѣ, если,—единственное удобреніе,—жидкіе человѣческіе экскременты успѣли уже достаточно впитаться въ почву и не даютъ, какъ это очень часто случается, о себѣ знать страшнымъ зловоніемъ свѣжеудобренныхъ ими полей.

И такъ, вслѣдствіе крайне тяжелаго и дурнаго пути, мы прошли въ первый день всего 40 ли (20 верстъ) и, хотя прибыли въ большую деревню Ши-дзя Цао въ 3 часа пополудни, но за неимѣніемъ далѣе достаточно удобнаго и надежнаго этапа должны были остаться въ ней ночевать. Здѣсь пришлось намъ впервые близко познакомиться и начать входить въ болѣе интимное, чаще чѣмъ это было желательно, сближеніе съ подданными «Сына Неба».

1) Рисъ является важнѣйшимъ продуктомъ этой полосы Китая; извѣстно, что онъ требуетъ затопленія водою. Это достигается здѣсь, повсемѣстно распространенною, ирригаціею посредствомъ каналовъ, шлюзовъ и водоподъемныхъ машинъ, (водяныхъ колесъ), приводимыхъ въ движеніе быками, буйволами или, очень часто даже, руками самихъ Китайцевъ.

Начнемъ съ нашихъ носильщиковъ; большинство ихъ были люди отъ 20 до 40 лѣтъ, въ свѣтло синихъ, хлопчато-бумажныхъ [1]) кофтахъ, безъ таліи и рукавовъ, и такомъ же исподнемъ платьѣ. Подъ кофтою рубашка изъ того же матеріала; обувь—сандаліи, изъ грубой плетеной растительной ткани, привязанныя къ босымъ ногамъ бичевками; коса закручена вокругъ обвязанной платкомъ головы. Платокъ этотъ чернаго или какого-либо другого, но никогда не бѣлаго цвѣта. Послѣдній символъ траура: бѣлымъ платкомъ повязываетъ, при такихъ условіяхъ, лобъ и свою постоянно непокрытую голову Китаянка. Бѣлый — хлопчато-бумажный, или шелковый (по состоянію) шнурокъ, оканчивающійся кистью того же цвѣта, вплетаетъ въ косу оплакивающій (отца и мать годами) потерю родственника Китаецъ—иначе бѣлый цвѣтъ не допускается совсѣмъ. Свои громадныя, коническія, съ широчайшими полями (часто болѣе метра въ поперечникѣ) шляпы, сплетенныя изъ грубыхъ растительныхъ волоконъ, носильщики надѣваютъ обыкновенно только во время дождя, мало заботясь повидимому о возможности полученія солнечнаго удара (здѣсь особенно для Европейцевъ нерѣдкаго и очень опаснаго). Обыкновенно шляпы эти привязаны сверху или сбоку наружной стороны носилокъ и остаются совсѣмъ безъ употребленія при хорошей погодѣ..

Наши тѣлохранители полицейскіе и солдаты были облечены въ темно-сѣрыя каленкоровыя, съ рукавами кофты (Курмы), разрѣзанныя снизу на зади и обшитыя по краямъ широкими каймами ярко пунсоваго каленкора. Оружіе ихъ состояло..... изъ куска овальной или четыреугольной, нашитой на спинѣ бѣлой ткани, на которой китайскими знаками [2]) было вѣроятно изображено, что они охраняютъ или должны хранить насъ, а жителямъ подобаетъ преклоняться предъ этими знаками власти—но какъ рѣшиться это утверждать! Ручное оружіе нашихъ тѣлохранителей состояло изъ зонтиковъ и трубокъ для куренія табаку, напоминавшихъ внѣшнимъ видомъ трубки нѣмецкаго типа. Затѣмъ, болѣе бережливые,

1) Этотъ свѣтлосиній цвѣтъ положительно преобладаетъ у носильщиковъ, земледѣльцевъ, поденьщиковъ — вообще у бѣднаго городскаго и сельскаго населенія.

2) Какъ извѣстно у Китайцевъ нѣтъ буквъ; для каждаго слова существуетъ свой отдѣльный іероглифъ или спеціальный знакъ; отсюда понятна вся громадная трудность изученія Китайскаго языка и полная непригодность его для передачи напримѣръ нашихъ научныхъ понятій, терминовъ и опредѣленій, на что горько жалуются инструкторы заводимыхъ въ Китаѣ техническихъ, военныхъ и другихъ школъ, когда имъ приходится напримѣръ называть электричество «искусственною молніею», а многое и совсѣмъ назвать нельзя никакъ.

несли еще въ рукахъ свои, снятые съ ногъ, башмаки..... Все это обѣщая намъ миръ, невольно наводило, однакоже, на неутѣшительныя соображенія, что въ случаѣ какого-либо непріязненнаго столкновенія, число и боевая готовность (не говоря уже о качествахъ) нашихъ охранителей болѣе чѣмъ недостаточны.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ представителей мѣстной и притомъ совершенно спеціальной торговли былъ, встрѣтившійся намъ еще въ первый день путешествія, продавецъ крысъ. Интересный туземецъ этотъ несъ на плечѣ бамбуковое, слегка изогнутое (общій типъ) коромысло, на обоихъ концахъ котораго висѣло около 40 крысъ, перевязанныхъ бичевкою у основанія перекрещивающихся и расположенныхъ, какъ бы вѣеромъ, хвостовъ. Гдѣ кромѣ Китая встрѣтишь такую картину? Здѣсь крысьи шкурки всегда имѣютъ хорошій сбытъ: онѣ идутъ на украшеніе женской одежды, сами же крысы конечно также не пропадаютъ: не составляя собою предмета правильно организованной торговли, онѣ все-таки преисправно съѣдаются, однакоже какъ и всякое другое мясо, которое только можетъ достать Китаецъ, не исключая и падали. Одно изъ блестящихъ доказательствъ глупости «Янъ-гудзи»: западнаго чорта, Китаецъ видитъ въ томъ, что послѣдній пренебрежительно относится къ дарамъ неба, т. е. къ мясу павшихъ животныхъ: Не все-ли равно съѣсть животное если оно умерло само, или было ad hoc убито? Такъ осуждаетъ насъ «желтый человѣкъ», а мы если желаемъ быть справедливыми должны осуждать его менѣе строго, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго раза. Дѣло въ томъ, что пища Китайца поденьщика и земледѣльца крайне не достаточна и мало питательна. Наши носильщики ѣли, правда, три раза въ день, но сколько и, что они ѣли? Очень маленькая тарелочка, по нашему блюдечко, вареннаго въ водѣ риса или бобовъ, съ нѣсколькими микроскопическими кусочками, и то не всегда, сушеной, очень плохой рыбы и небольшимъ количествомъ особою тонколистной разновидности капусты (Brassica oleracea), или такъ называемой капусты морской, особой водоросли: Alaria esculenta Grew, листовидное, подобное лентѣ, слоевище которой (Thallus) по вкусу я сравнилъ бы съ разваренною подошвою — вотъ ихъ незавидная пища [1]). Водоросль эта, близкая родствен-

1) Морская капуста вылавливается преимущественно промышленниками Сѣверной Америки у береговъ Владивостока и Японіи и составляетъ предметъ ввоза въ Китай на милліонныя суммы. Однимъ своеобразнымъ вкусомъ Китайцевъ нельзя объяснить успѣхъ торговли этимъ дешевымъ продуктомъ: только необходимость можетъ заставить покупать дрянь, которую и даромъ брать не стоитъ въ сущности.

ница Ламинаріи (Laminaria digitata Lamouroux), принадлежитъ, какъ и послѣдняя, къ семейству Laminariaceae, такъ называемыхъ, бурыхъ водорослей: Fucoideae-Phaeophyceae. Для питья служитъ почти чистая кипяченая вода, подъ громкимъ названіемъ чая, который пьютъ нѣсколько разъ въ день, черезъ 2—3 часа, для поддержанія же нервной энергіи, столь необходимой при такой недостаточной пищѣ, выкуриваніе нѣсколькихъ трубокъ опія, или, еще рѣже, 1—2 рюмочки, величиною съ наперстокъ, отвратительной, производящей головную боль[1]) рисовой водки Самшу, — что мудренаго, когда при такихъ условіяхъ поденьщикъ низовій Янци, не переживаетъ обыкновенно, какъ мнѣ сообщали это люди заслуживающія довѣрія, 50-лѣтняго возраста!

Весьма естественно, что качества и свойства чая, который пьетъ въ Китаѣ, да еще въ одной изъ выдающихся въ смыслѣ производства его провинціи, простой народъ, меня очень интересовали. Я не пропускалъ, во все время путешествія, ни однаго случая, чтобы не попробовать чай, который пили при каждой остановкѣ мои носильщики, а случаи эти представлялись часто. Китайцы никогда не пьютъ сырой воды и весьма благоразумно: достаточно нерѣдко напиться ея одинъ только разъ, чтобы получить лихорадку или дизентерію. Вмѣсто воды они пьютъ чай—точнѣе кипяченую воду подъ названіемъ «Ца», какъ зовется здѣсь послѣдній; и въ самомъ дѣлѣ, нельзя же назвать чаемъ горячую воду, въ которую брошено нѣсколько цѣльныхъ листковъ зеленаго, или нѣсколько частицъ чернаго, самаго дешеваго, чая; въ послѣднемъ случаѣ часто это особые высѣвки чайныхъ фабрикъ, отобранные отдѣльно черешки, старыхъ листьевъ, служащіе исключительно для потребленія бѣднаго народа, черешки только, при полномъ отсутствіи листьевъ. Такой чай настолько слабъ и его кладутъ въ чашку такъ мало, что вода лишь едва окрашивается въ желтоватый цвѣтъ. О вкусѣ и ароматѣ конечно не можетъ быть рѣчи, но предусмотрительная хозяйка постоялаго двора знаетъ, какъ помочь дѣлу: прибавляются разныя пахучія сѣмяна или мелкіе плоды, далеко непріятные по запаху, но обнаруживающіе его по крайней мѣрѣ. Чаще другихъ я наблюдалъ прибавленіе плодовъ (зерновокъ) какого то сложноцвѣт-

1) Китайцы не умѣютъ очищать свою водку отъ сивушнаго масла: вотъ почему первымъ результатомъ выпитой крошечной рюмки Самшу является краснога лица, какъ при вдыханіи Амиль-нитрита, и затѣмъ сильная головная боль. Эффектъ усиливается конечно еще и тѣмъ, что самшу пьютъ горячею. Весьма возможно, что плохая водка Китайцевъ заставляетъ ихъ предпочитать ей, какъ возбуждающее, куреніе опія.

наго, очень непріятнаго запаха: продуктъ этотъ назывался «Чухола»; одинъ разъ только замѣченъ былъ мною и звѣздчатый анисъ: Fructus Anisi stellati.

Теперь, читатель, милости просимъ съ нами въ Китайскую деревню, гдѣ мы будемъ обѣдать, ночевать и все время служить предметомъ невозможно назойливаго, съ нашей точки зрѣнія, любопытства ея обитателей. Одни полевые валы смѣнялись и смѣнялись другими и вотъ, наконецъ, непосредственно къ послѣднему изъ нихъ примыкаетъ деревня, сквозь всѣ дома которой неизбѣжно нужно пройдти, чтобы очутиться на ея противуположномъ концѣ: обойдти Китайскую, единственную, сплошную какъ одно цѣлое, крытую улицу-деревню нельзя никакъ, потому что негдѣ. Извѣстное разнообразіе возможно конечно: иногда первый домъ деревни-улицы находится на-противуположномъ крутомъ берегу рѣки. Тогда, если вы во время не успѣли крикнуть вашимъ носильщикамъ: «Mande-Mande» (остановитесь) и выйдти, предстоитъ вамъ и нѣкоторое экстраординарное наслажденіе путешествіемъ въ носилкахъ. На высокихъ скрипучихъ козлахъ, утвержденныхъ по берегамъ и срединѣ рѣки, лежатъ двѣ узкія доски. Васъ сначала вдоволь покачаютъ на нихъ, затѣмъ новый сюрпризъ: предстоитъ еще иное эквилибристическое упражненіе, пассивное для васъ, активное для носильщиковъ: отъ моста къ порогу крайняго дома, т. е. къ единственному входу въ деревню, поднимается, подъ угломъ въ 45 градусовъ, уже одна толька доска; по ней быстро взбѣгаютъ носильщики. Вы буквально опрокинуты назадъ и краткія, переживаемыя при такихъ условіяхъ секунды, не безъ психическаго основанія, покажутся вамъ — по крайней мѣрѣ минутами, — а можетъ быть чуть ли и не часами даже!

Вотъ вы въ деревнѣ; невозможный, часто вызывающій дѣйствительную, а не метафорическую только тошноту, смрадъ охватываетъ васъ. Вы въ узкомъ полутемномъ корридорѣ гдѣ едва съ трудомъ могутъ разминоваться двое носилокъ. По одну сторону корридора-улицы двери, безъ створокъ, но съ высокими порогами, примыкающихъ непосредственно одинъ къ другому домовъ, по другую, соотвѣтствующія каждому изъ послѣднихъ отхожія мѣста съ улицы совершенно открытыя. Между ними и домами общая крыша изъ вѣтвей Китайской Сосны (Pinus Chinensis = P. Massoniana Lamb). Черезъ порогъ двери васъ вносятъ внутрь одного изъ домовъ, т. е. точнѣе пока еще только внутрь

забраннаго деревяннымъ потолкомъ двора, съ помойною ямою по срединѣ и съ четвероугольнымъ отверстіемъ для доступа свѣта воздуха и..... дождя. На этотъ дворъ выходятъ двери, ведущія внутрь жилаго помѣщенія одной большой и нѣсколькихъ боковыхъ малыхъ [1]) комнатъ: отдѣльныхъ спаленъ. Спальни эти оконъ не имѣютъ; они замѣняются отверстіемъ въ потолкѣ, дающимъ доступъ свѣжему воздуху и дождю. Въ большой комнатѣ окна, но безъ рамъ и стеколъ. На ночь двери съ высокими порогами и окна безъ стеколъ, выходящія обыкновенно лишь внутрь двора, забираются вставными деревянными досками. Сами дома деревянные, у болѣе бѣдныхъ глинобитные, т. е. такіе, стѣны которыхъ выведены изъ переплетеныхъ прутьевъ, или древесныхъ вѣтвей, плотно промазанныхъ глиною. Крыши на такихъ домахъ соломенныя, или изъ древесныхъ вѣтвей упомянутой Китайской сосны; нерѣдко для этой же цѣли идетъ Camellia Sasanqua Siebdt.—Zucc., изъ плодовъ которой выжимается, служащее для освѣщенія, жирное масло. На домахъ деревянныхъ встрѣчаются подчасъ и черепитчатыя крыши. Полъ въ домахъ деревянный въ лучшихъ случаяхъ, обыкновенно же просто земляной. Печей и трубъ нѣтъ совсѣмъ. Для изготовленія пищи служитъ простой очагъ, или иногда только переносная ручная маленькая печь. Зимою, какъ я узналъ, жители согрѣваются переносными жаровнями [2]), главнымъ же образомъ тѣмъ, что надѣваютъ на себя все наличное, сильно подбитое ватою, теплое платье.

Дома каменные являются какъ исключеніе, только у мѣстныхъ сельскихъ богачей.

Naturalia non sunt turpia! Приходится теперь остановиться на предметѣ и всего менѣе эстетичномъ: но что дѣлать, когда въ Китаѣ [3]) это предметъ первѣйшей важности. Предметъ этотъ человѣческіе экскременты, на которые сыны Небесной Имперіи смотрятъ съ точки зрѣнія исключительно экономической и это имъ тѣмъ болѣе легко, чѣмъ менѣе они понимаютъ и допускаютъ наши взгляды на нечистоты съ точки зрѣнія санитарной, ими даже и не предполагаемой! Дѣло въ томъ,

1) Дѣло идетъ о большомъ постояломъ дворѣ, представляющемъ собою, такъ сказать, мѣстный Hôtel.

2) Каменныхъ кроватей-печей Сѣвернаго Китая (причемъ топка устроена сбоку, а дымовая труба, проложенная вдоль стѣны выходитъ наружу не высоко отъ земли), здѣсь совсѣмъ не знаютъ.

3) Разъ на всегда дѣлаю оговорку: употребляя выраженіе: Китай, въ Китаѣ, я всегда подразумѣваю лишь ту часть его, которую видѣлъ самъ. «Срединная Имперія», такъ обширна и разнообразна по своимъ условіямъ мѣстности и климата, и вытекающихъ отсюда жизненныхъ условій, что это подразумѣвается само собою.

что вслѣдствіе чрезвычайной скученности населенія, малоземельности, интенсивности хозяйства, доведенной до послѣдней степени до превращенія полеводства въ сплошное огородничество, и при полномъ отсутствіи скотоводства, за недостаткомъ земли для пастбищъ, единственнымъ удобреніемъ почвы являются экскременты людей. Только при такихъ условіяхъ въ высшей степени плодородный «Желтоземъ (Löss)» низовій Янци, даже и при тщательномъ повсемѣстномъ орошеніи, даетъ возможность полученія двухъ, кое гдѣ даже и трехъ урожаевъ въ годъ, различныхъ хлѣбныхъ растеній, необходимыхъ для прокормленія страшной по своей численности массы населенія; и то только въ поляхъ, обработанныхъ въ видѣ частыхъ и мелкихъ грядъ, гдѣ каждое молодое, проросшее въ особомъ питомникѣ, зерно риса, пшеницы и ячменя посажено руками земледѣльца и имъ же постоянно освобождается, выпалываніемъ, отъ сорныхъ травъ, пока это необходимо.

И такъ, противустоящее каждому деревенскому дому и принадлежащее ему отхожее мѣсто есть залогъ дальнѣйшаго существованія земледѣльца и его семьи. Это деревянная, но нерѣдко и каменная (изъ необоженнаго кирпича) постройка съ односкатною крышею изъ сосновыхъ вѣтвей, продолжающеюся въ видѣ горизонтальнаго навѣса, который переходитъ на противулежащую крышу самаго дома. Вся единственная улица—деревня состоитъ слѣдовательно по одну сторону изъ входныхъ дверей домовъ, по другую: изъ непрерывнаго ряда противулежащихъ отхожихъ мѣстъ, на разстояніи всего 4 и никакъ не болѣе 5 шаговъ отъ входовъ въ дома, причемъ у первыхъ, со стороны улицы, бóльшею частью совсѣмъ нѣтъ дверей, или же, если онѣ иногда и встрѣчаются, то непревышаютъ половины человѣческаго роста. И такая невозможная съ нашей точки зрѣнія «откровенность» —дѣло вполнѣ обычное! По срединѣ отхожаго мѣста находится, часто выложенная кирпичемъ яма, сверху забранная досками за исключеніемъ срединнаго промежутка, въ одинъ шагъ шириною, ведущаго въ полость ямы. Всѣ члены семьи обязаны оставлять свои экскременты, а по возможности и мочу, въ семейной отхожей ямѣ; дѣтей пріучаютъ къ этому подъ страхомъ наказанія, начиная уже съ третьяго года ихъ жизни. Получаемый такимъ образомъ удобрительный матеріалъ, смѣшанный съ мочею и водою, по мѣрѣ надобности, вычерпывается и разливается по полямъ руками земледѣльца. Время нашего пребыванія въ Провин-

ціи Дзянь-Си совпало съ приготовленіемъ земли подъ рисъ (вторая половина Апрѣля); поэтому, нерѣдко, разсчитывая по выходѣ съ ночлега избавиться и отдохнуть отъ страшнаго зловонія деревни, мы горько разочаровывались: оно преслѣдовало насъ и среди только что удобренныхъ или удобрявшихся на нашихъ глазахъ рисовыхъ полей. Вотъ при какихъ условіяхъ приходилось намъ отдыхать, обѣдать и спать въ Китайскихъ деревняхъ, да еще часто въ дождливую и холодную погоду!

Прибытіе наше на мѣста остановокъ немедленно привлекало толпы дѣтей и взрослыхъ: мужчинъ и женщинъ. Первыя являлись такъ сказать герольдами, возвѣщавшими событіе. Прежде чѣмъ насъ успѣвали принести въ деревню, мальчишки уже бѣжали вслѣдъ за носилками, издавая своеобразный и, правду сказать, очень непріятный хохотъ, переходившій постепенно въ крайне пронзительный, визгливый крикъ [1]). Звуки эти очень своеобразны; ихъ надо слышать самому, чтобы оцѣнить по достоинству. Всего скорѣе сравнилъ бы я хохотъ, которыми они начинаются, съ хохотомъ сумашедшаго, настолько звуки эти непріятно — тяжелы и раздражающи.

Для туземцевъ мы представляли предметъ живѣйшаго любопытства, впрочемъ обыкновенно очень благодушнаго. Всѣ наши движенія, ѣда, питье, неизбѣжныя физіологическія отправленія наконецъ, все это наблюдалось и обсуждалось самымъ многостороннимъ, усерднымъ и непрерывнымъ образомъ. Сначала оно было, разумѣется, крайне непріятно и стѣснительно, а затѣмъ..... затѣмъ мы кончили тѣмъ, что привыкли изображать собою какъ бы рѣдкихъ представителей звѣринца въ какомъ-нибудь забытомъ желѣзными дорогами или водяными путями глухомъ уголкѣ, и такъ же мало обращали вниманіе на окружающую и тѣснившуюся вокругъ насъ толпу Китайцевъ, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, въ своихъ клѣткахъ львы, тигры и другіе рѣдкіе обитатели звѣринца по отношенію къ публикѣ, ихъ созерцающей. Всего болѣе интересовали туземцевъ: наши кушанья, орудія ѣды: ножи и вилки (извѣстно что китайцы ѣдятъ рисъ и мелкіе кусочки рыбы или мяса всегда лишь двумя палочками, которыя они держатъ между пальцами одной только правой руки), сахаръ и хлѣбъ, имъ неизвѣстные, особенно же шипѣніе и выдѣленіе газа при откупориваніи бутылокъ минеральной воды (Soda и Apollinaris). Съ величайшею завистью

1) Хохотъ являлся здѣсь во всякомъ случаѣ какъ начало призывнаго крика, а не какъ выраженія крайней степени смѣха.

смотрѣли они при этомъ на нашихъ носильщиковъ, забиравшихъ въ наслѣдство опорожненныя бутылки: вслѣдствіе полнаго отсутствія мѣстнаго производства, стеклянная посуда въ Китаѣ цѣнится очень дорого, особенно же въ той глуши, гдѣ мы находились.

Не менѣе сильно интересовались туземцы нашими приборами и матеріалами для письма и рисованія, столь отличными отъ Китайскихъ [1]). Не смотря на трудность изученія письма, вслѣдствіе отсутствія буквъ, грамотность очень распространена въ Китаѣ, понятно лишь въ предѣлахъ весьма скромной программы; поэтому въ средѣ народа также часты случаи, гдѣ почти каждый Китаецъ знаетъ написать 500—1500 знаковъ, т. е. словъ (ибо для каждаго слова, какъ уже упомянуто, по отсутствію буквъ существуетъ свой знакъ), какъ рѣдки даже между ихъ высшими учеными лица, обладающія этими свѣдѣніями въ размѣрѣ 20,000—30,000 существующихъ въ языкѣ письменныхъ знаковъ, то есть словъ.

Понятно, слѣдовательно, что каждый сельскій житель интересовался нашимъ способомъ писанія даже и просто въ качествѣ человѣка грамотнаго, а чего же стоитъ при этомъ уже одна разница между его вертикальными и нашими горизонтальными строками, не говоря обо всемъ остальномъ! А бинокль съ его возможностью видѣть предметъ въ 10—15 шагахъ разстоянія, то у своего носа, то Богъ знаетъ гдѣ, смотря потому въ какой изъ двухъ концевъ его поглядишь—это пожалуй занятнѣе всего остальнаго!

На другой день послѣ завтрака носильщиковъ, позавтраковавъ и напившись сами чаю (своего конечно) выступили мы снова въ дальнѣйшій путь въ 6 часовъ утра. Дождь пересталъ, стало теплѣе (16° R.). Мы все еще шли по ровной мѣстности и тѣмъ не менѣе постоянно по валамъ сплошнаго рисоваго поля, разбитаго четыреугольными насыпями на небольшіе сообщающіеся между собою участки [2]), углы которыхъ всегда болѣе или менѣе закруглены. Всѣ эти участки были едва лишь затоплены водою: шла пахота и бороньба подъ рисъ, посредствомъ буйвола, буйволицы, быка или коровы, орудіями самаго примитивнаго типа. Буйволы всѣ свѣтло-сѣрые, почти голые, съ длинною, темною щетиною подъ бородою и сближенными, сильно отодвинутыми назадъ, плоскими

---

1) Какъ извѣстно Китайцы пишутъ и рисуютъ кисточкою: тушью или (въ послѣднемъ случаѣ) красками. И въ томъ и въ другомъ случаѣ Китаецъ держитъ кисточку совершенно вертикально, между тремя, прямо вытянутыми, большимъ, указательнымъ и среднемъ пальцами правой руки. Перо и карандашъ имъ одинаково извѣстны.

2) Посредствомъ прорытыхъ въ насыпяхъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, канавокъ.

рогами. Быки и коровы краснобурые, короткорогіе, напоминающіе собою горный типъ скота, но часто все еще съ небольшимъ горбомъ, обличающимъ типъ — Зэбу. Плугъ состоялъ изъ желѣзнаго лемеха, насаженнаго на прямую жердь, наклоненную подъ угломъ 45 градусовъ. Къ послѣдней подъ прямымъ угломъ прикрѣпленъ конецъ изогнутаго въ видѣ половины отлогой буквы S сука дерева, къ противуположному концу котораго привязанъ валекъ и двѣ веревочныя постромки, согнутаго лукомъ, деревяннаго ярма, надѣтаго на шею животнаго. Ясная погода смѣнялась по временамъ дождемъ, поэтому и земледѣльцы были въ своемъ дождевомъ туалетѣ: конической шляпѣ съ огромными полями, грубо сплетенной, какъ и шляпы нашихъ носильщиковъ, изъ растительныхъ волоконъ и въ своемъ столь характерномъ, достигающемъ до половины бедра, травяномъ плащѣ, сдѣланномъ изъ грубыхъ темнобурыхъ и жесткихъ волоконъ ствола и листовыхъ черешковъ единственной пальмы этихъ широтъ: Trachycarpus excelsa Thunberg (Chamaerops excelsa L.)[1]. Босыми ногами идетъ пахарь по водѣ, нажимая руками на жердь лемеха, или стоитъ на деревянной боронѣ, содѣйствуя ей своею тяжестью и держа одною рукою веревку, привязанную къ желѣзному кольцу, продѣтому сквозь ноздри буйвола, быка или коровы, а другою погоняя животное тонкою палочкою. Кое гдѣ рисъ (Oriza sativa L.) уже былъ посаженъ въ жидкую грязь, напущена затѣмъ вода, едва покрывавшая почву, и изъ этой грязной ванны поднимались теперь какъ щетка нѣжныя, бархатно зеленыя иголочки молодыхъ растеньицъ этого главнаго кормильца Китая.

Въ 12 часовъ дня мы прошли, не останавливаясь, первый лежавшій на нашемъ пути городъ Жуй-чанъ или Суй-чанъ, среди очень многочисленной, весьма любопытной, но вѣжливой и вообще скромной толпы, обѣдали за городомъ и тронулись дальше. За городомъ, виднѣвшіяся по обѣимъ сторонамъ горизонта, горныя цѣпи въ видѣ округленныхъ конусовъ, стали сближаться. Тропинка вилась по окраинамъ полей, долиною, начинавшею все болѣе и болѣе суживаться. Рисовые участки замѣнились ячме-

---

1) Подобно тому какъ въ Испаніи Chamaerops humilis L. на сѣверѣ Африки финиковая пальма (Phoenix dactylifera L.), такъ и здѣсь Chamaerops excelsa L. является послѣднимъ представителемъ внѣтропическаго распространенія пальмъ. Въ домашнемъ быту южныхъ Китайцевъ густой войлокъ волоконъ, окутывающихъ короткій стволъ послѣдней, имѣетъ большое значеніе: какъ матеріалъ для приготовленія грубыхъ, но прочныхъ веревокъ и, такъ называемыхъ, травяныхъ плащей, столь необходимыхъ для земледѣльцевъ, носильщиковъ и лодочниковъ.

немъ: Hordeum distichon L., H. hexastichon L., тщательно выполотымъ и уже наливавшимъ зерно. Каждый кустикъ (посаженный руками) его состоялъ изъ 6 до 8 и даже 10 колосьевъ. Стала попадаться и пшеница, только что выколосившаяся и колосящаяся, такими же пучками и столь же тщательно выполотая; но какъ ячмень такъ и пшеница были очень сильно поражены: Ustilago carbo Tulasne, Tilletia Caries Tulasne. Больныхъ черныхъ колосьевъ было относительно не меньше въ поляхъ, чѣмъ въ деревняхъ дѣтей, покрытыхъ струпьями и лишенныхъ вслѣдствіе парши (Favus) волосъ. Видно въ Китаѣ паразитнымъ грибкамъ везетъ одинаково какъ въ полѣ такъ и въ деревнѣ!

Огромное количество полевыхъ участковъ было покрыто рапсомъ (Brassica Rapa, B. Napus L.), частью цвѣтущимъ въ видѣ сплошныхъ ярко-желтыхъ полевыхъ участковъ, издающихъ пріятно ароматическій, медовый запахъ, частью уже созрѣвающимъ, покрытымъ сѣровато-зелеными стручками. Изъ мотыльковыхъ растеній (Papilionaceae) преобладали обыкновенные бобы: Faba vulgaris Mönch. (Vicia Faba L.), съ необычно крупными душистыми вѣнчиками, флагъ которыхъ, вдвое большій чѣмъ у насъ, былъ не бѣлый, а ярко розовый, расписанный темными жилками. Встрѣчался въ большемъ количествѣ и горохъ: Pisum sativum L., всего чаще съ вѣнчиками совершенно бѣлыми; часто онъ уже былъ съ лопатками, т. е. съ молодыми плодами. Изрѣдка попадались и небольшіе участки Татарской Гречихи: Fagopyrum Tartaricum L., уже съ плодами, или отцвѣтающей. Все чаще и чаще начали встрѣчаться также участки Крапивы Китайской (точнѣе Малайской) по мѣрѣ того, какъ мѣстность становилась гористѣе. Это была: Boehmeria (Urtica L.) nivea Hooker et. Arn., обнаруживавшая при малѣйшемъ вѣтеркѣ рѣзкій контрастъ снѣжно-бѣлой нижней и темнозеленой верхней сторонъ своихъ широкихъ, сердцевинно-овальныхъ зубчатыхъ по краямъ листьевъ. Мѣстами картина оживлялась одиночно стоящими каменными постройками жилищъ крупныхъ землевладѣльцевъ или купцевъ съ ихъ характерно приподнятыми углами крышъ извѣстнаго Китайскаго типа. Строенія эти по своему фасаду были совсѣмъ лишены оконъ, или имѣли одно—два крошечныхъ четыреугольныхъ окошка (съ рѣшетками), предназначенныхъ лишь для того, чтобы тайкомъ выглянуть изъ нихъ при случаѣ.

Иногда жилища эти были окружены каменною стѣнкою, вышиною не болѣе 20—25 центиметровъ; носильщики свободно шагаютъ че-

резъ нее; зато часто эти ограды Лиллипутовъ даютъ себя знать путешественнику: подножка кресла носилокъ идетъ отъ земли не высоко: сильный ушибъ ножныхъ пальцевъ объ такую каменную ограду сразу поставилъ меня въ необходимость, наблюдать впередъ очень аккуратно, нѣтъ ли гдѣ еще на пути подобныхъ мало замѣтныхъ, но очень чувствительныхъ преградъ.

Древесная флора этой мѣстности Китая характеризуется своимъ двойственнымъ характеромъ вѣчнозеленыхъ и теряющихъ на зиму листья представителей. Весьма интересными являлись поэтому, по сосѣдству усадебъ и деревень встрѣчающіяся здѣсь, пальмы: Chamaerops excelsa, съ ея короткимъ и толстымъ, въ 3—6 метровъ вышиною, мохнатымъ стволомъ, украшеннымъ вѣнцомъ пальчатовѣерныхъ листьевъ и плотными, ярко желтыми, яйцевидными мужскими соцвѣтіями, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ какими то могучими, очень высокими, еще совершенно голыми деревьями, оплетенными Китайскою красавицею Wistaria (Glycina) Chinensis Sieb. Zucc., граціозно свѣшивавшеюся съ этихъ голыхъ вѣтвей изящными кистями своихъ фіолетовыхъ цвѣтковъ, представлявшихъ собою рѣзкій контрастъ съ нѣжною, снизу коротко пушистою, яркою зеленью ея только что распускающихся, непарно перистыхъ листочковъ. Издали казалось, что цвѣтки какъ будто выходятъ непосредственно изъ могучаго ствола и голыхъ вѣтвей совершенно безлистнаго еще дерева. Характерна была также и Daphne species съ фіолетовыми цвѣтками и распускающимися одновременно на вершинахъ вѣтвей листочками. Картина сельской жизни была бы однакоже не полна, еслибы не остановиться нѣсколько на пастьбѣ немногочисленнаго рабочаго скота и столь излюбленныхъ Китайцами свиней.

Вся земля здѣсь подъ хлѣбными растеніями, и скотъ можетъ пастись только по краямъ и между полевыхъ участковъ, ничѣмъ неогороженыхъ: вѣдь это въ тоже время и единственныя дороги — тропинки. На каждомъ пасущемся буйволѣ, быкѣ или коровѣ сидитъ верхомъ пастухъ: мальчикъ, рѣже взрослый Китаецъ. Держа въ рукахъ веревку, привязанную къ желѣзному, продѣтому въ ноздри животнаго кольцу, онъ слѣдитъ, чтобы трава на краю поля съѣдалась безъ малѣйшаго ущерба для находящихся рядомъ неогороженныхъ хлѣбныхъ растеній. Всадники эти столь же оригинальные, какъ и опытные кавалеристы, хорошо умѣющіе управлять своимъ рогатымъ конемъ; если упрямый, или падкій на запрещенное, буйволъ или быкъ, несмотря на веревку, которая усердно

тянетъ его за носовое кольцо въ сторону, дѣлаетъ настойчивыя попытки полакомиться во что бы то ни стало заповѣднымъ ячменемъ или пшеницею, то всадникъ, усиливая натяженіе веревки изо всей мочи, схватываетъ другою рукою основаніе хвоста и тянетъ его также изо всей силы въ бокъ и впередъ въ сторону противуположную веревкѣ: по тому же принципу, которымъ руководствуется и хорошій ѣздокъ, прибѣгающій къ шенкелю, чтобы усилить дѣйствіе повода при поворотахъ и вольтахъ своего недостаточно выѣзжаннаго или непослушнаго коня. Взрослымъ пріемъ этотъ конечно удается—дѣтямъ, тѣмъ труднѣе, чѣмъ они сами меньше и тогда 6—7-ми лѣтній мальчикъ поднимаетъ отчаянный крикъ, на который въ одно мгновеніе ока, отовсюду сбѣгаются постоянно находящіеся въ полѣ земледѣльцы и порядокъ водворяется прежде, чѣмъ хозяйскимъ интересамъ будетъ нанесенъ сколько-нибудь значительный ущербъ. Такими-же средствами поддерживается благочиніе и по отношенію свиней. Каждая изъ нихъ поручается здѣсь спеціальному попеченію пасущаго ее ребенка. Широкій въ ладонъ поясъ, сплетенный изъ веревки, охватываетъ туловище прожорливаго животнаго тотчасъ позади переднихъ ногъ его; къ поясу привязана веревка; конецъ послѣдней держитъ пасущій свинью ребенокъ. Въ случаѣ взаимнаго несогласія шума бываетъ однакоже больше: сбѣжавшіеся на крикъ мальчика взрослые оттаскиваютъ свинью за уши—можно себѣ представить, даваемый ею при этомъ, концертъ! Иногда, но рѣже, пасущаяся свинья привязывается просто на веревкѣ ко вбитому въ землю короткому колу. Здѣшнія свиньи, происходящія отъ Sus Indica = S. larvata, отличаются характерными складками кожи на щекахъ и вокругъ глазъ, повислыми ушами, и очень короткими ногами, буквально лишающими супоросныхъ и кормящихъ матокъ, или откармливаемыхъ на убой животныхъ, возможности ходить: ноги ихъ оказываются при такихъ условіяхъ слишкомъ короткими для волочащагося по землѣ брюха. Цвѣтъ свиней черный сплошной, или черный съ желтовато-бѣлыми пятнами.

Въ трехъ часахъ времени ходьбы отъ Жуй-чана мы встрѣтились еще съ носильщиками, только что собраннаго, совершенно еще свѣжаго, чайнаго листа. Въ своихъ свѣтлосинихъ хлопчатобумажныхъ рубашкахъ, курткахъ безъ руковов, и такомъ же нижнемъ платьѣ, въ сандаліяхъ, или босикомъ, шли они бѣглымъ, нѣсколько прискакивающимъ шагомъ (какъ обыкновенно ходятъ Китайскіе кули) съ гибкими коромыслами на плечѣ. На обоихъ концахъ

послѣднихъ висѣли длинные, перекрученные повторно вверху, хлопчато-бумажные мѣшки, наполненные чайными листьями, сорванными еще сегодня же.

Съ любопытствомъ, можно сказать жаднымъ, глядѣли они на насъ. «Ца?» спросилъ я одного изъ проходившихъ мимо носильщиковъ: «Ца, ца», весело смѣясь, отвѣтилъ онъ и подалъ мнѣ горсть свѣжихъ листьевъ, или точнѣе оконечностей молодыхъ, еще совершенно травянистыхъ, сочныхъ верхушекъ вѣтвей съ 4, рѣже 6 листьями.

Чай въ Китаѣ собирается такъ; развивающіеся изъ осенней почки, послѣ зимняго (здѣсь повидимому 4—3 мѣсячнаго) покоя весенніе травянистые побѣги отщипываются, на границѣ уже одеревенѣвшей осенней вѣтви, пальцами сборщиковъ: дѣтей и взрослыхъ, между послѣдними преимущественно женщинъ. Въ тѣхъ, наиболѣе частыхъ случаяхъ, когда вѣтвь несетъ 4 листа, два (или 4, если ихъ 6) нижніе представляются сверху ярко свѣтло зелеными, сильно блестящими, какъ бы лакированными [1]); третій (или 5), ближайшій къ верхушкѣ, листъ еще свернутъ въ трубку, краями внутрь. Его наружная (нижняя) поверхность является сплошь серебристо сѣробѣловатою, благодаря обилію длинныхъ, прижатыхъ, типичныхъ для нижней поверхности чайнаго листа, волосковъ. Совершенно бѣлымъ и серебристымъ, является по той-же причинѣ и самый верхній, еще вполнѣ свернутый въ тугую трубку (иголочка Цейлонскихъ плантаторовъ), конечный листокъ, спеціально называемый Бай-хао, что значитъ, какъ уже упомянуто: «бѣлый, пушекъ» или «бѣлая рѣсничка» (Baї—бѣлый, chao—рѣсничка). Такъ называемый «Цвѣточный Чай» тѣмъ выше и дороже по достоинству, чѣмъ исключительнѣе состоитъ онъ только изъ этихъ верхушечныхъ, еще совершенно свернутыхъ въ трубку, серебристыхъ листочковъ и почекъ. Чай этотъ (приготовляется въ Фу-чао мѣстности Paklam и Panian), по сообщенію И. А. Щербачева, прямымъ высушиваніемъ, безъ предварительнаго броженія на солнцѣ или на огнѣ, но всегда при доступѣ свѣта, тогда какъ Чай Желтый сушится (также броженію не

1) Совершенно какъ только что развернувшіеся листья травянистаго еще весенняго побѣга, вѣтви ближайшей родственницы чая—Камеліи: Camellia Japonica L. На Цейлонѣ и Явѣ, гдѣ чай растетъ безъ зимняго перерыва, граница между деревянистою и травянистою частями вѣтви и между соотвѣтственною мягкостью и плотностью листьевъ того и другого участковъ ихъ выражены далеко не такъ рѣзко. Вотъ причина почему въ Китайскомъ первосборномъ чаѣ находятся одни только нѣжные, вполнѣ травянистые листья.

подвергаемый), исключительно въ тѣни. Ни въ цвѣточный ни въ желтый чай здѣсь никакихъ ароматическихъ постороннихъ цвѣтковъ не прибавляютъ.

Вкусъ еще совершенно свѣжихъ, живыхъ листьевъ былъ явственно горькій и лишь при продолжительномъ жеваніи, слегка ароматическій, отдаленно напоминающій запахъ товара уже приготовленнаго, т. е. перебродившаго и высушеннаго продажнаго чая. Цѣльные листья никакого запаха не обнаруживали [1]).

На слѣдующій день нашего путешествія (19 апрѣля) тропинка пролегала по узкимъ долинамъ. Между воздѣлываемыми растеніями: бобами и горохомъ; начала преобладать, уже упомянутая Китайская Крапива (Boehmeria nivea): Рамэ. Вмѣстѣ съ Рапсомъ (Brassica Rapa L) встрѣчались кое-гдѣ и бѣлые, или слегка фіолетовые участки цвѣтущей Рѣдьки (Raphanus sativus) и всего два раза лишь видѣлъ я очень небольшіе, предназначенные очевидно для домашняго употребленія посѣвы только что зацвѣтавшаго Мака (Papaver somniferum L). Немногіе еще крупные распустившіеся и распускавшіеся цвѣтки его были чисто бѣлаго цвѣта. Въ этой мѣстности Китая макъ разводится съ цѣлью полученія опія, лишь въ очень небольшихъ размѣрахъ: для домашняго употребленія, тогда какъ Провинція Сэ-Чуанъ доставляетъ его очень много и для торговли: какъ предметъ вывоза. Интересно, что два года тому назадъ правительство «Сына Неба» круто измѣнило свой оффиціальный взглядъ на опійный вопросъ. Общеизвѣстнымъ является фактъ, что подавляющая масса опія для куренія исключительно доставляется въ Китай изъ Индіи; не менѣе извѣстно также, что императорское правительство строжайше запрещало не только разведеніе мака въ Китаѣ, но даже и ввозъ опія изъ Индіи — все это конечно только на бумагѣ. И вотъ—два года тому назадъ были изданы указы, въ силу которыхъ не только стало дозволеннымъ разведенія мака для полученія изъ него опія, но даже оно предлагалось какъ дѣло выгодное и похвальное: въ смыслѣ ослабленія эксплуатаціи Китая Англіею. Эти прискорбные для послѣдней факты

1) Замѣчу кстати, что какъ показало микроскопическое изслѣдованіе собраннаго мною матеріала, даже еще и у самыхъ молодыхъ листьевъ характерные для чайнаго листа вообще волоски на сторонѣ верхней всегда отсутствуютъ, если не принимать во вниманіе очень рѣдкихъ единичныхъ исключеній, тогда какъ присутствіе ихъ на сторонѣ нижней нормально даже и для взрослыхъ чайныхъ листьевъ.

сообщилъ мнѣ одинъ изъ владѣльцевъ опiйнаго склада на рѣкѣ Вамъ-пу въ Шанхаѣ, отставной Англiйскiй Капитанъ, любезно предоставившiй мнѣ возможность подробно осмотрѣть его плавучiй «Опiйный Домъ» [1]). «Истекаетъ только второй годъ со времени этого распоряженiя сказалъ онъ мнѣ, а Англiя недосчитываетъ уже на опiи почти около милліона фунтовъ стерлинговъ; Конечно само по себѣ это еще не Богъ знаетъ что, но вотъ бѣда—вѣдь это начало конца если обстоятельства не перемѣнятся: вотъ что очень, очень дурно для насъ»!

По мѣрѣ того какъ мѣстность становилась гористѣе и гористѣе, измѣнялись и частности, да отчасти даже и сущность характера опасности нашего головоломнаго пути. Мы вступили теперь въ горы, гдѣ тропинка безъ всякихъ закраинъ и перилъ—это разумѣется само собою,—вилась уже по кручамъ обрывовъ, почти постоянно надъ горными ручьями и рѣчками, при шумѣ срывавшихся изъ подъ ногъ носильщиковъ камней, звучно ударявшихся при своемъ паденiи внизъ. Скрипучiя и дрожащiя кòзла мостовъ были настолько же высоки, насколько узки лежащiя на нихъ доски, представлявшiя самый мостъ—и все это взамѣнъ почти уже совершенно оставленныхъ нами позади насыпей рисовыхъ полей; насколько выигрывало черезъ такую замѣну спокойствiе наше, это, я думаю, понятно само собою! Впрочемъ, ботаникъ могъ утѣшаться появленiемъ новыхъ, весьма типичныхъ, растительныхъ формъ въ тѣхъ оригинальныхъ сочетанiяхъ, которыя столь исключительны и такъ характерны для флоры данной полосы Китая. На вершинахъ горъ и холмовъ, рощи низкорослой, характеризующейся своими длиннѣйшими парными иглами, уже упомянутой Китайской сосны Pinus Chinensis = P. Massoniana Lamb. которую, я уже видѣлъ прежде въ горахъ окрестностей Гонгъ-Конга; ниже также не высокая, свойственная исключительно Китаю Cunnighamia Chinensis R. Br., напоминающая до извѣстной степени своимъ общимъ видомъ иныя Араукарiи (Araucaria imbricata), рядомъ съ не разъ уже упомянутою Chamaerops excelsa L. и зарослями бамбуковъ (Bambusa species), прихотливо раскидывающихъ во всѣ стороны свои изящные изогнутыя яркозеленыя верхушки съ ихъ обращенными въ одну

1) Опiй обложенъ въ Китаѣ высокою таможенною пошлиною, которая должна быть вносима немедленно какъ только товаръ попадаетъ на Китайскую землю; поэтому склады помѣщаются въ морѣ (въ портахъ) или на рѣкахъ. Старые, отслужившiе пароходы, изъ которыхъ вынута машина и сняты мачты, укрѣпляются на мертвыхъ якоряхъ и приспособляются для названной цѣли. Тогда пошлина вносится лишь по мѣрѣ продажи партiй товара, отпускаемыхъ изъ такого водянаго склада.

сторону, парными остроконечными листочками. Немного на земномъ шарѣ мѣстъ, гдѣ не эстетическое чувство образованнаго садовника, а сама природа соединяетъ въ одну столь же красивую, какъ и необычнуюгруппу хвойныя, пальмы и древовидные злаки тропиковъ: бамбуки!

Какъ извѣстно Китайцы любятъ называть свою Имперію «Срединнымъ Царствомъ цвѣтовъ» и это не безъ основанія: уже одна упомянутая выше «Si-to»: Wistaria Sinensis Siebld.-Zucc. (Glycine floribunda Wildenow), граціозно свѣшивающаяся внизъ своими фіолетовыми кистями съ деревьевъ, по которымъ она вьется[1]), напомнила намъ объ этомъ вчера. Вскорѣ къ ней присоединилась еще и горящая золотомъ своихъ вертикально стоящихъ: цвѣточныхъ кистей Caesalpinia sepiaria Roxburgh, кустарникъ нерѣдко въ ростъ человѣка вышиною, довольно крупные, яркосвѣтложелтыя цвѣтки котораго своимъ общимъ видомъ заставятъ васъ принять ихъ сначала за какой нибудь изъ видовъ рода Cassia и только трещины коричневыхъ пыльниковъ, вмѣсто типичныхъ обыкновенно для послѣднихъ двухъ верхушечныхъ отверстій ихъ, покажутъ при ближайшемъ знакомствѣ, съ чѣмъ собственно вы имѣете здѣсь дѣло. Вѣтви этой Цезальпиніи снабжены, изогнутыми крючкомъ, темно бурыми шипами. Двукратно перистыя листья обладаютъ, какъ я въ этомъ повторно могъ убѣдиться, сильно выраженною чувствительностью: противолежащіе листочки ихъ при сотрясеніи или прикосновеніи прикладываются одинъ къ другому своими верхними сторонами почти также энергично какъ и у Mimosa pudica L. Бурые, крупные, плоскіе бобы употребляются туземцами вмѣсто мыла, вслѣдствіе содержанія въ нихъ сапо́нина[2]), дающаго съ водою, при мытьѣ, долго не исчезающую пѣну.

---

1) Изящное растеніе это пользуется также особою симпатіею и въ Японіи, гдѣ оно извѣстно подъ названіемъ: «Fudsi» причемъ фіолетово-пурпуровая разновидность зовется тамъ: Beni-Fudsi, бѣлая: Siro-Fudsi Японцами почитается оно символомъ любви и счастья: во время праздника возвращенія весны, какъ объ этомъ упоминаетъ уже Siebold, дѣвушки—гадаютъ объ успѣхѣ брака, или о сочувствіи избранника сердца посредствомъ букетовъ еще не распустившихся цвѣточныхъ кистей Fudsi, вывѣшиваемыхъ въ храмахъ вмѣстѣ съ билетикомъ, на которомъ написано имя суженаго; если цвѣтки утромъ распустятся завѣтная мечта осуществится, если нѣтъ—прости надежда. (Изображеніе Wisteriae Sinensis: Siebold und Zuccarini: Flora Japonica, Centuria I, Tabula 44).

2) Какъ сообщилъ мнѣ членъ Шанхайской Протестантской Миссіи Dr. Theologiae Ernst Faber, глубокій знатокъ Китая, его флоры, этнографіи и языка, проживщій и путешествовавшій въ Небесной Имперіи болѣе 25 лѣтъ. Діагнозы его богатѣйшаго гербарія провѣрены и провѣряются постоянно Королевскимъ Ботаническимъ Садомъ въ Кею. Его гербарію и совмѣстнымъ экскурсіямъ въ окрестностяхъ Шанхая и сочувствію обязанъ я очень многимъ для науки, еще большимъ для себя лично; да будетъ же мнѣ дозволено искренно и горячо поблагодарить его за все.

Далѣе въ горныхъ долинахъ и ущельяхъ эпитетъ Китая какъ цвѣточнаго царства становится уже вполнѣ несомнѣннымъ, холмы предгорій были теперь сплошь покрыты кустарникомъ (часто вышиною въ ростъ человѣка) пышноцвѣтущаго, желтаго Рододендрона: Rhododendron Sinense Sweet «Лау-ху, или Лау-хуа, какъ его называли туземцы (Ху, хуа: цвѣтокъ) и столь хорошо знакомою намъ, ярко-алой Азаліею: Azalea Indica L. = Rhododendron Indicum Sweet нашихъ оранжерей. Послѣдняя попадалась лишь кое гдѣ, но первый подавлялъ положительно массами своихъ голыхъ кустовъ, сплошь покрытыхъ крупными, ярко желтыми цвѣтками. Видъ этотъ по своему изяществу, обильному цвѣтенію и красотѣ вполнѣ заслуживаетъ вниманія нашихъ цвѣтоводовъ. Его большіе, золотисто-желтые цвѣтки украшены при основаніи двухъ верхнихъ лепестковъ оранжевыми пятнами. Пыльники пяти (вмѣсто свойственныхъ обыкновенно другимъ видамъ десяти) тычинокъ своимъ темно-коричневымъ цвѣтомъ еще болѣе оттѣняютъ горящій золотомъ вѣнчикъ. Таковъ Rhododendron Sinense провинціи Дзянь-си, молодые, рѣстничные по краямъ, листочки котораго только что распускались въ это время. Очень хотѣлось мнѣ отыскать между его кустами и другой фіолетовый Rhododendron Faberi Sweet, открытый докторомъ Faber'омъ въ Сэ-Чуанѣ, но послѣдняго вида здѣсь совсѣмъ не оказалось, а какъ пріятно было бы, по возвращеніи въ Шанхай, сказать: «Nun Doctor für die Verbreitung der Kenntnisse über Ihren Rhododendron in China habe ich auch gesorgt»!

По берегамъ горныхъ рѣкъ и ручьевъ и въ узкихъ горныхъ ущельяхъ подавляли своею численностью массы, стоявшаго въ полномъ цвѣту, кустарника: Loropetalun Chinense R. Br. (Fam. Hamamelidaceae) съ его безчисленными, бѣложелтоватыми звѣздочками довольно крупныхъ цвѣтковъ, длинные и относительно очень узкіе лепестки которыхъ сильно напоминали свою Американскую родственницу: Hamamelis Virginica. L. Пышно цвѣтущія спиреи (Spirea species), своими щитками бѣлыхъ соцвѣтій и очертаніями листьевъ, напоминали наши садовыя формы: Spirea oblongifolia et S. crenata hortulnur. Очень часто попадалась также и крупноцвѣтная бѣлая роза (Rosa species), цѣплявшаяся по крутымъ скаламъ и кустарникамъ, мѣстами въ сообществѣ фіолетовой, изящной, много разъ упомянутой уже глицины (Wistaria Sinensis). Изъ формъ древесныхъ

обращали на себя особое вниманіе обильно покрытая бѣлыми цвѣтками Pyrus species [1]) дубъ (Quercus species), видъ котораго опредѣлить не удалось: это далеко не высокое, дерево попадается здѣсь въ горахъ, нерѣдко сплошными группами въ нѣсколько десятковъ, но никогда не болѣе. Оно характеризуется мягкими зубчатыми, снизу сѣро-пушистыми листьями съ сильно вдавленными сверху нервами. Женскіе цвѣтки собраны сидящими колосьями. По склонамъ горъ надъ обрывами, рѣчками и водопадами, въ перемежку съ густыми зарослями Бамбука (Bambusa species) и неизбѣжнаго Loropetalum Chinense, встрѣчается, вмѣстѣ со Smilax species, и другой видъ также неопредѣленнаго мною кустарнаго Quercus species, съ мягкими, пушистыми, мелковыемчатыми листьями, своими очертаніями напоминающими нѣсколько обыкновенный орѣшникъ Corylus Avelana L.. Доказательствомъ кустарнаго, (типа этой формы служило обильное цвѣтеніе большинства кустовъ ея. Рядомъ встрѣчался нерѣдко и характерный Evonymus Tuhnbergianus Blume. Цвѣтки его очень сходны величиною и окраскою съ роднымъ нашимъ E. verrucosus Scopoli, но кора стебля его гладкая, а крылатые безплодные побѣги, рѣзко отличаются отъ цвѣточныхъ вѣтвей двуми очень широкими, листовидными выростами, тянущимися отъ одного между узлія (Internodium) къ другому.

Меня поразило также постоянное и повсемѣстное отсутствіе въ горахъ цѣпи Нань-Шань Папоротниковъ: извѣстно какъ всюду они просто лѣзутъ въ глаза на высотахъ, здѣсь если папоротники и встрѣчаются, то ихъ надо искать· я ихъ искалъ и не нашелъ!

Таковы выдающіеся представители флоры горныхъ долинъ и самыхъ горъ, лежавшихъ на нашемъ пути, начиная отъ Суй-чана вплоть до Линджау. Для полноты можно еще прибавить, что дернъ городскихъ стѣнъ, пустырей, дворовъ, храмовъ, чайныхъ заводовъ и проч. состоялъ главнымъ образомъ изъ мельчайшей (вышиною въ 1—2 сентиметра) Oxalis species, съ желтыми цвѣтками, напоминавшей Oxalis stricta L. и изъ такого же кро-

---

1) Очень часто, чаще чѣмъ я желалъ, къ сожалѣнію приходилось только видѣть или анализировать, сидя въ носилкахъ, на ходу интересовавшія меня растенія. Такой участи подверглись и формы, принадлежавшія къ родамъ: Spirea, Rosa и Pyrus. Мой другъ Faber полагаетъ, что это могло быть. Spirea Japonica, Rosa Sinensis или R. hystrie и Pyrus baccata L или можетъ быть P. Betulaefolia Bunge.

шечнаго Chrysosplenium species, (Кью-Кіангъ-Линджау), также обильнаго цвѣтшаго во время нашей экспедиціи.

Первыя кусты чая начали попадаться за городомъ Суй-чанъ, по краямъ полевыхъ участковъ, въ одинъ рядъ вмѣстѣ съ Camellia Sasanqua Siebold et Zuccarini [1]), но еще въ количествѣ очень незначительномъ, очевидно они служили здѣсь лишь для цѣлей домашняго употребленія. Почти всѣ молодые верхушечные побѣги ихъ (съ 4 — 6 листьями) были ощипаны на границѣ одеревенѣвшей прошлогодней вѣтви. Настоящія чайныя плантаціи были еще впереди.

20 Апрѣля, послѣ ночлега въ деревнѣ Да-Га-Дзянъ (Da-Ga-Dzian), слѣдуя узкою долиною вдоль горной цѣпи, по ложбинѣ быстраго ручья, часто сплошь заросшей бамбукомъ, мы достигли до широкой рѣки Пи-Дзянъ-хо (Pi-Dzian-ch'o), на которой красовался не въ примѣръ пройденнымъ до сихъ поръ, монументально построенный и весьма длинный мостъ. Вмѣсто скрипучихъ колеблющихся деревянныхъ козелъ, на немъ были очень солидные, прочной кирпичной кладки, быки. Двояко выпуклыя вершины ихъ (соотвѣтствующія поперечнымъ сѣченіямъ) имѣли очертанія заостреной у полюсовъ чечевицы, но настилка моста, должно признаться, мало соотвѣтствовала роскоши основанія; впрочемъ, быть можетъ, съ Китайской точки зрѣнія и она была великолѣпна: вмѣсто двухъ настилка эта состояла изъ цѣлыхъ трехъ, конечно очень узкихъ досокъ.

Въ 4-мъ часу пополудни остановились мы, не доходя нѣсколько до него, у города У-нинъ, или Вунинъ (какъ уже упомянуто Англичане исказили его въ Moning), лежащаго какъ и Линджау, на рѣкѣ Тай или Сяу-хо чтобы дать отдохнуть и собраться съ силами носильщикамъ. Они должны были, вѣдь промчать насъ такъ сказать по городу возможно быстро въ заранѣе приготовленную квартиру. Какъ отнесется при этомъ населеніе къ невиданнымъ чужестранцамъ было вопросомъ вполнѣ открытымъ. Отдыхали мы въ небольшой рощицѣ колоссальныхъ, едва начинав-

Китая, гдѣ я былъ, такое подмѣшиваніе неизвѣстно; прибавляютъ ли, въ видѣ суррогата чая, къ послѣднему листья этой камеліи въ Китаѣ, какъ это допускаетъ въ рѣдкихъ случаяхъ для Японіи Siebold,—мнѣ также неизвѣстно.

1) Этотъ гигантъ Китая и Формозы оказывается однакоже еще очень скромнымъ по росту сравнительно съ его Яванскимъ родственникомъ, знаменитымъ Liquidambar Altingiana Blume (Altingia excelsa Noronha): «Rassamala» Яванцевъ, первые сучья котораго начинаютъ дѣлиться только уже надъ вершинами и дубовъ и другихъ столь же высоко растущихъ деревьевъ горныхъ лѣсовъ вулкановъ Salak и Gedeh на Явѣ.

шихъ лишь распускаться деревьевъ Фынъ-Джу: Liquidambar Formosana Hence (Fam Hamemelidaceae vel Platanaceae) [1]) Его громадные, покрытые свѣтлосѣрою корою, стволы и могучіе сучья представляли самый рѣзкій контрастъ съ блестящими яркосвѣтлозелеными, какъ бы лакированными, только что распустившимися и еще развертывавшимися голыми, трехъ-лопастными, у верхушекъ послѣднихъ заостренными, листочками, снабженными тотчасъ отпадающими вслѣдъ за развертываніемъ листьевъ длинными, парными, шиловидными прилистниками.

Дерево это высоко цѣнится здѣсь по своимъ превосходнымъ строительнымъ качествамъ; въ большихъ размѣрахъ идетъ оно и на приготовленіе чайныхъ ящиковъ. Выдѣляющаяся изъ трещинъ коры его смола имѣетъ пріятный ароматическій запахъ, напоминающій нѣсколько родственный Styrax liquidus (отъ Liquidambar erientalis Miller Малой Азіи). Смола эта употреблятся при буддійскомъ богослуженіи и для куренія въ комнатахъ; она издаетъ при этомъ весьма пріятный ароматъ. Смола выпотѣваетъ также массами и на поверхности сферическихъ плодовыхъ шишекъ, висящихъ на длинныхъ ножкахъ. Кромѣ этого гиганта въ окрестностяхъ г. Унина и дальше мнѣ попадался и другой Liquidambar species: кустарникъ съ тройными округлолопастными листьями.

Въ $4^1/_2$ часа пополудни насъ быстро пронесли по узкимъ, тѣснымъ и грязнымъ крытымъ улицамъ города, среди несмѣтной, но не враждебной, а лишь крайне любопытной толпы въ домѣ зажиточнаго купца и владѣльца чайной фабрики Ченъ-Шэнъ-Ань, ведущаго дѣла съ фирмою Товарищества К. и С. Поповыхъ, встрѣтившаго насъ очень любезно, благодаря этому обстоятельству и обязательно взявшаго на себя заботы отправки къ начальнику города [1]) нашихъ: паспортовъ, визитныхъ карточекъ и обязательныхъ, обычныхъ подарковъ. Карточки наши были написаны тушью на большихъ кускахъ ярко-красной тонкой бумаги, Китайскими знаками. Продолговато четыреугольная форма ихъ и красный цвѣтъ обязательны

1) Обыкновенно въ нашей и другихъ литературахъ принято называть Китайскихъ чиновниковъ Мандаринами. Слово это, Португальскаго происхожденія, Китайцамъ совершенно неизвѣстно. Каждый чиновникъ имѣетъ у нихъ свое названіе такъ напримѣръ: генералъ губернаторъ зовется: Далай-тай (Dalaï-taï). Я не знаю титула уѣзднаго начальника, но читатель не посѣтуетъ если не стану называть его мандариномъ: въ этомъ случаѣ пришлось-бы уклониться отъ истины въ область хотя-бы и получившей уже право гражданства неточности.

въ Китаѣ одинаково для всѣхъ. Подарки состояли изъ кусковъ туземныхъ шелковыхъ матерій, количество и цѣнность которыхъ были указаны заранѣе нашими патронами Китайцами: чаеторговцами Ханькоу и Шанхая.

На слѣдующій день послѣ осмотра чайной фабрики мы отправились дальше по направленію къ Линджау [1]). Въ этотъ день мы должны были вступить уже въ область типичныхъ чайныхъ плантацій; это было 21 Апрѣля. Пройдя берегомъ рѣки, мы сдѣлали перевалъ въ долину, здѣсь настолько расширявшуюся, что снова встрѣтились съ затопленными водою участками посадокъ риса. Снова встрѣтилъ насъ и неумолкаемый хоръ лягушекъ (кваканіе ихъ отлично отъ нашихъ; самихъ животныхъ мнѣ видѣть не пришлось), сопровождавшій насъ безъ перерыва въ первые два дня путешествія отъ Кью-Кіанга до Суй-чана и дальше воздухъ часто бывалъ теперь опять отравленъ зловоніемъ только что удобренныхъ человѣчьими экскрементами рисовыхъ полевыхъ участковъ.

На мѣстахъ болѣе возвышенныхъ пестрѣли участки: Ячменя, Бобовъ, Гороха, Пшеницы, Рапса и Рамэ. По валамъ полевыхъ участковъ, занимаемыхъ ими, сидѣли въ одинъ рядъ чайные кусты, большею частью старые, съ отщипанными уже молодыми травянистыми побѣгами. Крупныя и мелкія цапли (Ardea nigripes, Tantalus niveus?), снѣжно бѣлаго цвѣта, важно прогуливались по затопленнымъ водою участкамъ. Слышался постоянно также и гармоническій свистъ какой то желтой птицы, цвѣтомъ и величиною напоминавшей отчасти нашу иволгу: Oriolus galbula L. Китайцы очень охотно держатъ ея въ своихъ домахъ въ клѣткахъ, что я наблюдалъ повторно въ городахъ: У-нинъ, Кью-Кіангъ, Шанхаѣ. Очевидно птичка эта здѣсь: perosona grata.

Большіе, изящные, чернобархатные Махаоны (Papilio species), украшенные цвѣтными и бѣлыми пятнами своихъ, снабженныхъ характерными отростками, крыльевъ какъ-бы небрежно и лѣниво перепархивали надъ цвѣтущими ароматическими розовыми бобами и горящимъ золотомъ рапсомъ. Не однимъ зловоніемъ только угощалъ насъ Китай!

Чѣмъ далѣе подвигались мы впередъ, тѣмъ болѣе съ живалась долина и тѣмъ ближе подступали къ намъ ограничивающіе ее съ обѣихъ сторонъ холмы горныхъ цѣпей. По сѣро-красноватымъ

1) Описаніе результатовъ осмотра чайной фабрики этой будетъ излог совмѣстно съ тѣмъ, что я видѣлъ дальше: въ Линджау.

холмамъ ихъ начали попадаться уже и предвѣстники настоящихъ плантацій: немногочисленные еще ряды чайныхъ кустовъ, а между ними кое-гдѣ, уже упомянутыя прежде, своеобразныя группы гигантскихъ букетовъ бамбука, рядомъ съ Chamaerops excelsa и Cunninghamia Chinensis. Самыя вершины холмовъ оставались невоздѣланными, или были покрыты невысокою Китайскою Сосною: Pinus Chinensis, съ вѣтвями обыкновенно обрубленными вплоть до вершины. (Мы видѣли, что онѣ идутъ на покрышку строеній).

Молодыя травянистыя вѣтви (весенніе побѣги) чайныхъ кустовъ на многихъ изъ послѣднихъ были еще не ощипаны. При жеваніи недавно распустившихся весеннихъ листьевъ, я снова могъ убѣдиться, что они обнаруживаютъ черезъ нѣкоторое время вкусъ слегка ароматическій, тогда какъ листья прошлогоднія, (на Деревянистой части вѣтви) сколько-бы ихъ не жевать, даютъ лишь горькій и вяжущій вкусъ, безъ всякихъ слѣдовъ аромата, выраженнаго впрочемъ и у листьевъ молодыхъ лишь весьма слабо.

И такъ начало чайныхъ плантацій въ Провинціи Дзянь-си очень постепенное. Первые чайные кусты въ поляхъ, какъ мы видѣли, попадаются между городами Суй-чанъ и У-нинъ, въ 30—20 ли не доходя до послѣдняго. За этимъ городомъ начинаются уже, по склонамъ горъ и холмовъ, только что упомянутыя первыя плантаціи: въ видѣ небольшихъ, засаженныхъ чаемъ участковъ; чѣмъ ближе къ Линджау, тѣмъ болѣе и болѣе встрѣчаются сплошныя плантаціи чая въ мѣстности, принимающей окончательно горный характеръ, съ ея типическими уже упомянутыми растительными формами (Loropetalum Chinense, Spirea et Rosa species). Не могу не подчеркнуть снова отсутствіе папоротниковъ и встрѣтившееся на пути раза два Камфарное дерево: Camphora officinarum C. G. Nees.

Въ этотъ день (21 апрѣля) для обѣда и ночлега остановились мы въ мѣстечкѣ Ванъ-линъ, которое безспорно останется навсегда въ памяти членовъ экспедиціи: здѣсь пришлось пережить враждебное и буйное отношеніе къ намъ населенія, которое легко могло бы имѣть не только печальныя, но даже прямо гибельныя послѣдствія. Уже тотчасъ по приходѣ на мѣсто, обычно-ненасытное, но досихъ поръ всегда и вездѣ благодушное любопытство крестьянъ, особенно въ лицѣ молодаго поколѣнія—мальчишекъ, приняло характеръ нѣсколько вызывающій. Конечно, мы съ своей стороны дѣлали

видъ, что не обращаемъ на это никакого вниманія. Непріятно было забираться спозаранку въ домъ, но пришлось это сдѣлать поневолѣ. Кстати пошелъ небольшой дождь; это послужило прекраснымъ предлогомъ запереть двери и окна, т. е. заставить и закрѣпить ихъ изнутри (какъ о томъ уже была рѣчь) особыми, существующими для того досками. Какъ только это произошло: шумъ, призывный хохотъ мальчишекъ и крики толпы усилились. Требовали чтобы мы не лишали жителей рѣдкаго удовольствія насъ разсматривать и наблюдать какъ будемъ обѣдать. Мы отвѣчали, что не можемъ удовлетворить такой любознательности вслѣдствіе дождя и личнаго утомленія, такъ какъ, пообѣдавъ, сейчасъ-же ляжемъ спать. Хозяинъ пошелъ передать объ этомъ толпѣ, а мы сѣли за столъ, накрытый противъ забраннаго досками окна. Почти тотчасъ же мальчишки стали бросать въ послѣднее камешки, стараясь попасть въ небольшое четыреугольное отверстіе, (сантиметратри въ поперечникѣ), оставляемое въ нижнемъ углу окна для наблюденія за тѣмъ, что происходитъ внѣ дома. Много такихъ камешковъ попало къ намъ въ комнату: они конечно вредить не могли, но по мѣрѣ того какъ надвигались и густѣли сумерки, камни щелкали въ наши окна все чаще и сильнѣе; характеръ звука при ударахъ ихъ объ оконныя доски и дрожаніе послѣднихъ указывали на увеличивающіяся массы и вѣсъ первыхъ, тогда какъ шумъ, призывный хохотъ и крикъ толпы превратился въ настоящій яростный ревъ, конечно уже не мальчишекъ, а взрослыхъ. Въ дѣло пошли цѣлые кирпичи и вотъ подъ тяжестью ихъ съ грохотомъ обрушилась на нашъ обѣденный столъ, сокрушая все на пути, одна изъ защищавшихъ окно тяжелыхъ досокъ [1]), пролетѣвъ всего на какой нибудь палецъ отъ виска одного изъ членовъ экспедиціи. Съ неистовымъ крикомъ, и вѣроятно сильнѣйшими ругательствами бросился, къ пробитой оконной брэши нашъ хозяинъ, въ лицѣ котораго буйною толпою были дерзко попраны неприкосновенность, священныхъ въ Китаѣ, правъ домашняго очага. Съ необычайною быстротою служителями была вставлена и закрѣплена новая доска, но осада и бомбардировка, хотя уже и не столь энергичная продолжалась все таки по прежнему, утихая лишь въ высшей степени постепенно. Она прекратилась совсѣмъ только въ 12-мъ часу ночи. Безспорно одному нашему хозяину, благоразумно баррикадировавшему заднія входныя двери грудами лежавшихъ въ видѣ запаса на дворѣ, приготовленныхъ

1) Въ Китаѣ вся домашняя плотничная работа отличается необычайною и на нашъ взглядъ даже не нужною тяжеловѣсностью и массивностью.

для крышъ вѣтвей Китайской сосны (Pinus Chinensis) и масло носной камеліи (Camellia Sasanqua), обязаны мы были на шимъ спасеніемъ, охранителей же нашихъ простылъ, какъ говорится и слѣдъ еще при самомъ началѣ проявленія буйства населен. Читатель легко пойметъ, что послѣ такого вечера заснуть скоро было не легко, но и заснувъ наконецъ успокоиться все еще не пришлось Въ 2 часа по полуночи я былъ внезапно разбуженъ неистовымъ дикимъ визгомъ и крикомъ, сопровождавшимся ударами въ гонгъ, раздирающими слухъ звуками туземныхъ музыкальныхъ инструментовъ, и звономъ ударяемой другъ объ друга металлической домашней посуды и утвари. Была темная, непроглядная, дождливая ночь. Шумъ быстро приближался, достигъ своего апогея у оконъ нашего постоялаго двора и затѣмъ, столь же быстро ослабѣвая, затерялся вдали: это Китайцы, съ ихъ «хешэнами» , т. е. жрецами во главѣ, пугали чертей, насылавшихъ дождь, такъ вредящій качеству сбора весеннихъ чайныхъ листьевъ. Сборъ этотъ въ Китаѣ такъ называемый первый—самый важный по качеству товара; и какъ на грѣхъ въ Апрѣлѣ, именно, дожди здѣсь особенно часты, а первымъ яснымъ днемъ для начала сбора пользоваться все таки нельзя: необходимо, еще вѣдь, чтобъ онъ принадлежалъ и къ числу дней «благополучныхъ», если же принять въ соображеніе, какъ легко разгнѣванные недостаточно внимательнымъ отношеніемъ [1]) къ нимъ потомковъ, предки изъ добрыхъ и благодѣтельныхъ геніевъ обращаются въ злыхъ и мстительныхъ чертей то становится само собою яснымъ сколько затрудненій приходится преодолѣвать Китайцу при такихъ условіяхъ! Поневолѣ станешь, вмѣсто того, чтобы спать послѣ трудоваго дня, собирать по ночамъ хешэновъ, платить имъ и гонять чертей-предковъ, невыразимымъ шумомъ и гамомъ. Все это такъ понятно, но для насъ ночь оказалась въ своемъ родѣ не хуже предшествовавшаго вечера!

---

1) Господствующая вѣра Китайцевъ, какъ извѣстно, искаженный, принявшій форму грубаго идолопоклонства, Буддизмъ, слившійся съ первоначальною религіею культа предковъ — домашнихъ боговъ, до извѣстной степени, напоминающихъ Римскихъ Пенатовъ; если передъ изображеніемъ предка у домашняго алтаря совершается надлежащее число поклоненій, сожигается должное количество священныхъ красныхъ свѣчей, благовоній и жертвеннаго серебра или золота, ставятся кушанья и напитки—все идетъ и обстоитъ благополучно: предокъ остается добрымъ духомъ, не смотря на то, что серебро и золото (кстати же они и несгараемы) замѣняется бумагою изъ сусальнаго золота и серебра: покойникъ такого обмана «не понимаетъ», но если что либо изо всего этого упущено за недосугомъ, тогда предокъ дѣлается мстительнымъ чортомъ и берегись чай и все прочее въ хозяйствѣ!

Не смотря на всю головоломность путешествія мы предпочли выбраться 22-го Апрѣля изъ негостепріимнаго Ванъ-линъ до разсвѣта и выступили въ походъ съ фонарями въ $4^{3}/_{4}$ часа утра. Быстрый, безъ утренней зари, разсвѣтъ этихъ широтъ не заставилъ себя долго ждать: въ 5 часовъ уже былъ день, но и буйное мѣстечко въ эти четверть часа осталось уже далеко позади насъ. Мы шли по прежнему узкою горною долиною съ тѣмъ же характеромъ растительности, но участки чайныхъ плантацій по холмамъ стали попадаться все чаще и чаще. Подошвы отдѣльныхъ закругленныхъ холмовъ, или сплошныхъ цѣпей ихъ были обработаны въ видѣ лежащихъ одна надъ другой террасъ. Почва этихъ террасъ, свободная отъ травы, имѣла сѣрокрасноватый цвѣтъ. Чайные кусты были расположены немногими поперечными рядами, или мѣстами и совершенно безпорядочными группами. Промежуточные пояса между двумя сосѣдними террасами были покрыты травою; сами кусты не обнаруживали даже и слѣдовъ систематической обрѣзки, столь типичной для чайныхъ плантацій Цейлона и Явы. Кустарникъ очевидно былъ предоставленъ самому себѣ; встрѣчались кусты съ листьями, пострадавшими отъ зимнихъ холодовъ, съ голыми, умирающими или совершенно умершими уже сучьями и вѣтвями. Вершины холмовъ оставались невоздѣланными или покрытыми зарослями низкорослой сильно обрубленной снизу Китайской Сосны (Pinus Massoniana = P. Chinensis Lamb.) съ ея столь типичными, непомѣрно длинными, парными иглами. Въ противуположность Цейлону и Явѣ, чайныя плантаціи Китая состоятъ обыкновенно изъ мелкихъ земельныхъ участковъ, принадлежащихъ крестьянамъ собственникамъ. Болѣе значительныя пространства земли, занятыя чаемъ, представляютъ собою недвижимую собственность людей состоятельныхъ: купцовъ и чиновниковъ, сдаваемую въ аренду по частямъ тѣмъ же крестьянамъ.

Вблизи деревень и между кустами чайныхъ плантацій стало все чаще и чаще попадаться, несомнѣнно красивѣйшее изъ деревьевъ Китая, пышно цвѣтущая Catalpa Bungei Breitschneider (F. Bignoniaceae). Осыпанныя крупными, бѣлорозовыми, душистыми цвѣтками, почти совершенно скрывавшими листья, деревья эти, съ яблоню величиною, казались роскошными гигантскими букетами, разбросанными между темнозелеными чайными кустами. Красота ихъ подчеркивалась еще болѣе золотыми, вертикальными кистями богатоцвѣтущей по близости, уже упомянутой, Caesalpinia se-

piaria и неизбѣжною культурною пальмою этой части Китая: Chamaerops excelsa, съ ея короткимъ и толстымъ стволомъ, окутаннымъ густымъ, темнобурымъ войлокомъ волоконъ, умершихъ листовыхъ влагалищъ, широкими лапчато-вѣерными листьями и, напоминающими тирсъ древнихъ, коническими. ярко-желтыми шишками мужскихъ соцвѣтій. Зигоморфные цвѣтки Catalpae Bungei очень изящны: снѣжно-бѣлый вѣнчикъ ея украшенъ въ зѣвѣ и при основаніи верхней трехъ-лопастной губы ярко-розовыми пятнами и полосками; нижняя губа двулопастная, чисто бѣлая. Покрытый свѣтло-сѣрою корою стволъ вѣтвится широко, благодаря неправильно искривленнымъ, далеко расходящимся въ стороны, вѣтвямъ. Не лишены также морфологическаго интереса и листья дерева: частью коротко сердцевидно-трехлопастно остроконечные, частью эллиптическіе и цѣльнокрайніе, при чемъ нерѣдко и тѣ и другія формы встрѣчаются рядомъ на одной и той же вѣтви.

Недоходя 45 ли до Линджау мы переправились въ лодкахъ черезъ рѣку Тай-хо или Сяу-хо. Здѣсь у селенія Лянъ-Кау находится значительная, чайная фабрика, привлекающая весною, во время сбора и приготовленія чая, тысячи пришлаго народа. Къ чужеземцамъ населеніе этой мѣстности относится завѣдомо враждебно, чего очень опасались наши носильщики. Насъ быстро пронесли въ совершенно закрытыхъ, благодаря спущеннымъ занавѣсамъ носилкахъ, такъ что оставались видными только Китайскіе башмаки. Тѣмъ не менѣе безъ враждебныхъ манифестацій не обошлось. Одинъ изъ встрѣтившихся рабочихъ выразилъ свое неудовольствіе такъ: «Что это за сволочь, которую здѣсь тащатъ; повыкидать бы ее изъ носилокъ и дѣлу конецъ, по крайней мѣрѣ не стали бы здѣсь шляться». Такія рѣчи слышалъ нашъ переводчикъ Я. К. Пановъ, участникъ одной изъ нашихъ чайныхъ фирмъ въ Ханькоу. Его самообладанію, хладнокровію и глубокому знанію не только языка, но и самаго Китайца, безспорно обязаны мы главнымъ образомъ благополучнымъ окончаніемъ нашей весьма рискованной экспедиціи въ глубь провинціи Дзянь-си.

По ту сторону рѣки плантаціи чая стали принимать болѣе и болѣе обширные размѣры. Мы шли теперь вдоль горной цѣпи, отдѣльные холмы и даже вершины которой были заняты чаемъ отъ подошвы до вершины включительно, но всегда лишь отдѣльными участками, а не сплошь какъ на Цейлонѣ. Обыкновенно участки эти представляли собою треугольники, вершины которыхъ соотвѣтствовали гребню, основанія же

подошвѣ горы. Между такими желто и свѣтло-бурыми треугольниками тянулись темно-зеленые ряды чайныхъ кустовъ съ разбросанными между послѣдними пышно цвѣтущими Катальпами, тогда какъ промежутки между сосѣдними чайными участками оставались заросшими въ иныхъ случаяхъ зеленою травою, образовавшею невысокій дернъ, въ другихъ Китайскою Сосною. Такова общая картина типичеекихъ чайныхъ плантацій провинціи Дзянь-си.

Чай разводится исключительно сѣмянами. О правильной или даже какой нибудь обрѣзкѣ кустарника, какъ на Цейлонѣ и Явѣ, нѣтъ здѣсь и рѣчи. Кусты чая видѣнные мною на плантаціяхъ Провинціи Дзянь-си обыкновенно не превышали половины роста взрослаго человѣка; часто же они были и значительно ниже. Обильно попадались листья, пострадавшіе отъ зимнихъ холодовъ; иныя вѣтви были голы отъ полной потери первыхъ; вообще умирающіе и даже умершіе кусты не составляли большей рѣдкости, какъ объ этомъ уже была рѣчь выше.

Въ отношеніи морфологическомъ, плотные и кожистые, среднихъ для китайскаго типа размѣровъ, листья [1]) были широко ланцетовидны, съ притупленною верхушкою, при чемъ послѣдняя все таки сохраняла обыкновенно свою верхушечную выемку (фототипія I, A. лѣвый листъ), хотя случалось нерѣдко (та же фототипія правый листъ), что въ другихъ случаяхъ она и совершенно исчезала. Болѣе мелкихъ листьевъ съ удлиненною узкою верхушкою, какъ это видно на образцахъ чайныхъ плантацій не особо далекой отъ Дзянь-си провинціи Чже-дзянъ изъ окрестностей города Нинъ-бо-фу мнѣ здѣсь [2]) встрѣтить не приходилось. (Сравни фототипію I, B.).

Чай цвѣлъ кое гдѣ лишь, но зато кусты были покрыты массами плодовъ какъ еще зеленыхъ, такъ и вполнѣ созрѣвшихъ: бурыхъ, съ коробочками уже лопнувшими. Китаецъ не препятствуетъ цвѣтенію чая обрѣзкою кустовъ, какъ это систематически дѣлается на Цейлонѣ и Явѣ: напротивъ часть сѣмянъ онъ при случаѣ продастъ, обваривъ ихъ предварительно кипяткомъ, чтобы не всходили, если покупатель Европеецъ, другая же пойдетъ у него для выжиманія жидкаго, красноватаго жирнаго масла, употребляемаго въ пищу. Масло это, по мнѣнію туземцевъ, слишкомъ хорошо чтобы идти на освѣщеніе; для послѣдней цѣли идетъ, какъ уже упомянуто, масло отъ Camellia Sasanqua.

1) 5—8 центиметровъ длины, при $2^1/_2$ — 3 центиметровъ наибольшаго поперечника.

2) На картахъ провинція Чже-дзянъ (Tsche-Dsian), лежащая на востокъ отъ озера По-янъ-ху, носитъ обыкновенно неправильное названіе Чи-Кіангъ, приморскій же городъ ея Нинъ-бо-фу обозначается какъ Ningpo.

Главное время цвѣтенiи чая въ этой мѣстности Китая выпадаетъ на Октябрь и Ноябрь, начинаясь въ Августѣ и кончаясь къ Декабрю или въ Декабрѣ. Цвѣточныя почки, не успѣвшiя распуститься до зимней прiостановки роста, зацвѣтаютъ уже послѣ зимняго покоя: въ Мартѣ и Апрѣлѣ. Вотъ почему мнѣ пришлось видѣть здѣсь въ этомъ мѣсяцѣ не мало цвѣтковъ и готовыхъ распуститься цвѣточныхъ почекъ.

На плантацiи кусты сидѣли приблизительно на одинъ метръ другъ отъ друга; слѣдовъ удобренiя, или недавняго удаленiя сорныхъ травъ не было замѣтно. Сѣмянныхъ деревьевъ, какъ на Цейлонѣ, не было; всѣ кусты, приблизительно одинаковой высоты, представлялись безпорядочно разросшимися, безъ слѣдовъ обрѣзки, не только систематической, но и вообще какой либо. Вообще вся культура плантацiй представлялась крайне небрежною и запущенною.

Никакихъ паразитовъ растительныхъ или животныхъ на чаѣ, какъ уже упомянуто, называемомъ туземцами «Ца», мнѣ здѣсь наблюдать не приходилось. Характерныхъ поврежденiй молодыхъ побѣговъ и листьевъ, подобныхъ причиняемымъ на Явѣ насѣкомымъ Helopeltis Antonii, не было и слѣда. Туземцы утверждали, что имъ не извѣстны никакiе паразиты чая, но это заявленiе должно быть принимаемо все-таки съ осторожностью: въ дѣлѣ наблюденiя природы Китаецъ мало надеженъ: это не то, что Сингалезъ или Яванецъ. Свойственный послѣднимъ духъ наблюденiя естественныхъ явленiй, совершенно чуждъ Китайцу, не умѣющему наблюдать природу, презирающему ее и всюду видящему только однихъ чертей. Очевидно однакоже, что какихъ либо выдающихся паразитовъ чая здѣсь нѣтъ.

Времена сбора. Въ противуположность Цейлону и Явѣ, гдѣ чай собирается въ теченiе всего года черезъ 10—14 дневные промежутки, въ Китаѣ сборъ его прiуроченъ къ опредѣленнымъ временамъ года:

I. Первымъ, по времени и достоинству является сборъ весеннiй, дающiй такъ называемый первосборный чай, высшимъ сортомъ котораго является уже упомянутый Бай-хао. Сборъ этотъ имѣетъ мѣсто въ Апрѣлѣ; его и пришлось мнѣ наблюдать. Мужчины, женщины и дѣти отщипываютъ руками травянистыя верхушки вѣтвей съ 4—6 листьями и верхушечною почкою. Собранный листъ тотчасъ же уносится носильщиками для обработки.

II. Второй сборъ бываетъ въ концѣ Мая и даетъ уже листъ болѣе грубый и старый — слѣдовательно и товаръ низшаго качества.

III. Третій сборъ имѣетъ мѣсто въ концѣ Іюня; чай этотъ уступаетъ, понятно, предъидущему въ качествѣ.

IV. Четвертый сборъ случается не всегда; онъ выпадаетъ на конецъ Іюля. Своими низкими качествами, исключительно старыхъ и жесткихъ листьевъ, чай этотъ можно сравнить съ Цейлонскимъ Kongu.

На Цейлонѣ и Явѣ производство чая находится исключительно въ рукахъ крупныхъ собственниковъ или акціонерныхъ компаній, здѣсь онъ готовится частью мелкими собственниками или арендаторами крестьянами, частью купцами, владѣльцами чайныхъ фабрикъ, пріобрѣтающихъ товаръ отъ мелкихъ собственниковъ: непосредственно, или черезъ особыхъ скупщиковъ, играющихъ не малую роль и при окончательной продажѣ чая представителямъ торговыхъ фирмъ Россіи и Англіи въ Ханькоу и Кью-Кіангѣ при его вывозѣ изъ Китая.

Познакомимся теперь съ производствомъ черного чая мелкими собственниками, фабричное же приготовленіе его будетъ разсмотрѣно при описаніи чайныхъ фабрикъ городовъ У-нина и Линджау.

Крестьяне готовятъ черный чай въ Провинціи Дзянь-си такъ: травянистыя весеннія вѣтви, съ ихъ 6 — 4 листьями и верхушечною почкою складываются въ плоскія круглыя бамбуковыя корзины и выставляются въ нихъ на солнцѣ, или осторожно нагрѣваются на огнѣ (избѣгая дыма), пока провяленный тѣмъ или другимъ способомъ листъ не потеряетъ свою упругость т. е. захваченный и сжатый горстью въ комокъ, не будетъ оставаться въ такомъ состояніи и послѣ того какъ будетъ выпущенъ изъ руки. Затѣмъ наступаетъ свертываніе провяленнаго листа т. е. скатываніе его, вмѣстѣ съ вѣтвью по продольной оси, причемъ обыкновенно листья почти всегда отрываются отъ первой самимъ процессомъ свертки. Скатываніе это производится руками только примѣнительно къ не вполнѣ распустившимся еще листочкамъ и верхушечнымъ почкамъ, идущимъ на приготовленіе высшаго сорта Бай-хао. Преобладающая масса листа свертывается ногами. Въ самой элементарной формѣ, у очень мелкихъ собственниковъ, дѣло п

исходитъ такъ: потерявшій упругость вялый листъ насыпается въ большую плоскую бамбуковую корзину, слоемъ въ 3—4 сантиметра (высота корзины не болѣе 8 сантиметровъ). Китаецъ съ обнаженными выше колѣнъ ногами, становится въ нее и начинаетъ мять и скатывать листъ треніемъ одной ноги о другую. Мало эстетическій вообще характеръ этого зрѣлища очень часто усиливается еще болѣе тѣмъ, что грязные ноги поселянина нерѣдко покрыты сыпями и язвами. При такомъ скатываніи, изъ растираемыхъ листьевъ, обильно вытекаетъ темная, зеленовато-бурая жидкость: такъ называемый чайный сокъ.

При обработкѣ болѣе значительныхъ количествъ листа, для его свертыванія устраивается, очень не высокій, четыреугольный столъ съ перилами по краямъ. Перекладина этихъ перилъ имѣетъ такую высоту, что объ нее можно свободно опираться, не сгибая колѣнъ. Провяленный листъ помѣщается въ хлопчатобумажные или полотняные мѣшки, которые кладутъ вдоль перилъ по краямъ платформы. Затѣмъ Китаецъ начинаетъ ходить по этимъ мѣшкамъ, опираясь руками на перила и, потирая ногами заключенный въ мѣшкахъ листъ. Вслѣдствіе такой операціи чайный «сокъ» обильно вытекаетъ на платформу [1]) сквозь ткань мѣшка, а листъ черезъ нѣкоторое время оказывается свернутымъ, т. е. скатаннымъ вдоль. Надлежащее совершенство свертки достигается, въ тѣхъ частныхъ случаяхъ когда это оказывается нужными, повтореніемъ процесса.

Необходимымъ условіемъ полученія чернаго чая представляется броженіе листа, результатомъ котораго являются черный цвѣтъ готоваго товара послѣ высушиванія, темный цвѣтъ настоя и извѣстныя вкусовыя качества послѣдняго. Зеленый чай высушивается прямо, черный лишь послѣ предварительнаго броженія — въ этомъ ихъ существенная и единственная разница — извѣстная разновидность производящаго растенія, какъ думали еще недавно, но способъ приготовленія листа только даютъ черный или зеленый чай, принимая послѣдній въ широкомъ смыслѣ слова, т. е со включеніемъ въ этотъ типъ и такъ называемого чая желтаго, представляющаго собою однѣ верхушечныя, еще не распустившіяся листовыя почки, не болѣе какъ

1) Никакихъ отверстій въ послѣдней для того, чтобы сокъ съ нея стекалъ здѣсь не дѣлается, это интересно въ томъ отношеніи, что Exner (China. 1889. Leipzig. Weigel) говоритъ объ ящикахъ для разминанія чая, дно и стѣнки которыхъ продыравлены для болѣе удобнаго вытеченія сока (Exner l. c. p. 99).

съ однимъ неразвернувшимся листомъ, высушиваемыя безъ предварительнаго броженія, всегда въ тѣни, никогда не на солнцѣ. (Въ Фу-чао по сообщенію И. А. Щербачева).

И такъ броженіе, называемое представителями нашихъ чайныхъ фирмъ въ Ханькоу, Кью-Кіангѣ и Фу-чао «замариваніемъ» производится въ бамбуковыхъ корзинахъ, въ которые помѣщается свѣжесвернутый листъ, слоемъ не выше 3—4 центиметровъ. Для удержанія развивающейся при этомъ скрытой теплоты, корзины прикрываются хлопчатобумажными платками. Подъ такою покрышкою листья оставляются въ корзинахъ не дольше одного часа, иначе чай теряетъ свои достоинства вслѣдствіе излишней продолжительности и напряженности процесса броженія. Вынутый изъ корзинъ листъ разсыпается затѣмъ въ плоскія бамбуковыя корзины и высушивается, всего охотнѣе на солнцѣ, если же тому препятствуетъ дождливая погода, то очень осторожно, всячески избѣгая дыма, на легкомъ огнѣ, получаемомъ сожиганіемъ дровъ лиственныхъ деревьевъ: отнюдь не хвойныхъ (Pinus chinensis).

Приготовленныя такимъ способомъ мелкія партіи чая продаются крестьянами скупщикамъ, доставляющимъ его на плечахъ носильщиковъ (въ длинныхъ скрученныхъ мѣшкахъ по концамъ коромысла) чайнымъ фабрикантамъ У-нина и Линджау.

Возвратимся теперь къ нашему путешествію. Чѣмъ ближе подходили мы къ Линджау, тѣмъ тѣснѣе и тѣснѣе становились горныя долины. Затѣмъ вступили мы наконецъ въ настоящее узкое ущеліе, по которому пробѣгалъ Тай-хо, а высоко надъ нимъ поднималась, параллельно рѣкѣ горная цѣпь, черезъ которую мы должны были перевалить, для того чтобы, спустившись по кругамъ противуположной стороны этой цѣпи, оказаться передъ Линджау—этою конечною цѣлью нашего многострадальнаго пути.

Начался крутой подъемъ, тропинка вилась по самому обрыву кручи, летѣли внизъ камни изъ подъ ногъ людей, все сильнѣе и сильнѣе колебались ритмически жерди носилокъ, вотъ уже и гребень горной вершины предъ нами, сейчасъ перевалъ, затѣмъ спускъ внизъ и вдругъ носилки упали назадъ, съ ними конечно и я: поскользнулся и не устоялъ на ногахъ одинъ изъ заднихъ носильщиковъ и это было причиной непріятнаго приключенія. По счастью носилки упали прямо на тропинку и не опрокинулись, иначе..... вмѣсто того, чтобы писать теперь эти строки, пришлось бы слетѣть

нѣсколько сотъ футовъ внизъ въ рѣку Тай-хо и навсегда остаться среди чайныхъ плантацій Китая. Паденіе не обошлось впрочемъ совсѣмъ безъ послѣдствій: я довольно сильно ушибъ правую ногу, но что это въ сравненіи съ тѣмъ, что могло быть!

Сконфуженные носильщики помогли мнѣ кое какъ забраться опять въ носилки, еще сильнѣе сталъ я подпрыгивать съ послѣдними при спускѣ и вотъ мы передъ тѣмъ-же Тай-хо, въ ожиданіи переправы на лодкахъ, а на той сторонѣ рѣки буквально все населеніе города, вышедшее заранѣе смотрѣть невиданныхъ чужестранцевъ. Посланные впередъ хозяину одной изъ чайныхъ фабрикъ Линджау письма съ нарочнымъ о нашемъ прибытіи въ назначенный заранѣе день стали, задолго до нашего прихода, извѣстнымъ не только властямъ, но и всему городу событіемъ — насъ ждали съ утра, а теперь былъ уже 6-й часъ вечера и какъ ждали: съ Китайскимъ, все преодолѣвающимъ, терпѣніемъ. Переправа въ лодкахъ совершалась подъ наблюденіемъ много тысячной толпы, за которою наблюдали въ свою очередь высланные намъ на встрѣчу полицейскіе города. Встрѣченные племянникомъ купца, ведущаго, въ Ханькоу, дѣло съ фирмою К. С. Поповыхъ, мы направились, съ полицейскими во главѣ и громадною толпою народа позади, въ отведенное заранѣе для нашего помѣщенія зданіе городскаго клуба, украшеннаго у входныхъ дверей скульптурными изображеніями двухъ чудовищно фантастичныхъ тигровъ.

Клубы эти въ Китаѣ, называемые также и чайными домами, часто находятся въ связи съ театрами, т. е. зданіями, въ которыхъ странствующіе актеры даютъ свои представленія. Таковъ былъ и клубъ въ Линджау. Жилыя комнаты нашего клуба. (Большая гостиная и пять отдѣльныхъ небольшихъ комнатъ) выходили на мощеный каменными плитами внутренній дворъ, на одной сторонѣ котораго (подъ небольшимъ навѣсомъ) находился родъ домашняго алтаря-храма, на противуположной—зданіе театра, въ то время бездѣйствовавшаго за отсутствіемъ актеровъ. По срединѣ алтаря помѣщалась большая статуя Будды, передъ нею чаша съ пепломъ отъ сожженныхъ куреній и жертвенной бумаги. Въ пепелъ этотъ втыкаютъ ярко красныя восковыя свѣчи во время жертвоприношеній. Старый, очень плохо и бѣдно одѣтый, бритый, съ обнаженною

1) Извѣстно, что по примѣру великаго учителя Будда-Саккіямуни жрецы его должны ходить съ чашею въ рукѣ для сбора подаянія и открытымъ, разстегнутымъ, воротомъ — символами добровольной нищеты и пренебреженія земными благами.

шеею и грудью [1]), Хэшенъ, т. е. жрецъ, приходилъ сюда нѣсколько разъ въ день, звонилъ въ небольшой колоколъ, сожигалъ передъ идоломъ жертвенную бумагу изъ сусальнаго серебра и читалъ на Санскритскомъ языкѣ (который понималъ столько же какъ и я, ему никогда неучившійся, т. е. ровно ничего) установленныя краткія молитвы, причемъ никто изъ находившихся почти всегда на дворѣ Китайцевъ и не помышлялъ не только подойдти къ алтарю, но даже обратить хотя бы малѣйшее вниманіе на богослуженіе, или прекратить разговоръ, нерѣдко довольно громкій и по ихъ обычаю даже крикливый. Хорошо извѣстный, глубокій индеферрентизмъ Китайцевъ къ религіи можно было наблюдать здѣсь во всей его силѣ, и при томъ съ величайшею ясностью. Немедленно по прибытіи насъ посѣтили старшины клуба и привѣтствовали обычнымъ «Цинъ-цинъ» (Zin-zin), т. е. наклоненіемъ впередъ тѣла при потираніи правою рукою тыла сложенной въ кулакъ лѣвой руки и произнесеніи вышеприведеннаго слова, обозначающаго «Здравствуйте или добро пожаловать». Все это сопровождалось легкимъ, едва замѣтнымъ, присѣданіемъ. Уже хорошо знакомые съ такимъ привѣтствіемъ, мы отвѣтили довольно свободно тѣмъ-же, обмѣнялись черезъ переводчика установленными любезностями и вскорѣ затѣмъ наши хозяева удалились. Пока готовился обѣдъ нашимъ поваромъ, можно было осмотрѣть помѣщеніе, безспорно, лучшее изъ всѣхъ какими мы пользовались во время путешествія внутрь страны. Состояло оно изъ пяти комнатъ: одной большой пріемной или гостиной и пяти отдѣльныхъ небольшихъ комнатъ—спальней. Стѣны гостиной были оклеены бумажными, разрисованными мѣстными художниками обоями, изображавшими, что обыкновенно изображаютъ Китайцы: ландшафты, украшенные горами, храмами, пагодами, соснами, бамбуками и т. д. Мебель въ гостиной состояла изъ очень массивныхъ деревянныхъ креселъ, четвероугольныхъ, съ прямыми ножками, высокихъ скамеекъ (стульевъ безъ спинокъ) и такого-же типа столовъ и столиковъ. Кресла и стулья были обиты грубымъ, ярко-краснымъ сукномъ. Окна, безъ рамъ заклееные наглухо тонкою (напоминающую нашу папиросную, но плотнѣе) бѣлою бумагою. На противулежащей окнамъ задней стѣнѣ гостиной, изображенія добрыхъ боговъ охранителей: одинъ изъ нихъ бѣлый, (т. е. лицо и руки) другой кирпично-красный. Отъ потолка почти до пола, между богами и по бокамъ ихъ, крупными знаками написаны мудрыя изрѣченія Конфуція и благія пожеланія (Будьте счастливы, богаты и благополучны. Да про-

длится Ваша жизнь сотни лѣтъ) живущимъ. Такъ передавалъ значеніе этихъ надписей нашъ переводчикъ.

По срединѣ задней стѣны, подъ изображеніями боговъ, красовался, обитый также краснымъ сукномъ, диванъ для куренія опія, устроенный для двухъ человѣкъ, т. е. раздѣленный во всю длину его узкимъ деревяннымъ столикомъ, на который ставятся лампочки, кладутся трубки и помѣщаются вообще всѣ принадлежности для куренія опія, какъ-то: иглы для прочистки трубки, сосуды съ экстрактомъ опія (чанду) запасные трубки и чубуки и т. д. [1]).

Спальни имѣли деревянныя, широкія и низкія кровати. (Безъ постели и бѣлья; конечно оно должно быть свое) были оклеены простою узорчатою бумагою, стулья здѣсь бамбуковые, столики деревянные. Невольное вниманіе привлекалъ къ себѣ ночникъ. Это металлическая (жестяная) лампа, имѣвшая величину и форму (безъ ручки однако), вполнѣ соотвѣтствующую нашимъ не глубокимъ соусникомъ, въ которыхъ подаютъ за столомъ подливку или растопленное масло. Жидкое растительное масло было и здѣсь на лицо. Въ соусникѣ этомъ лежало три снѣжнобѣлые цилиндра, освобожденныхъ отъ зеленой периферической ткани, стеблей какого-то растенія изъ семейства Juncaceae; всего вѣроятнѣе, что это былъ именно какой-нибудь ситовникъ Juncus species? Извѣстно, что сердцевинная паренхима этихъ растеній состоитъ изъ красивыхъ звѣздчатыхъ клѣтокъ, соединяющихся своими отростками и образующихся такимъ образомъ губчатую ткань, серебристо-бѣлую вслѣдствія присутствія въ ней массы воздуха. Цилиндры этой сердцевины, впитавшіе въ себя находившееся на днѣ лампы масло представляли фитили, дававшіе при горѣніи свѣтъ болѣе чѣмъ скромный. Какъ именно приготовлялись эти фитили узнать мнѣ не удалось. Воспоминанія дѣтства подсказывали слѣдующее: если взять свѣжій стебель одного изъ нашихъ Juncaceae (Juncus, Lusula) проткнуть его у одного изъ концевъ гребня нѣсколькими зубцами послѣдняго, захватить затѣмъ участокъ стебля находящійся впереди зубцевъ и быстро протянуть стебель впередъ до конца противуположнаго, то бѣлая сердцевина, свернувшись въ кольцо, отдѣляется цѣликомъ отъ разорванной продольными полосами, облекавшей ее зеленой коры. Вѣроятно, какимъ-нибудь по-

1) Я не могу остановиться здѣсь на приготовленіи экстракта, самомъ куреніи опія, послѣдствіяхъ злоупотребленія имъ и такъ далѣе. Пришлось бы слишкомъ отклониться въ такомъ случаѣ за предѣлы занимающаго насъ вопроса культуры и производства чая въ Китаѣ, въ связи съ изложеніемъ описанія нашей экспедиціи въ Линджау.

добнымъ пріемомъ пользуются и сыны «Небесной Имперіи» при изготовленіи такого рода оригинальныхъ фитилей.

На другой день (23 Апрѣля) намъ предстояло осмотрѣть достопримѣчательности города и чайную фабрику купца Симъ-ханонъ, доставляющаго въ Ханькоу чай высокаго достоинства.

Градоначальникъ, приславшій намъ свои визитныя карточки, передалъ при этомъ просьбу, чтобы мы отправились по городу въ открытыхъ носилкахъ, «дабы дать народу справедливую возможность удовлетворить, чрезмѣрно возбужденное, прибытіемъ знаменитыхъ западныхъ ученыхъ и купцовъ, любопытство». Въ свою очередь онъ обѣщалъ намъ полное содѣйствіе по отношенію къ нашему личному огражденію и вообще къ сохраненію всякаго порядка и благочинія. То же совѣтовали и другіе Китайцы; по этому носилки были освобождены отъ своего бамбуковаго скелета и покрывавшихъ его оболочекъ: онѣ превратились такимъ образомъ въ плетенныя кресла, утвержденныя на бамбуковыхъ жердяхъ. Члены экспедиціи, въ Китайской одеждѣ, сѣли въ эти кресла, несомыя каждое на плечахъ уже не четырехъ, а только двухъ носильщиковъ. Такимъ образомъ достигались двѣ цѣли: болѣе значительное повышеніе надъ уровнемъ почвы путешественниковъ и бо́льшее удобство поворотовъ въ тѣсныхъ улицахъ города. Растворились парадныя наружныя двери нашего клуба и шествіе тронулось въ такомъ порядкѣ: впереди шли старшіе полицейскіе служители города въ свѣтлосинихъ длинныхъ кафтанахъ и черныхъ кофтахъ (курмахъ) безъ рукавовъ, въ красныхъ круглыхъ шапкахъ съ широкимъ отклоненнымъ наружу чернымъ плисовымъ бортомъ и проволочною петлею по срединѣ шапки [1]). Вслѣдъ за этими блюстителями порядка несли оффиціальную форменную шапку начальника города, какъ выраженіе того, что онъ самъ какъ-бы принимаетъ участіе въ нашей процессіи и что всякое нарушеніе порядка населеніемъ будетъ доказательствомъ недостатка почтенія къ нему лично. За шапкою слѣдовала узкая и длинная исписанная Китайскими знаками, доска. Такія доски предшествуютъ чиновникамъ во время ихъ офиціальныхъ процессій; на нихъ изображены чинъ, заслуги и добродѣтели не-

1) Петля эта представляетъ собою символическую оправу шарика, украшающаго форменную шапку классныхъ чиновниковъ, чинъ которыхъ, какъ извѣстно, опредѣляется матеріаломъ и цвѣтомъ шарика. Полицейскій можетъ довольствоваться конечно символическою петлею только, удерживающею будущій шарикъ, если онъ его когда либо получитъ.

сомаго сановника. Принадлежала-ли наша доска градоначальнику, или на ней были написаны наши имена и, можетъ быть даже добродѣтели—осталось для меня неразъясненнымъ. Первое конечно вѣроятнѣе; несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что форменный красный зонтикъ—балдахинъ начальника города, неизбѣжная принадлежность всякой оффиціальной процессіи, отсутствовалъ въ данномъ случаѣ. По общему нашему соглашенію мнѣ пришлось открывать шествіе и за доскою слѣдовали мои носилки. Ничто такъ не вліяетъ на Китайца какъ оффиціальная сдержанность и замкнутость, соединенная со строжайшимъ исполненіемъ всѣхъ предписаній этикета и условной вѣжливости, поэтому я естественно озаботился относительно выполненія требуемыхъ положеніемъ условій на сколько смогъ это сдѣлать и, какъ говорили потомъ спутники, игралъ свою роль довольно удачно. Подобравъ еще на дворѣ свою привязную косу за спинку кресла, чтобы она какъ нибудь не оказалась висящею позади его и не соблазнила бы кого нибудь дерзнуть коснуться, или еще хуже, прямо дернуть [1]), я заранѣе принялъ то неподвижно-каменное выраженіе лица, которое уже прежде успѣлъ достаточно изъучить у Китайскихъ чиновниковъ Шанхая. Въ правой рукѣ былъ вѣеръ, въ лѣвой вѣтвь цвѣтущаго мѣстнаго растенія. (Было извѣстно, что я ученый—врачъ собирающій цѣлебныя травы). За мною слѣдовали носилки остальныхъ членовъ экспедиціи; сзади и по бокамъ шли старшіе полицейскіе, одѣтые какъ выше упомянуто, и наши охранители: солдаты и низшіе полицейскіе въ ихъ сѣрыхъ коленкоровыхъ кофтахъ, обшитыхъ краснымъ, съ бѣлыми овальными и четыреугольными, испещренными письменами, знаками, на спинѣ и груди.

Въ такомъ порядкѣ двинулись мы по узкимъ, какъ всегда въ Китаѣ, вымощеннымъ каменными плитами, крытымъ, состоящимъ изъ двойнаго ряда лавокъ, улицамъ города. Буквально все населеніе сопровождало и окружало насъ при полномъ соблюденіи тишины и порядка, тѣмъ болѣе достойномъ величайшей похвалы, что гражданамъ Линджау очень не легко обходилось, проявленіе такого самообладанія, въ виду буквально пожиравшаго ихъ любопытства: убѣдиться въ силѣ, послѣдняго было легко и безъ всякаго знанія языка, по одному выраженію лицъ тѣснившихся вокругъ насъ гражданъ Линджау.

---

1) Дернуть за косу, хотя бы и слегка, почитается въ Китаѣ величайшимъ оскорбленіемъ—прямо безчестіемъ, требующимъ серьезнаго возмездія.

Шествіе наше поневолѣ двигалось очень медленно. Откинувшись на спинку своего кресла и дѣлая едва замѣтныя боковыя движенія сложеннымъ вѣеромъ, я, наблюдая окружающую крайне интересную обстановку, долженъ былъ въ тоже время вполнѣ сохранять наружное безстрастіе и окаменѣлую неподвижность лица, слѣдя постоянно однакоже, что бы какой нибудь увлеченный неудержимымъ любопытствомъ юнный сынъ Небесной-Имперіи не дерзнулъ на ходу, при неизбѣжныхъ остановкахъ, пощупать мое платье, что иногда случалось: тогда, едва замѣтнымъ движеніемъ вѣтра я отстранялъ любопытнаго. Мгновенно послѣ такого движенія одинъ изъ двухъ шедшихъ по бокамъ моего кресла полицейскихъ награждалъ его добрымъ ударомъ своей бамбуковой палки, послѣ чего не въ мѣру любознательный изслѣдователь быстро нырялъ въ толпу. Такъ странствовали мы по улицамъ и небольшимъ площадямъ, или точнѣе проходамъ между строеніями города Линджау. Кромѣ чайной фабрики, о которой рѣчь впереди, мы осмотрѣли 7-ми этажную (какъ обыкновенно) пагоду за рѣкою Тай-хо, перейденную по понтонному мосту, видѣли издали стоящую отдѣльно отъ другихъ вершинъ священную гору Ли-шань [1]) и посѣтили одинъ изъ замѣчательныхъ своею древностью и обширными размѣрами храмовъ города. У входныхъ дверей его красавалась пара изваяній фантастически-чудовищныхъ полосатыхъ тигровъ. Послѣдній считается въ Китаѣ священнымъ животнымъ; онъ играетъ также большую роль въ ихъ медицинѣ. Едва ли не всѣ части тѣла и внутренніе органы тигра являются вѣрнѣйшими средствами противъ самыхъ различныхъ болѣзней, съ точки зрѣнія Китайской терапіи конечно. Да и не въ одномъ только цѣлительномъ отношеніи важенъ тигръ; чтобы сдѣлаться напримѣръ отчаянно храбрымъ и совсѣмъ безстрашнымъ, стоитъ только съѣсть кусокъ сердца тигра—эта особенность цѣнится, по преимуществу высоко: Китаецъ, какъ извѣстно, всегда болѣе всего нуждается въ личной храбрости. Пріобрѣтаетъ ли онъ ее такимъ оригинальнымъ способомъ, вопросъ конечно болѣе чѣмъ сомнительный! Для него же это тѣмъ не менѣе непреложная истина, въ которую онъ неуклонно вѣритъ.

Въ храмѣ привлекала къ себѣ вниманіе колоссальная бронзовая, вызолоченная статуя Будды, сидящаго со сложенными на животѣ руками (Будда созерцающій). Черты лица его были гораздо пра-

---

1) Названіе это повидимому общее, для горъ, почитаемыхъ священными: такъ неподалеку отъ города Дзю-дзянъ-фу, иначе Кью-Кіангъ есть своя Лишань, также почитаемая священною.

вильнѣе, чѣмъ это обыкновенно наблюдается въ Китаѣ: онѣ напоминали почти вполнѣ характерный по своей строго опредѣленной чистотѣ типъ Будды Цейлона, этого центра чистаго Буддизма. По обѣимъ сторонамъ Будды находились также очень большія, около 5 метровъ, изванія двухъ боговъ: мира, благополучія и войны. Оба были однакоже значительно ниже: первый имѣлъ Китайскія черты лица, бѣлое лицо и руки, второй — богъ войны отличался ярко-синимъ цвѣтомъ лица и рукъ (Посинѣлъ отъ злости) и большими далеко выдающимися изо рта верхними клыками, напоминающими клыки тигра. Вся наружность его была чудовищная. Интересно было также тройственное божество, головы плечи и шеи котораго срослись, тогда, какъ руки и ноги были у каждаго свои. Туловища имѣли положеніе сидящей на стулѣ фигуры съ колѣнами, согнутыми подъ прямымъ угломъ. Была-ли это аналогія съ Индійскою тройцею: Тримуритъ. Возможно, потому что черты лица напоминали Арійскій, а не Монгольскій типъ.

Сопровождавшіе насъ по храму жрецы, получившіе конечно надлежащую плату, обнаруживали очень мало уваженія къ своимъ святынямъ. Одинъ изъ нихъ, указывая на выдающійся животъ Будды, высоко поднявъ вверхъ руку, щелкнулъ по немъ нѣсколько разъ пальцами и затѣмъ, обращаясь къ намъ, захохоталъ: выяснилось, черезъ переводчика, что служитель великаго Саккія-муни хотѣлъ пояснить этимъ яко-бы «Будда наѣлъ себѣ животъ вопреки посту и воздержанію. которые были для него обязательны».

Перейдемъ теперь къ фабричному производству чернаго чая Провинціи Дзянь-си, въ качествѣ лучшаго первосборнаго товара, отправляемаго изъ Ханькоу въ Россію и Англію. Большія фабрики У-нина и Линджау, которыя мнѣ удалось осмотрѣть, считаются лучшими на чайномъ рынкѣ Ханкоу по высокимъ качествамъ доставляемаго ими товара. Первая изъ нихъ, принадлежащая купцу города У-нина, Чэнъ-шэнъ-ань имѣетъ 300 человѣкъ рабочихъ, исключительно мужчинъ. Жилая часть дома владѣльца связана съ помѣщеніемъ фабрики крытымъ и со всѣхъ сторонъ замкнутымъ (какъ это вообще здѣсь наблюдается) дворомъ. Посрединѣ крыши этого обширнаго двора, находится относительно небольшое продолговато-четыреугольное отверстіе для доступа свѣта и кстати воздуха, о чемъ заботятся впрочемъ въ Китаѣ всего менѣе. По срединѣ двора выстланная каменными плитами, помойная яма; дальше открытыя

отхожія мѣста, а въ глубинѣ фабричныя помѣщенія, гдѣ совершается обработка чайнаго листа и превращеніе его въ продажный товаръ. Хозяинъ весьма любезно и строго систематически показалъ намъ всѣ фазы своего производства. Въ большихъ плетеныхъ изъ бамбука корзинахъ были на лицо, принесенные въ этотъ-же день съ плантацій запасы совершенно свѣжихъ еще чайныхъ листьевъ, сорванныхъ вмѣстѣ съ верхушками несущихъ ихъ травянистыхъ, только что распустившихся весеннихъ побѣговъ. Каждая верхушка такой вѣтви имѣла отъ двухъ до четырехъ молодыхъ, нѣжныхъ, ярко-свѣтлозеленыхъ, сильно блестящихъ, какъ-бы лакированныхъ, листочковъ. Верхушечный, самый молодой, листочекъ былъ еще туго свернутъ и казался сплошь серебристо-сѣрымъ, вслѣдствіе присутствія многочисленныхъ, бѣловато-шелковистыхъ волосковъ (Бѣлый-пушекъ: Бай-хао), обильно покрывавшихъ его нижнюю поверхность. Такимъ-же сѣрымъ представлялся, по тѣмъ-же причинамъ, и второй еще завернутый краями внутрь листокъ, тогда какъ третій и четвертый, листы, уже вполнѣ плоскіе, блистали своими гладкими, ярко-зелеными верхними сторонами [1]).

Собранный свѣжій листъ подвергается немедленному провяливанію. Процессъ этотъ совершается путемъ подогрѣванія въ плетеныхъ бамбуковыхъ корзинахъ, на горизонтальныхъ менѣе чѣмъ въ половину высоты человѣческаго роста кирпичныхъ, обмазанныхъ глиною, печахъ. Такая печь имѣетъ форму продолговатаго четыреугольнаго сундука. Верхняя стѣнка печи состоитъ изъ чугунной плиты съ 2—4 или 5 круглыми отверстіями; соотвѣтственно каждому изъ нихъ въ боковой стѣнкѣ печи устроена топка, причемъ очагъ помѣщается достаточно далеко отъ плиты, чтобы жаръ пламени не былъ особенно силенъ. Печь топится очень осторожно. Тщательно избѣгаютъ дыма дрова или уголь кладутъ понемногу, сосновыя, или вообще хвойныя дрова не допускаются ни въ какомъ случаѣ. Когда печь достаточно нагрѣлась въ отверстія верхней плиты ея вставляются корзины со свѣжимъ листомъ и нагрѣваніе послѣдняго производится, при помѣшиваніи рукою, которая въ то же время регулируетъ ощущеніемъ и надлежащую степень жара. Для достиженія надлежащей степени провяливанія обыкно-

1) H. Semler въ его извѣстной книгѣ: Die tropische Agrikultur, I. Band, 1886. Wismar, говоритъ, что каждый листокъ отрывается отдѣльно, такъ какъ, несущая ихъ, вѣтвь «muss.... vollständig zurückbleiben» S. 448. Никогда не видалъ я, въ Провинціи Дзянь-си, чего либо подобнаго: всегда и во всѣхъ случаяхъ первые 2—4 молодые листа отрывались вмѣстѣ съ несущимъ ихъ побѣгомъ.

венно достаточно получаса; по истеченіи этого времени листъ уже совершенно теряетъ свою первоначальную упругость: сжатый въ комокъ, онъ сохраняетъ такое положеніе послѣ того какъ будетъ выпущенъ захватившею его рукою. Теперь приступаютъ, къ свертк ѣ его. Съ этою цѣлью провяленный листъ высыпается на четыреугольные доски, имѣющія едва приподнятые края. Рабочій беретъ провяленный листъ, кладетъ его на эту доску, собирая въ кучу такое количество послѣдняго, какое можетъ захватить руками и начинаетъ катать и мѣсить листья какъ комъ тѣста, причемъ изъ послѣднихъ выдѣляется понятно извѣстное количество уже знакомаго «чайнаго сока» конечно въ размѣрахъ гораздо меньшихъ чѣмъ при скатываніи листа ногами, какъ это дѣлаютъ крестьяне. Вскорѣ влажный листъ оказывается скатанымъ вдоль, причемъ бо̀льшая часть отдѣльныхъ листьевъ отрывается, отъ несущей ихъ травянистой верхушки вѣтви.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда листъ оказывается скатаннымъ недостаточно, а это бываетъ нерѣдко, его снова нагрѣваютъ очень осторожно и недолго на голомъ огнѣ, на тѣхъ-же печахъ, но уже не въ бамбуковыхъ корзинахъ, какъ въ первый разъ, а въ неглубокихъ чугунныхъ чашахъ, вставляемыхъ въ отверстія верхней стѣнки (плиты) печи. Послѣ такого повторнаго и усиленнаго провяливанія листъ скатывается легко и хорошо.

Броженіе, или такъ называемое представителями нашихъ чайныхъ фирмъ въ Ханькоу «замариваніе» свернутаго листа происходитъ въ очень плоскихъ бамбуковыхъ корзинахъ, не долѣе какъ въ теченіи одного часа времени; толщина слоя положеннаго въ нихъ листа не должна превосходить при этомъ 2—3 центиметровъ. Освобождающаяся скрытая теплота задерживается хлопчатобумажною тканью, которою прикрывается на все это время подвергающійся броженію листъ.

Провяливаніе, скатываніе и броженіе свѣже-собраннаго листа производилось въ Линджау, на большой чайной фабрикѣ (400 рабочихъ) купца Симъ-ха-нонъ совершенно также какъ и у Чэнъ-шэнь-ань въ городѣ У-нинъ. Тоже самое можно сказать и относительно сушенія, непосредственно слѣдующаго за броженіемъ. Просѣиваніе, смѣшеніе и упаковка чая на фабрикахъ названныхъ городовъ оказались также вполнѣ тождественными.

Сушка чая, обыкновенно, и конечно неправильно, называе-

мая поджариваніемъ, совершается на голомъ огнѣ [1]) такихъ же горизонтальныхъ печей, съ которыми мы уже знакомы и при соблюденіи тѣхъ же предосторожностей: устраненія сосновыхъ дровъ или угля, дыма и слишкомъ большой силы пламени, могущей вызвать пригораніе чая. При сушкѣ послѣдняго, въ отверстія плиты, вставляются плетеныя бамбуковыя корзины безъ дна. Корзины эти имѣютъ форму усѣченныхъ параллельно основанію конусовъ, вставляемыхъ узкимъ отверстіемъ ихъ въ дыры чугунной плиты, преставляющей собою верхнюю стѣнку печи, имѣющей обыкновенно два, рѣже три отверстія. Печи эти, слѣдовательно, короче тѣхъ, которыя служатъ для провяливанія листа: тамъ въ плитѣ бываетъ всего чаще три—пять отверстій, но и у печей для сушки каждому отверстію плиты соотвѣтствуетъ своя топка. Послѣ того какъ названные корзины безъ дна вставлены въ отверстіе печи, въ нихъ плотно вдвигаются въ свою очередь другія, также плетеныя изъ бамбука, полусферическія корзины, обращенныя дномъ вверхъ, такимъ образомъ что свободный край ихъ отстоитъ на 40—50 центиметровъ отъ нижняго края, вставленной въ печь первой, лишенной дна, корзины. Такимъ образомъ та и другая, при этихъ условіяхъ являютъ изъ себя одно общее цѣлое, при чемъ вторая корзина, по отношенію къ первой играетъ роль вставнаго выпуклаго дна, стоящаго приблизительно на половинѣ высоты первой, бездонной корзины. Перебродившій листъ высыпается тонкимъ слоемъ для сушки на такое вставное дно, выпуклая поверхность котораго представляетъ естественно площадь бо́льшую, чѣмъ она могла бы быть при днѣ плоскомъ. Отсутствіе металла замѣняемаго пластинками бамбука, изъ которыхъ сплетены корзины, предохраняетъ въ свою очередь листъ отъ крайне вредящаго достоинству чая пригоранія. Сушка на маломъ огнѣ, при помѣшиваніи рукою рабочаго, контролирующею въ то же время и степень жара, продолжается около получаса; вообще она опредѣляется практическимъ навыкомъ рабочаго, что очень важно [2]). Правильно высушенный чай долженъ быть

1) Поджариваніе есть конечно и начало пригоранія, послѣдняго же, по справедливости, очень боятся въ чайномъ производствѣ: и пригорѣлый товаръ теряя ароматъ, получаетъ еще и особый непріятный вкусъ.

2) Semler (l. c. p 452) говоритъ о другаго рода открытыхъ корзинахъ, съ перехватомъ посрединѣ, (онъ сравниваетъ ихъ съ женскимъ корсетомъ)- выклееныхъ внутри бумагою и снабженныхъ на мѣстѣ съуженія двумя перекрещивающимися проволоками, на которыя ставятся сита съ высушиваемымъ листомъ. На страницѣ 532, Fig. 86, онъ даетъ и соотвѣтственное изображеніе. Ничего подобнаго мнѣ видѣть въ У-нинѣ и Ланджау не приходилось. Въ свою очередь Semler не обозначаетъ, гдѣ именно производится сушка чая описываемымъ имъ способомъ.

черенъ и хрупокъ. Тогда онъ годенъ къ просѣиванію, которое совершается помощью ситъ. Дно послѣднихъ состоитъ изъ бамбуковаго плетенія съ петлями послѣдовательно, меньшей величины. Кстати будетъ упомятуть при этомъ, что купленный у мелкихъ собственниковъ чай также просушивается и просѣивается здѣсь еще разъ прежде окончательной сортировки его для продажи большими партіями самою фабрикою.

Просѣиваніе вполнѣ высушеннаго чая происходило при постоянномъ помѣшиваніи рукою, путемъ послѣдовательнаго пропусканія его черезъ 8 бамбуковыхъ ситъ, начиная сѣтью наиболѣе крупною и переходя за тѣмъ къ NN все болѣе и болѣе мелкимъ. Дальнѣйшая очистка просѣяннаго чая совершалась при помощи деревянной вѣялки. Приводъ ея движется руками рабочихъ. Очищенный отъ постороннихъ, случайныхъ, примѣсей чай, силою дѣйствующаго механизма, попадаетъ въ деревянную, снабженную щелью, воронку. Чрезъ эту щель очищенный чай сыплется, при посредствѣ наклонной деревянной плоскости, въ подставленную бамбуковую корзину. Очищенный такимъ образомъ чай подвергается затѣмъ еще одинъ разъ окончательному просѣиванію слѣдующимъ способомъ: На цѣльномъ бамбуковомъ, горизонтально укрѣпленномъ, стволѣ виситъ рядъ, привязанныхъ помощью бичевокъ, за одинъ край небольшихъ плоскихъ бамбуковыхъ ситъ. У каждаго изъ нихъ рабочій. Беря рукою за противуположный привязанному край сита и придавая послѣднему горизонтальное положеніе, рабочій насыпаетъ другою рукою прошедшій черезъ вѣялку чай и сотрясаетъ сито надъ подставленною корзиною; чай просѣивается сообразно мелкости петлей сита и такимъ образомъ достигается его окончательная сортировка.

Чѣмъ крупнѣе и грубѣе частицы приготовленнаго чая, тѣмъ дешевле онъ считается. Отломанные черешки крупныхъ старыхъ листьевъ и верхушекъ вѣтвей даютъ самый низшій сортъ товара, отбираемый отдѣльно и пускаемый въ продажу, только для потребностей мѣстнаго населенія. Такой продуктъ называемый нашими чайными агентами «корешками» [1]), случалось покупать мнѣ по ничтожной цѣнѣ даже и въ самомъ Шанхаѣ, въ Китай-

1) Да простятъ имъ это невозможное названіе ботаники!

скихъ чайныхъ лавкахъ, а тамъ все дорого, особенно для не Китайца [1]).

Смѣшеніе готоваго чая, для полученія принятыхъ Китайцами, предназначаемыхъ къ вывозу товара сортовъ, совершается на фабрикахъ такъ: въ особое помѣщеніе, находящееся во второмъ этажѣ приносится въ бамбуковыхъ корзинахъ различный по мелкости и достоинству чай. Въ комнатѣ устроенъ открытый люкъ; подъ нимъ, въ первомъ этажѣ, разостланы чистыя, тонкія бамбуковыя цѣновки. Опредѣленныя количества 2, 3 или даже 4 сортовъ чая ссыпаются на послѣднія черезъ люкъ, при чемъ находящійся внизу рабочій постоянно и тщательно размѣшиваетъ всю кучу руками: Столбомъ поднимающаяся при этомъ пыль сильно раздражаетъ глаза и дыхательные пути, вызывая кашель и слезотеченіе. Пыль эта, какъ показываетъ микроскопъ, состоитъ почти исключительно изъ волосковъ листа и сравнительно ничтожнаго лишь количества его обломковъ: въ видѣ мельчайшихъ частицъ. Эти чайные волоски особенно вредны для глазъ рабочихъ: своимъ крайнимъ раздраженіемъ ихъ они вызываютъ послѣдовательно заболѣваніе соединительной оболочки глаза и роговицы (Cornea), что при помощи невозможной народной медицины (научной въ Китаѣ нѣтъ) ведетъ къ слѣпотѣ чаще, чѣмъ можно бы было думать a priori.

Чайныя высѣвки, т. е. сѣрые волоски и мелкіе обломки листа, называются «Ху-сянь» или «Хуа-сянь». Это такъ называемая чайная пыль, «Дэстъ» (Dust), продаваемая по дешевымъ цѣнамъ въ Кью-Кіангъ и Ханькоу на заводы, выдѣлывающіе чай кирпичный. Часть этого продукта идетъ также и прямо въ Лондонъ, на химическія фабрики, занимающіяся производствомъ кофеина.

Упаковка готоваго хорошо высушеннаго чая, предназначаемаго къ вывозу производиться весьма тщательно въ хлопчатобумажные и полотняные мѣшки или, примѣнительно къ сортамъ болѣе высокимъ, въ неодинаковой величины ящики изъ дерева Фынъ-джу (Liquidambar Formosana), выложенные внутри получаемымъ изъ Англіи листовымъ свинцомъ или оловомъ (Staniol) чаще первымъ. Металлическая оболочка эта въ свою очередь об-

1) Цѣна такого чая въ Шанхаѣ 1—3 цѣнта за англійскій фунтъ. Центъ представляетъ собою 1/100 мексиканскаго доллара, равняющагося нашему 1 р. 50 к. Что же онъ стоитъ Китайцу? Понятно само собою, что чай этотъ, будучи приготовленнымъ, являетъ собою едва желтоватую жидкость безъ вкуса и запаха. Его пили часто и наши носильщики.

клеивается снаружи бумагою, которая приходится слѣдовательно между деревомъ и свинцомъ. Деревянный ящикъ покрывается масляною краскою и нерѣдко расписывается разноцвѣтными фантастическими бабочками и цвѣтками [1]) по одному разъ на всегда принятому шаблону. Въ Линджау мнѣ пришлось убѣдиться въ этомъ на дѣлѣ. На дворѣ фабрики, передъ небольшими столами, сидѣло 6 художниковъ; у каждаго изъ нихъ, на своеобразной небольшой палитрѣ, была одна только краска: синяя, красная, зеленая, желтая, розовая и бѣлая. Каждый «живописецъ», держа вертикально кисть между первыми тремя вытянутыми, несогнутыми пальцами руки, слѣдовательно въ положеніи съ нашей точки зрѣнія совершенно невозможномъ для рисованія или писанія, усердно выводилъ только своею краскою опредѣленныя отдѣльные участки на всемъ ящикѣ, послѣ чего ящикъ этотъ поступалъ ко второму, третьему и такъ далѣе до конца, художнику. Послѣдній изъ нихъ, окончивъ свое дѣло, отставлялъ въ сторону ящикъ уже покрытый пестрыми, невозможными, но на всѣхъ ящикахъ совершенно одинаковыми бабочками и цвѣтками. Это ли не искусство: вѣдь о трафаретѣ здѣсь не было и помину!

Сорта черного чая. Безчисленное и совершенно произвольное количество названій сортовъ Китайскаго чая, съ которыми мы встрѣчаемся въ соотвѣтственной литературѣ и въ житейской практикѣ, т. е. въ чайныхъ магазинахъ, всего менѣе основано на допущеніи таковыхъ Китайцами. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, я, какъ и всегда, говорю лишь о томъ, что удалось наблюдать и узнать на мѣстѣ, самому лично. Въ Провинціи Дзянь-си торговцы-Китайцы между лучшими, первосборными (весенними) чаями различаютъ только два сорта: I. Уже не разъ упомянутый Бай-хао, что значитъ «бѣлый пушекъ или рѣсничка», состоящій изъ листочковъ еще неразвернувшихся и обильно покрытыхъ своими сѣровато-шелковистыми волосками. Сортъ этотъ соотвѣтствуетъ (будучи несравненно выше по аромату и тонкому вкусу) Цейлонскому Broking Pekoё и въ особенности Яванскому Blanco-Pekoё, къ которому по своимъ достоинствамъ онъ подходитъ ближе, чѣмъ къ первому.

1) Насколько всякій Японецъ-художникъ, совсѣмъ не знакомый даже съ естественными науками, педантически точно фотографируетъ, такъ сказать, изображаемыхъ имъ животныхъ и растенія, настолько Китаецъ не можетъ не исказить ихъ по своему, разъ навсегда установленному, шаблону. Въ дѣлѣ передачи образцевъ и явленій природы Китаецъ способенъ лишь къ одному ея изуродованію.

II. «Хунъ-ца» (Chun-za), что значитъ красный (Хунъ) чай (Za), называемый также и Ву-лунъ (Wu-lun) [1]). Сортъ этотъ состоитъ изъ листьевъ вполнѣ развернувшихся и соотвѣтствуетъ типу Pekoë-Suschong и Suschong Цейлона, уступая ему въ крѣпости настоя и значительно превосходя ароматомъ и отсутствіемъ вяжущаго, горьковатаго вкуса, типичнаго даже и для лучшихъ сортовъ чая Цейлонскаго. Сухой товаръ часто имѣетъ красноватый оттѣнокъ (Подобно Orange-Pekoë Цейлона и Явы, откуда и названіе: Хунъ-ца: Чай красный. Какъ раздѣляютъ на сорта Китайцы свой чай 2-го,. 3-го и (когда это случается) 4-го сборовъ, мнѣ неизвѣстно и свѣдѣній на мѣстѣ я объ этомъ собрать не могъ.

Теперь будетъ своевременно остановится нѣсколько также на превратныхъ представленіяхъ, весьма распространенныхъ въ обществѣ относительно такъ называемаго Чая цвѣточнаго, и на вопросѣ объ искусственной ароматизаціи чая посредствомъ цвѣтковъ тѣхъ или другихъ душистыхъ растеній. Есть много на свѣтѣ наивныхъ душъ, для которыхъ представленіе о цвѣточномъ чаѣ неразрывно связано съ идеею примѣси къ нему самихъ цвѣтковъ чая. Какая нужда въ томъ, что цвѣтки чая имѣютъ сами по себѣ чрезвычайно слабый запахъ, безслѣдно исчезающій вдобавокъ даже при очень осторожномъ высушиваніи — вѣдь наивныя души прежде всего съ такимъ фактомъ совсѣмъ незнакомы!

Затѣмъ люди менѣе наивные полагаютъ, что ароматъ цвѣточнаго чая обусловливается примѣсью къ нему постороннихъ цвѣтковъ извѣстныхъ душистыхъ растеній. И тѣ, и другіе неправы: цвѣточнымъ чаемъ, какъ и желтымъ, называется чай, состоящій исключительно изъ еще совершенно неразвернувшихся, или только что начинающихъ развертываться верхушечныхъ листовыхъ почекъ, имѣющихъ развить изъ себя весенніе побѣги: и тотъ, и другой не принадлежатъ къ типу чая чернаго: никогда не подвергаются ни свертке. (Собственно здѣсь и свертывать нечего· листъ еще не развернулся), ни броженію. Вся разница между цвѣточнымъ и желтымъ чаемъ, какъ уже было упомянуто выше, состоитъ въ томъ, что цвѣточный сушится всегда при доступѣ

1) Лунъ — значитъ драконъ: фантастическое, страшное и въ тоже время священное животное. Государственный флагъ Китая: черный драконъ, извивающійся на ярко желтомъ полѣ.

свѣта [1]): на солнцѣ, иногда и на огнѣ, чай желтый — постоянно въ тѣни, никогда не на солнцѣ.

Ни въ цвѣточномъ, ни въ желтомъ чаѣ, никогда не случалось мнѣ наблюдать примѣси какихъ-либо посторонних душистыхъ цвѣтковъ. Какъ извѣстно очень много пишутъ и разсказываютъ о прибавленіи въ Китаѣ къ чаямъ высшихъ, между прочимъ и черныхъ сортовъ цвѣтковъ извѣстныхъ душистыхъ растеній, съ цѣлью усиленія въ нихъ аромата; таковыми называютъ: Aglaia odorata Loureira (Meliaceae), Osmanthus (Olea L.) fragrans Loureiro (Oleaceae), Chloranthus inconspicuus Sw. (Chloranthaceae), Gardenia florida L. (Rubiaceae), Jasminum Sambac Ait. (Oleaceae) и пр. Цвѣтки эти, якобы, примѣшиваются на нѣкоторое время къ готовому чаю и, пробывъ съ нимъ въ соприкосновеніи извѣстный срокъ, удаляются отсѣваніемъ. Ничего подобнаго въ Провинціи Дзянь-си, ни на Китайскихъ чайныхъ фабрикахъ, ни при отправкѣ чая изъ Кью-Кіанга и Ханькоу въ Россію или Англію не дѣлается, какъ я въ этомъ могъ вполнѣ убѣдиться.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что при изготовленіи особыхъ высшихъ сортовъ, такъ называемаго, «Чая для подарковъ» въ иныхъ случаяхъ на дно затѣйливо расписаннаго ящика насыпаются нерѣдко, слоемъ очень толстымъ, цвѣтки Osmanthus fragrans или (повидимому чаще) Aglaia odorata. Таковъ былъ весьма дорогой чай, вывезенный изъ Кантона, который мнѣ пришлось наблюдать: это былъ очень высокаго сорта зеленый чай, состоящій изъ весьма крупныхъ (центиметровъ въ 6 длины) но очень молодыхъ и тонкихъ не свернутыхъ положенныхъ одинъ на другой (около 20—25 въ пучкѣ) и перевязанныхъ разноцвѣтными шелковыми нитками листьевъ. На днѣ деревяннаго выложеннаго свинцомъ и затѣйливо расписаннаго ящика были насыпаны толстымъ, въ два поперечныхъ пальца, слоемъ мелкіе цвѣтки Aglaia odorata, уже совершенно побурѣвшіе, хотя еще сохранявшіе свой ароматъ, но вѣдь это былъ зеленый, а не черный чай! Повторяю, я никогда не видалъ и, при тщательныхъ разспросахъ на мѣстѣ въ У-нинѣ, Линджау, Кью-Кіангѣ и Ханькоу, ни отъ кого не слыхалъ о прибавленіи къ черному чаю какихъ-либо посторонних душистыхъ цвѣтковъ.

---

1) Отъ дѣйствія солнца увеличевается ароматъ чая при сушкѣ его: фактъ этотъ пришлось мнѣ наблюдать на фабрикѣ Чэнъ-шэнъ-ань: изъ двухъ сортовъ свѣже приготовленнаго Baï-chao, высушенныхъ на солнцѣ и въ тѣни ...рвый имѣетъ болѣе тонкій ароматъ и вкусъ, чѣмъ второй.

Иное дѣло при питьѣ чая. Выше была уже рѣчь о примѣсяхъ, которыя я наблюдалъ во время нашей экспедиціи, при изготовленіи чая на постоялыхъ дворахъ для носильщиковъ. Тоже самое происходитъ и въ лучшихъ «чайныхъ домахъ», т е. Китайскихъ ресторанахъ Шанхая; конечно здѣсь и чай и примѣси къ нему иные. Вообще чайные дома заслуживаютъ во многомъ отношеніи немалаго вниманія по той роли, которую они играютъ въ общественной жизни Китайца, но объ нихъ позже и въ другомъ мѣстѣ; это слишкомъ увлекло бы насъ за предѣлы настоящей программы. Въ Китаѣ у бѣдныхъ и богатыхъ чай для питья готовится одинаково. Мы уже знаемъ какъ пьютъ его носильщики, посмотримъ теперь какъ это дѣлается въ первокласныхъ чайныхъ домахъ Шанхая. Тамъ не даютъ по желанію черный или зеленый чай высокаго качества. Меня естественно интересовалъ болѣе первый. Обыкновенно это прекрасный «Бай-хао». Вы садитесь за отдѣльный столикъ общей залы. Китаецъ служитель дома подаетъ подносъ, на которомъ стоятъ двѣ бѣлыя фарфоровыя чайныя чашки безъ ручекъ, прикрытыя сверху крышечками, играющими и роль блюдечекъ и такой-же чайникъ съ кипяткомъ, по формѣ весьма близкій къ нашимъ. Въ одной изъ чашекъ положена порція чаю приблизительно около нашей чайной ложки, другая чашка пустая. Поверхъ чая лежатъ 5—10 сухихъ розовыхъ лепестковъ, хорошо сохранившихъ свой ароматъ. (Когда время года позволяетъ вмѣсто сухихъ лепестковъ, какъ я слышалъ, кладутся свѣжіе). Откуда взялись розовые лепестки? Дѣло въ томъ, что во всѣхъ чайныхъ домахъ Шанхая, это общій обычай. На буфетномъ столѣ, гдѣ насыпаются въ чашки порціи чая, подаваемаго посѣтителямъ, стоятъ особыя жестянки съ розовыми лепестками. Китаецъ, идущій подавать чай, беретъ при этомъ, вмѣстѣ съ порціею послѣдняго, изъ такой жестянки нѣсколько лепестковъ, которые и кладетъ въ чашку съ чаемъ. Послѣдній передъ глазами посѣтителя, обливается кипяткомъ, чашка накрывается крышечкою и оставляется, такъ на 3—5 минутъ. Затѣмъ Китаецъ, едва приподнимая одинъ изъ краевъ крышки, переливаетъ настой въ другую чашку, причемъ всѣ листья остаются въ первой и вотъ чай готовъ! Китайцы пьютъ его безъ сахара, но желающимъ подается (какъ уступка иноземнымъ вкусамъ) довольно плохой сахарный песокъ и бисквиты Китайскаго производства, бѣлые и на вкусъ недурные. Когда чай выпитъ, первая, содержащая листья, чашка доливается кипяткомъ до тѣхъ поръ, пока посѣтитель не

потребуетъ новой порціи свѣжаго чая. Все время между публикою ходитъ служитель съ бѣлымъ полотенцемъ отъ котораго валитъ паръ. Полотенце это было только что опущено въ кипятокъ; оно служитъ для освѣженія и прохлажденія: посѣтители очень усердно обтираютъ имъ лицо. Нужно ли говорить насколько обычай этотъ мало соблазняетъ «западныхъ варваровъ» слѣдовать примѣру сыновъ Небесной имперіи, которые вдобавокъ сами и моются то не охотно!

Чай, который я пилъ у представителя Китайской судебной власти, члена, такъ называемаго «смѣшаннаго суда (Mixt court Шанхая, былъ зеленый, отличавшійся тонкимъ ароматомъ и очень блѣднымъ цвѣтомъ настоя. Нужно ли добавлять, что въ чайныхъ домахъ Ханькоу, этомъ центрѣ торговли чернымъ чаемъ, подаютъ чаще послѣдній.

По отношенію умышленныхъ постороннихъ примѣсей къ продажному товару должно отмѣтить, что какъ въ самой Провинціи Дзянъ-си, такъ и въ центрахъ вывозной торговли ея: Ханькоу и Кью-Кіангѣ, изъ личныхъ наблюденій и тщательныхъ разспросовъ компетентныхъ и заслуживающихъ довѣрія лицъ, оказалось, что обыкновенно здѣсь это не наблюдается.

Англійскіе консулы повторно обращали на это вниманіе Китайскаго правительства и требовали пресѣченія подмѣси, иногда въ размѣрахъ очень значительныхъ, къ чаю листьевъ ивы (Salix, [1]) species diversae). Въ Фу-Чао, къ невысокимъ вообще сортамъ чернаго чая, здѣсь выдѣлываемаго (эта мѣстность славится своимъ желтымъ чаемъ), нерѣдко примѣшивается, какъ я слышалъ отъ представителя фирмы Токмакова въ Ханькоу, А. П. Малыгина, сосновая кора. Глубокій знатокъ Китая, не разъ уже упомянутый Dr. Faber, говорилъ мнѣ о частыхъ случаяхъ умышленныхъ подмѣсей въ Провинціи Сэ-Чуанъ и окрестностяхъ Кантона къ чаю листьевъ кустарника Eurya Japonica, Thunberg, принадлежащаго съ послѣднимъ къ одному и тому же семейству Ternstroemiaceae. Внѣшнимъ видомъ и величиною, листья этого близкаго родственника

---

1) Черный чай изъ Фу-Чао дѣйствительно не отличается высокими достоинствами: я лично могъ убѣдиться въ этомъ въ Шанхаѣ, благодаря любезному содѣйствію глубокоуважаемаго командира клиппера «Джигитъ» Константина Петровича Никонова, доставившаго мнѣ возможность испытать чай, пріобрѣтенный имъ въ Фу-Чао изъ первыхъ рукъ ради опыта. Радушное гостепріимство, которымъ я не разъ пользовался на Джигитѣ, навсегда останется неизгладимымъ въ моей благодарной памяти.

чая настолько похожи на Thea Chinensis Simson, что его прямо зовутъ «Дикимъ чаемъ», но подъ микроскопомъ, какъ я въ этомъ лично убѣдился, листъ Eurya Japonica рѣзко отличается отъ листа чая настоящаго отсуствіемъ типическихъ для послѣдняго, такъ называемыхъ, идіобластовъ, т. е. гигантскихъ, неправильно звѣздчатыхъ или развѣтвленно цилиндрическихъ утолщенныхъ клѣтокъ (стэрэидъ) мезоффилла и черешка листа. О подмѣсяхъ листьевъ маслоносной камеліи: Camellia Sasanqua Siebold-Zuccarini, въ Китаѣ мнѣ слышать ни отъ кого не пришлось, не смотря на повторные разспросы въ этомъ направленіи.

Весьма интереснымъ представляется также тотъ фактъ, что въ Провинціи Сэ-Чуанъ къ продажному чаю примѣшиваютъ съ цѣлью придачи ему сладкаго вкуса, молодыя листья и травянистыя верхушки вѣтвей особаго кустарника: Viburnum phlaebotrichum Siebold-Zuccarini (Caprifoliaceae-Sambuceae). Повидимому, при этомъ имѣются въ виду только потребности и вкусы мѣстнаго населенія. Мнѣ ничего не извѣстно по крайней мѣрѣ относительно существованія обычая прибавки этихъ листьевъ къ чаю, предназначаемому для вывоза.

Благодаря научному либерализму и крайней любезности, докторъ Faber великодушно подѣлился со мною своимъ очень небогатымъ въ этомъ отношеніи матеріаломъ и я, на основаніи личнаго опыта, могъ убѣдиться, что листья подаренной имъ мнѣ вѣтви Viburnum phlaebotrichum отличаются, при жеваніи ихъ, очень рѣзко выраженнымъ и стойкимъ сладкимъ вкусомъ. Таковы данныя о примѣсяхъ и подмѣсяхъ чая въ самомъ Китаѣ. Общій выводъ по отношенію къ вывознымъ рынкамъ Ханькоу и Кью-Кіанга, куда поступаетъ чай плантацій Провинціи Дзянь-си, сводится къ тому, что умышленная фальсификація лучшаго первосборнаго черного чая здѣсь обыкновенно не наблюдается совсѣмъ и съ точки зрѣнія обычнаго порядка вещей въ разсчетъ принимаема быть не должна. Осмотромъ чайныхъ фабрикъ городовъ У-нинъ и Линджау исчерпывалась цѣль нашей экспедиціи. Возвращеніе въ Кью-Кіангъ могло быть ускорено утилизаціею рѣки Тай-хо: по ней имѣли мы возможность спуститься въ лодкѣ прямо до У-нина, что и сдѣлали.

Прежде чѣмъ перейти, однакоже, къ описанію достопримѣчательностей нашего возвращенія, считаю нужнымъ остановиться нѣсколько на тѣхъ домашнихъ и дикихъ животныхъ посѣщенной

мною глуби Китая, о которыхъ еще не упоминалось до сихъ поръ. Выше была рѣчь о быкахъ, буйволахъ и свиньяхъ. Мы видѣли, что первые имѣютъ значеніе скота исключительно рабочаго [1]), послѣдніе же считаются лучшимъ лакомствомъ зажиточной части населенія. Бѣднякъ крестьянинъ ѣстъ свинью, быка или буйвола, только въ тѣхъ случаяхъ, когда они гибнутъ отъ случайныхъ болѣзней, слѣдовательно лишь въ качествѣ падали.

Лошади и ослы въ этой части Китая величайшая рѣдкость, по причинѣ весьма понятной: кормить ихъ все-таки надо, а ѣздить, даже и верхомъ, только за исключеніемъ городовъ, буквально негдѣ за неимѣніемъ нетолько дорогъ, но часто и тропинокъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что за все время нашей экспедиціи я видѣлъ въ городахъ У-нинъ и Линджау только двухъ лошадей (оба раза на чайныхъ фабрикахъ) и одного осла, маленькаго, сѣраго и мохнатаго,—однимъ словомъ непривлекательнаго осла, типа,—не говорю уже Египта, или даже южной Италіи,—но средней Европы: во всей его неприглядности. Обѣ видѣнныя мною лошади, были подъ сѣдломъ. И та и другая свѣтлосѣрой масти (одна почти бѣлая), очень небольшаго роста, косматыя, напоминающія своимъ видомъ безобразныхъ пони Сайгона и Кореи, съ которыми я уже прежде ознакомился достаточно въ Коломбо, Сингапурѣ и Сайгонѣ [2]). Лошади эти были взнузданы как ъ вообще въ Китаѣ) простыми уздечками, а не мундштучными удилами. Сѣдла и стремена напоминали общимъ видомъ наши казачьи, съ подушкою поверхъ такъ называемаго ленчика, (т. е. деревяннаго остова сѣдла), но безъ арчака на передней сѣдельной лукѣ. Подъ сѣдломъ бѣлый войлочный потникъ, поверхъ сѣдла синій вальтрапъ изъ грубаго, сукна. Одна очень широкая бѣлая шерстяная подпруга. Нахвостникъ въ видѣ шлеи (какъ у сѣдла ослинаго), нагрудника нѣтъ совсѣмъ. Уздечка украшенная шерстяными кисточками, съ двумя поводьями; третьяго, для привязыванія лошади (чумбуръ нашихъ казаковъ), нѣтъ. Такова была сѣдловка.

Козы—черныя, на высокихъ ногахъ,—встрѣчались рѣдко. Нужно ли говорить, что онѣ были всегда очень тщательно привязаны?

1) Употребленіе молока Китайцамъ этой мѣстности незнакомо совсѣмъ, да откуда и можетъ быть это знакомство, когда рабочая корова или буйволица едва можетъ вскормить лишь собственнаго теленка.

2) На Цейлонѣ лошади лишены способности размножаться и вообще плохо переносятъ жизнь на этомъ островѣ. Крупныя экипажные лошади Цейлона вывезены изъ Австраліи, верховыя изъ Индіи и Афганистана, мелкіе безобразные пони — изъ Кореи. Туземныхъ тамъ совсѣмъ нѣтъ.

Это вытекаетъ само собою изъ условій Китайскаго хозяйства и природныхъ свойствъ козы. Овецъ я не видалъ совсѣмъ.

Собаки большія, съ длинною шерстью, и пушистыми хвостомъ, сѣрыя, рыжія, или желтыя, иногда съ бѣлыми пятнами, всѣмъ своимъ складомъ, прямо стоящими ушами и широкимъ лбомъ, очень напоминали волка. Довершеніемъ сходства служило и отсутствіе въ нихъ наклонности, и даже, какъ мнѣ сначала казалось, самой способности лаять: такъ рѣдко и неохотно предавались они этому, излюбленному нашими псами, занятію; если однакоже неохота лаять увеличивала и безъ того немалое сходство съ волкомъ, то очевидная кротость нрава и загнутый крутымъ кольцемъ на спину хвостъ въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствовали въ свою очередь о несомнѣнной культурности собаки Небесной Имперіи, сохранившей видимый образъ, но не свойства своего дикаго родича. Кошки, которыхъ я встрѣчалъ очень мало, ничѣмъ существенно отъ нашихъ не отличались.

Между домашними птицами внутри страны я видѣлъ только куръ и утокъ, тогда какъ гусей, очень нерѣдкихъ въ окрестностяхъ Шанхая, не встрѣчалъ, быть можетъ случайно, совсѣмъ. Куры рѣзко отличаются, отъ характернаго для Цейлона, Сингапура и Сайгона, такъ называемаго, Малайскаго типа: онѣ напоминаютъ собою всего болѣе Англійскихъ бойцевыхъ, но съ формами болѣе плотными. Пѣтухи, отличаются большими гребнями и подклювными лопастями, а также пышными хвостами. Преобладающій цвѣтъ перьевъ пѣтуховъ красный.

Утки, очень часто съ бѣлыми головами и шеями, замѣчательно некрасивы: несоразмѣрно длинныя и тонкія шеи ихъ переходятъ очень постепенно и какъ бы незамѣтно въ сильно сдавленныя съ боковъ узкія и плоскія головы, которыя почти не шире желтаго клюва. Птица эта считается лакомымъ кушаньемъ и разводится особенно охотно, какъ имѣющая всегда хорошій сбытъ. Лучшимъ украшеніемъ мясной лавки, обыкновенно въ то же время и публичной кухни-харчевни, гдѣ одновременно готовятъ и ѣдятъ приготовленное, является выпотрошенная, зажаренная цѣликомъ, съ головою, утка, какъ весьма сильная приманка уличныхъ гастрономовъ. Утка интересна вдобавокъ для Китайца и въ другомъ отношеніи: кто не читалъ, или по крайней мѣрѣ не слыхалъ объ одномъ изъ крайнихъ извращеній вкуса жителей Небесной Имперіи—объ ихъ пристрастіи къ сгнившимъ въ землѣ утинымъ яйцамъ, какъ тонкомъ лакомствѣ большихъ обѣдовъ? Фактъ

этотъ требуетъ однакоже возстановленія въ истинномъ свѣтѣ. Описываемыя гнилыя яйца являются въ сущности лишь яйцами медленно высохшими, какъ я могъ въ этомъ повторно убѣдиться въ лучшихъ Китайскихъ чайныхъ домахъ (ресторанахъ) Шанхая. Тамъ въ числѣ мѣстныхъ, высоко цѣнимыхъ лакомствъ, какъ то: супа изъ очищенной и превращенной въ кусочки, мелко изрѣзанной студени (сказать кстати) совершенно безвкусныхъ гнѣздъ ласточки-Саланганы [1]), плавниковъ акулъ и высушенныхъ или прокопченныхъ цѣликомъ трепанговъ, неправильно называемыхъ морскими червями [2]), всегда встрѣчаются также и особымъ образомъ приготовленныя утиныя яйца, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь. Яйца эти готовятся такъ: сырыя они обмазываются толстымъ слоемъ гашеной извести и зарываются затѣмъ, отъ 6 мѣсяцевъ до цѣлаго года, въ землю. Вынутыя изъ нея, очищенныя отъ скорлупы и разрѣзанные вдоль пополамъ, по истеченіи надлежащаго срока, яйца эти являются въ числѣ тонкихъ лакомствъ Китайской кухни, но для представителя Европы (нельзя съ этимъ не согласиться) они очень мало привлекательны: бѣлокъ превратился въ упругую, шоколаднобурую, почти роговую массу, которая вязнетъ на зубахъ. Желтокъ, также бурый и едва кое гдѣ лишь желтоватый, является напротивъ очень разсыпчатымъ и совершенно сухимъ. Когда вы съѣдаете эту прелесть, она обнаруживаетъ, правда очень слабый, но во всякомъ случаѣ явственный запахъ сѣроводорода. Послѣ того какъ я посвятилъ около мѣсяца весьма добросовѣстному, хотя и тщетному, жеванію вполнѣ безвкусныхъ ласточьихъ

1) Гнѣздо ласточки саланганы: Collocalia esculenta Gray, C. fucifaga, C. Buonaparte представляетъ собою особаго рода чашечку: выстланную перьями затвердѣвшую слизь. Послѣдняя очень хрупка, и почти безцвѣтна, въ горячей водѣ разбухаетъ. Большинство авторовъ полагаютъ, что матеріаломъ гнѣзда является только эта засохшая слизь слюнныхъ железъ птичекъ, нѣкоторые же допускаютъ, что для постройки гнѣзда употребляется также и размягченныя въ зобу послѣднихъ водоросли своего рода Agar-Agar—вопросъ этотъ вообще можно считать еще открытымъ. Высокая цѣна гнѣздъ обусловливается сопряженнымъ съ опасностью жизни добываніемъ ихъ изъ глуби, заливаемыхъ моремъ пещеръ и гротовъ скалистыхъ побережій Явы и Суматры. Главное мѣсто вывоза на милліоны Голландскихъ гульденовъ этихъ гнѣздъ въ Китай—Батавія, гдѣ я видѣлъ громадные, приготовленные къ нагрузкѣ, склады ихъ. Гнѣзда эти зовутся И (ласточки)—Воо (гнѣздо), (I-Woo).

2) Трепанги—морскія животныя изъ класса Holothurioidea, по преимуществу виды родовъ Stichopus и Bohadrchia (Fam. Aspidochirota). Высушенныя или копченыя, они представляютъ собою также значительный предметъ вывоза въ Китай съ Малайскаго Архипелага. Содержатъ животный клей (Glutinum), а вкусомъ и вязкостью напоминаютъ живо..... сапожную подошву.

гнѣздъ, трепанговъ, плавниковъ акулъ и ѣдѣ такихъ яицъ, я рѣшился спросить у одного изъ Китайцевъ (черезъ переводчика конечно): какой вкусъ находятъ они во всѣхъ этихъ продуктахъ ихъ тонкой кухни, по моему годныхъ на то лишь, чтобы выбросить ихъ вонъ, а никакъ не платить за нихъ относительно большія деньги. Вмѣсто отвѣта послѣдовалъ на это, смягченный конечно условно учтивыми фразами, вопросъ: «Да развѣ западныя чужеземцы (разумѣй: варвары) могутъ, что-нибудь понимать въ истинномъ, т. е. Китайскомъ, вкусѣ всѣхъ этихъ превосходныхъ тонкостей нашей кухни и поваренная искусства»?

Жизнь дикихъ животныхъ Провинціи Дзянь-си, естественно, также очень интересовала меня и естественно также, что въ этомъ отношеніи мнѣ приходилось ограничиваться лишь свѣдѣніями, собранными отъ тѣхъ лицъ, сообщенія которыхъ заслуживали довѣрія. Отъ нихъ узналъ я, что по неприступнымъ, заросшимъ лѣсомъ горнымъ вершинамъ хребта Нань-шань, въ ближайшемъ сосѣдствѣ Линджау, водятся кабаны—добыча постоянно ихъ преслѣдующихъ и сопутствующихъ имъ тигровъ. И тѣ и другіе никогда не спускаются въ густо населенныя и тщательно воздѣланныя горныя долины. Высокій интересъ представляло также сообщеніе, что въ мѣстности Пуци-сянь, лежащей въ Провинціи Ху-бей (500 ли на западъ отъ Линджау) водятся настоящія тарпаны, т. е. лошади несомнѣнно дикія. Къ сожалѣнію большихъ подробностей въ этомъ отношеніи мнѣ узнать не удалось.

Перейдемъ теперь къ нашему возвращенію изъ Линджау въ Кью-Кіангъ. Утромъ 24 Апрѣля должны мы были выступить обратно въ У-нинъ, на этотъ разъ уже въ лодкѣ, внизъ по теченію рѣки Тай-хо. Передъ отъѣздомъ насъ посѣтилъ градоначальникъ, сопровождаемый однимъ изъ чиновниковъ. Любезность эта имѣла и практически-служебныя соображенія: было нехудо убѣдиться лично, что «Ученые и купцы» далекаго запада дѣйствительно собираются покинуть, къ немалому удовольствію начальства, ввѣренный его попеченіямъ благополучный городъ Линджау—и онъ въ этомъ дѣйствительно убѣдился. Затѣмъ хозяинъ осмотрѣнной нами чайной фабрики: Симъ-ха-нонъ прислалъ намъ свои визитныя карточки и подарки, состоявшіе изъ нѣсколькихъ ящиковъ чая и нѣкоторыхъ туземныхъ сластей, болѣе интересныхъ по ихъ своеобразному виду, чѣмъ по вкусу.

Въ носилкахъ, снова снаряженныхъ по походному, пронесли насъ, среди запрудившаго узкія улицы населенія цѣлаго города, къ рѣкѣ и мы тронулись въ путь на двухъ лодкахъ: въ одной были члены экспедиціи, поваръ, кухня и Китайская прислуга, въ другой: носильщики, наши охранители: полицейскіе солдаты, и носилки. Такъ выступили мы изъ Линджау въ $10^{3}/_{4}$ часовъ утра. Лодка наша представляла собою такъ называемый крытый «сампанъ» т. е. средина ея была снабжена низкимъ бамбуковымъ сводомъ, покрытымъ бамбуковыми же цѣновками. Подъ такою низкою крышею можно было только сидѣть или лежать! На носу помѣщался, работавшій двумя веслами лодочникъ, на кормѣ другой; здѣсь же была и переносная печь-жаровня, замѣнявшая собою кухонный очагъ. Въ этой лодкѣ провели мы цѣлый день и ночь на 25 Апрѣля и первую половину дня послѣдняго, при холодной и пасмурной погодѣ (11° Reaumur'a), наступившей вслѣдъ за сильною грозою вчерашняго дня, которой предшествовалъ жаркій (19° R.) и ясный солнечный день. Вода въ рѣкѣ прибыла очень сильно вслѣдствіе дождя и получила, даже процѣженная (фильтровать мы ее конечно не могли), цвѣтъ кофе со сливками; и на такой водѣ готовили намъ обѣдъ и заваривали чай!

Позже полудня прибыли мы въ У-нинъ и остановились у стараго знакомаго: Чэнъ-шень-ань, владѣльца той самой чайной фабрики, которую мы осматривали на пути въ Линджау. Не смотря на постоянный дождь и продолжавшійся холодъ, массы рабочихъ наполняли большой дворъ фабрики, ворота которой были предусмотрительно заперты по приказанію хозяина. Прежде всего рабочіе прорвали пальцами бумагу, замѣнявшую стекла въ окнахъ; затѣмъ подняли между собою, все болѣе и болѣе возраставшій, шумъ и крикъ—результатъ пререканій и несогласій любопытныхъ, мѣшавшихъ другъ другу въ осуществленіи возможности, хотя бы на мгновеніе, заглянуть буквально «однимъ глазомъ» въ заманчивое отверстіе—результатъ личнаго усердія, плодами котораго мѣшали пользовать наглые сосѣди. Шуму и крикамъ этимъ предстояло продолжаться, какъ оказалось впослѣдствіи, непрерывно вплоть до сумерокъ. Послѣ обѣда, часа въ три пополудни, градоначальникъ прислалъ намъ свои визитныя карточки и подарки вмѣстѣ съ заявленіемъ, что онъ желаетъ посѣтить насъ. «Дабы лично насладиться лицезрѣніями и мудрою бесѣдою именитыхъ иностранныхъ ученыхъ и купцовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выразить имъ свое глубочайшее сожалѣніе о прискорбномъ безпокойствѣ, причиненномъ

знатнымъ иностранцамъ буйствомъ невѣжественныхъ жителей мѣстечка Ванъ-линъ, позволившихъ себѣ впрочемъ такую неслыханную дерзость, единственно вслѣдствіе ихъ крайняго, непросвѣщеннаго образованіемъ любопытства». — Мы конечно отвѣтили, что будемъ, въ свою очередь, очень польщены возможностью лицезрѣнія мудраго градоначальника.

Присланные послѣднимъ (въ отвѣтъ на предшествовавшіе наши), подарки состояли: изъ окорока ветчины, четверти свиной туши, 4-хъ живыхъ пѣтуховъ и 4-хъ живыхъ утокъ, двухъ большихъ (около 1/2 метра) копченыхъ рыбъ и сухихъ плодовъ: Цзаоръ, извѣстныхъ у живущихъ въ срединной Имперіи Европейцевъ подъ неправильнымъ названіемъ «Китайскихъ финиковъ». Послѣднихъ въ Китаѣ, какъ извѣстно, нѣтъ совсѣмъ. Цзаоръ—есть ничто иное какъ лишенные наружной кожистой оболочки высушенные, цилиндрическіе плоды особаго кустарника Zizyphus vulgaris Lam. (Rhamnaceae), состоящіе изъ краснобуроватой сладкой мякоти (Sarcocarpium), заключающей въ себѣ твердую плодовую косточку: Endocarpium, и находящееся внутри послѣдняго сѣмя [1]).

Посылая намъ все это, градоначальникъ слѣдовалъ общепринятому этикету, не опасаясь за свои интересы: онъ зналъ хорошо, что его же подчиненные научатъ «западныхъ варваровъ» какъ имъ должно въ этомъ случаѣ поступить — и насъ научили. Все присланное, за исключеніемъ двухъ копченныхъ рыбъ и плодовъ цзаоръ, послали мы назадъ съ такого рода заявленіемъ. «Глубоко тронутыя вниманіемъ градоначальника, мы по счастью не нуждаемся во всѣхъ подаркахъ, намъ присланныхъ. Удерживая необходимое: рыбу и плоды, мы возвращаемъ съ благодарностью остальное, посланному же его мы, въ знакъ особаго уваженія къ приславшему, дали, въ награду за труды 2000 чохъ. Это требуетъ поясненія. Въ Китаѣ принято давать въ награду, какъ у насъ говорятъ «на чай», посланному тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе желаютъ выразить свое уваженіе лицу, его пославшему, до свѣдѣнія котораго и доводится выданная на этотъ предметъ сумма. Слово чохъ также не можетъ остаться не разъясненнымъ: оно приво-

1) Плоды этого кустарника, богатые сахаромъ и слизью, употреблялись прежде часто, употребляются иногда и теперь еще въ медицинѣ подъ названіемъ «грудныхъ ягодъ, или ягодъ Ююбы: Baccae Jujubae, какъ составная часть Species pectorales cum fructibus. Это почти единственные общераспространенные сухіе плоды Китая, любимые тамъ, какъ лакомство, повсемѣстно.

дить къ вопросу о Китайскихъ деньгахъ, очень своеобразныхъ какъ и многое другое въ Срединной Имперіи. Прежде всего должно быть отмѣчено въ ней полное отсутствіе туземной золотой и серебряной монеты: не только въ обращеніи но даже рѣдко и въ наличности. Золото, являющееся въ Китаѣ, какъ и вездѣ, высшимъ драгоцѣннымъ металломъ, существуетъ только въ слиткахъ, никогда въ обращеніи не встрѣчающихся, или въ подѣлкахъ. Серебро, безъ лигатуры, отлитое въ особыя формы опредѣленнаго вѣса, обращается только въ крупной торговлѣ въ видѣ, такъ называемыхъ, Ямбовъ. Ямбъ представлятъ собою серебряный слитокъ, грубой работы, по очертаніямъ напоминающій сильно углубленную по срединѣ, но не полую конечно, а какъ бы налитую водою (здѣсь это, понятно, тоже серебро) ванну. На поверхности такой, окруженной приподнятыми тонкими краями плоскости, начертаны Китайскіе знаки, опредѣляющіе стоимость (вѣсъ) и мѣсто отливки, такъ какъ города имѣютъ свои собственные Ямбы [1]) Стоимость Ямба опредѣляется количествомъ, заключающихся въ немъ по вѣсу единицъ серебра, называемыхъ ланами. Каждый ланъ равняется стоимостью нашимъ двумъ металлическимъ серебрянымъ рублямъ, Ямбы, мнѣ показанные, при $6^1/_2$ центиметрахъ наибо́льшей длины и 3 центиметрахъ наимéньшей (по срединѣ) высоты содержали въ себѣ по 50 ланъ, но какъ говорилъ хозяинъ, они могутъ быть въ 25, 50, 100 и 200 ланъ. При денежныхъ разсчетахъ Китаецъ отрубаетъ очень ловко, отъ Ямба соотвѣтственное количество ланъ, которое тотчасъ же и провѣряется на стоящихъ близь него вѣсахъ. Операція производится наставляя на слитокъ прочный ножъ, по спинкѣ котораго ударяютъ молоткомъ. Искусство состоитъ въ томъ, чтобы, на глазомѣръ, сразу отрубить кусокъ серебра именно того вѣса, который требуется въ данномъ случаѣ и на самомъ дѣлѣ это удается обыкновенно съ удивительною точностью. Такова сила навыка этихъ своеобразныхъ, украшенныхъ косою, банкировъ!

Исключительною, пользующеюся въ Китаѣ правомъ гражданства международною металлическою (серебряною) единицею, является Мексиканскій долларъ, равняющійся нашими серебрянымъ полутора рублямъ (Сѣверо-Американскій равенъ 2-мъ). Странно, конечно, что только Мексиканскій, окруженный опунціями орелъ (какъ онъ изображается на самой монетѣ), получилъ право

1) Описаніе это сдѣлано съ Ямбовъ города У-нинъ, любезно показанныхъ мнѣ нашимъ хозяиномъ: Чэнъ-шень-ань.

финансоваго гражданства въ столь далекой Небесной Имперіи, но это легко объясняется упорнымъ во всемъ консерватизмомъ Китайцевъ. Первыя серебряныя монеты чужеземнаго происхожденія, были Испанско-Мексиканскіе доллары, попадавшіе въ Китай изъ сосѣдней Маниллы и вообще съ Филиппинъ. Китайцы ихъ какъ-то признали, упорно считая всѣ остальныя серебряныя монеты деньгами не настоящими; между тѣмъ Мексика стала независимою, но все-таки и теперь, какъ прежде, за нею только осталось исключительное довѣріе Китая къ ея денежнымъ знакамъ.

Мѣдная, очень мелкая денежная единица Китая—чохъ является въ сущности единственною въ повседневномъ обращеніи народной жизни монетою[1]). Чохъ представляется въ формѣ мѣднаго диска, (я имѣю въ виду находящіеся въ моихъ рукахъ образцы) отъ 23 до 24 миллиметровъ въ поперечникѣ, при толщинѣ, по ребру въ 1 миллиметръ. Въ срединѣ каждой монеты квадратное отверстіе въ 6 миллиметровъ; на обѣихъ сторонахъ ея Китайскіе письменные знаки. Отверстія служатъ для нанизыванія монетъ на бичевку. Мексиканскій долларъ по своей стоимости равняется 1000 чохъ. Такимъ образомъ каждый Китаецъ, принужденный нести на себѣ сколько-нибудь значительную сумму денегъ, буквально изнемогаетъ подъ тяжестью своей единственной размѣнной монеты, увѣшанный связками чохъ. И мы въ экспедиціи имѣли особыхъ носильщиковъ для нашей путевой кассы. И такъ 2000 чохъ, которые мы подарили посланному, доставившему намъ подарки, равнялись двумъ Мексиканскимъ долларамъ, т. е. 3 рублямъ.

Надвигались сумерки, лилъ дождь, а гамъ, шумъ и крики на дворѣ не уменьшались; поддерживались они и тѣмъ, конечно, что, разрываемая постоянно въ окнахъ пальцами любопытныхъ, бумага тотчасъ же наклеивалась по приказанію хозяина вновь. Между тѣмъ намъ сообщили, что градоначальника уже понесли изъ его дома къ намъ. Прибѣжалъ радостно взволнованный хозяинъ. «Уже вносятъ въ ворота» возвѣстилъ онъ. Мы броси-

1) Забавно, что живущіе въ Китаѣ Англичане, имѣющіе денежныя дѣла съ Китайцами, тупоумно-презрительно относящіеся ко всему туземному и народному, не имѣютъ даже и понятія о настоящемъ названіи Китайской размѣнной монеты. Скажите такому сыну Альбіона: чохъ, онъ широко раскроетъ глаза и развѣ только произнесетъ свое неподражаемое: О! Покажите ему самую монету, тогда онъ скажетъ «Кэшъ (Cash), Ol raid (All right) Kesh!! O yes!. на это будетъ совсѣмъ не ol raid! Покажите Китайцу чохъ и скажите: Kesch — онъ удивится не менѣе Англичанина, если не имѣлъ съ ними дѣла конечно. Откуда происходитъ и что обозначаетъ слово «Sapek», которымъ окрестили чохъ французы, мнѣ ничего неизвѣстно. Для настоящаго Китайца оно также чуждо какъ и Kesch.

лись,—не къ окнамъ,—конечно, а въ двери ведущія на дворъ и увидали.... то, что можно увидать лишь въ Китаѣ! Высокій, очень крѣпкій, бодрый и живой старикъ (это и былъ самъ градоначальникъ) выскочивъ изъ своихъ носилокъ и выхвативъ у одного изъ сопровождавшихъ его полицейскихъ палку, преусердно колотилъ ею со всѣхъ силъ по головамъ и спинамъ, неуспѣвшихъ прервать съ его прибытіемъ шумъ и крикъ Китайцевъ, быстро бросившихся отъ него въ разныя стороны. Любо было смотрѣть съ какою быстротою и настойчивостью преслѣдовалъ ихъ представитель высшей власти города, но еще интереснѣе во всякомъ случаѣ были безплодныя, хотя и весьма старательныя попытки двухъ полицейскихъ, успѣвать дѣлать видъ, что они постоянно поддерживаютъ своего начальника подъ руку у локтей. Дѣло въ томъ, что по духу историческихъ народныхъ возрѣній, традицій и законовъ государства, старость въ Китаѣ пользуется тѣмъ бо́льшимъ почетомъ и внѣшними обрядовыми попеченіями, чѣмъ она преклоннѣе и безпомощнѣе. Этикетъ требовалъ, чтобы бодро носившійся съ палкою градоначальникъ являлъ видъ человѣка удрученнаго старческою слабостью и безсиліемъ: отсюда то именно и вытекалъ весь комизмъ несоотвѣтствія условнаго этикета и реальной дѣйствительности [1]), которую мы наблюдали. Къ несчастью наступавшія уже сумерки и темнота крытаго двора не дали возможности обезсмертить такое событіе моментальною фотографіею. Послѣ этой расправы шумъ на дворѣ смолкъ и болѣе не возобновлялся, кстати же вдобавокъ наступилъ уже вечеръ, быть можетъ болѣе начальническаго внушенія укротившій неумѣренное любопытство обывателей. Градоначальникъ явился къ намъ не одинъ: сзади его смиренно выступалъ представитель власти военной, младшей. Въ противуположность издавна установившемуся въ Европѣ порядку вещей, въ Китаѣ гражданская власть считается, какъ по существу такъ и по оффиціальному строю, выше и почетнѣе военной. Градоначальникъ былъ высокій, бодрый и, насколько позволяла

1) Въ Китаѣ степень не только житейской мудрости, но и природнаго ума считается прямо пропорціальною возрасту. Это подаетъ очень часто поводъ къ эпизодамъ крайне забавнымъ. Желая, напримѣръ, сдѣлать отчаянный комплиментъ умственнымъ способностямъ собесѣдника, еще молодаго, ему говорятъ: Ваша мудрость и познанія столь велики, что вѣроятно Вамъ уже исполнилось по крайней мѣрѣ, лѣтъ 80? «О нѣтъ, отвѣчаетъ онъ, мнѣ 25 лѣтъ. Помилуйте, это невозможно! Конечно Ваша наружность до извѣстной степени говоритъ въ пользу Вашей достойной подражанія скромности, но 25 лѣтъ?!! Невозможно; если я и ошибся, то лѣтъ на 10, на 20, наконецъ, ни въ какомъ случаѣ не болѣе; и такъ далѣе въ этомъ же родѣ. Что сказали бы о такихъ комплиментахъ дамы, переживающія вторую молодость! но мнѣніями дамъ всѣхъ возрастовъ дорожатъ вообще очень мало.

оффиціальная сдержанность и важность, очень живой старикъ лѣтъ 60, казавшійся много моложе. Осмысленное лицо, и высокій ростъ, длинные повислые усы обличали его Манджурскій типъ. Выходцы Монголіи, Мандужуры, какъ извѣстно, завоевали въ свое время Китай и дали ему нынѣ царствующую Императорскую династію. Манджуры своими способностями, энергіею и умомъ часто, гораздо чаще чѣмъ бы того хотѣли кровные, ненавидящіе ихъ въ качествѣ узурпаторовъ Китайцы, выгодно отличаются отъ послѣднихъ—аборигеновъ, въ качествѣ карьеристовъ: имъ чаще и легче удается достиженіе необходимаго для занятія выдающихся государственныхъ должностей высшаго образовательнаго ценза, а вѣдь рядъ экзаменовъ все болѣе и болѣе трудныхъ, длящихся нерѣдко (и увы для многихъ безплодно) всю жизнь, представляетъ собою единственный тернистый путь для всякаго, жаждущаго высшаго служебнаго положенія и почестей сына Небесной Имперіи. Пусть экзаменъ этотъ, вращающійся исключительно, путемъ клаузурной работы, въ области умѣнія читать и писать все бóльшее и больше количество словъ (припомнимъ, что буквъ у Китайцевъ нѣтъ и каждое слово имѣетъ свой письменный знакъ) и въ комментированіи все болѣе и болѣе трудныхъ авторовъ до великаго Конфуція включительно, съ нашей точки зрѣнія нелѣпъ и можетъ служить лишь образцемъ мученія одной только памяти, тѣмъ не менѣе такую педагогическую пытку чаще и въ бóльшемъ числѣ выдерживаютъ Манджуры, чѣмъ Китайцы и въ этомъ залогъ успѣха первыхъ равно какъ и причина зависти и ненависти къ нимъ послѣднихъ. Припомнимъ кстати, что одинъ изъ наиболѣе выдающихся современныхъ государственныхъ дѣятелей Китая: знаменитый Вице-Король Ли-хунъ-чанъ, типическій Манджуръ по наружности и происхожденію.

Итакъ гражданскій градоначальникъ У-нина былъ по наружности и по происхожденію, какъ выяснилось впослѣдствіи, также Манджуръ. Одѣтъ онъ былъ въ черный шелковый длинный кафтанъ и такую-же курму (кофту) съ рукавами, тогда какъ воротникъ ея былъ голубаго цвѣта. Шея была украшена ожереліемъ. Официальная шапка его имѣла бѣлый шарикъ въ бронзовой золоченой оправѣ[1]); въ рукахъ, конечно, неизбѣжный вѣеръ.

Черная шелковая курма военно-начальника имѣла спереди расшитый шелкомъ четыреугольникъ. Шапка его съ бронзовымъ шарикомъ, была покрыта сплошь рядомъ тонкихъ красныхъ, шелко-

1) Извѣстно, что въ Китаѣ чинъ опредѣляется цвѣтомъ и украшеніями шарика, вѣнчающаго оффиціальную шапку.

выхъ шнурковъ. Этотъ представитель военныхъ силъ города не имѣлъ при себѣ никакого оружія.

Размѣнявшись оффиціальными поклонами, и совершивъ обычный «цинъ-цинъ», о которомъ уже была рѣчь выше, мы пригласили градоначальника сѣсть на почетное мѣсто (диванъ). По бокамъ его стали два старшихъ полицейскихъ, одѣтыхъ совершенно также, какъ и полицейскіе Линджау. Военно-начальникъ сѣлъ сзади, мы, т. е. члены экспедиціи расположились на креслахъ кругомъ, съ переводчикомъ по срединѣ, противъ градоначальника и пошла бесѣда, начавшаяся обмѣномъ неизбѣжныхъ взаимныхъ выраженій удовольствія и наслажденія даже, по поводу состоявшагося личнаго знакомства, разспросовъ о здоровіи, благополучіи, пожеланіями всевозможныхъ благъ, долгой жизни, богатства, счастья и такъ далѣе. Затѣмъ, въ тѣхъ-же выраженіяхъ, которыя были переданы черезъ посланнаго, градоначальникъ повторилъ свои сожалѣнія о безпокойствѣ, причиненномъ намъ невѣжественными жителями мѣстечка Ванъ-Линъ прибавивъ, что дерзкіе поселяне понесли уже заслуженное наказаніе [1]) и, что знатные иностранцы, освѣтившіе своимъ прибытіемъ мракъ ввѣреннаго ему Императорскою Властью уѣзда, могутъ спать спокойно, доколѣ они находятся въ мѣстности, имъ управляемой: онъ бдитъ и не допуститъ даже и тѣни какого-либо неудобства или безпокойства для насъ. Мы отвѣчали чрезъ переводчика, что говорятъ въ подобныхъ случаяхъ.

Затѣмъ были поданы находившіеся съ нами Хересъ, Портвейнъ, глазированные въ сахаръ сухіе фрукты Лондонскаго приготовленія и чай конечно. Градоначальникъ обнаружилъ знакомство съ нашими обычаями, пожелавъ чокнуться рюмками съ членами экспедиціи и выпить за ихъ здоровіе, что и было совершено при обмѣнѣ всякихъ добрыхъ пожеланій и безконечныхъ «цинъ-цинъ». Военный чиновникъ, прежде чѣмъ повторить то-же самое, испросилъ на то разрѣшенія гражданскаго, какъ подчиненный его, на что и получилъ благосклонное разрѣшеніе. Тогда только выпилъ онъ въ свою очередь за наше здоровье.

Градоначальникъ оказалъ честь нашимъ винамъ, лакомствамъ и содовой водѣ, которыми, какъ и высказался, остался вполнѣ доволенъ. Затѣмъ разыгралась сцена, комическую важность которой

1) Въ чемъ состояло наказаніе онъ умолчалъ. Думаю, что ничего подобнаго и не было. Сообщеніе это было сдѣлано въ виду обезпеченія себя отъ жалобъ съ нашей стороны консулу въ Ханькоу, что конечно было всего менѣе желательно начальству города У-нинъ.

трудно оцѣнить во всей ея полнотѣ не видавшему, но конечно нельзя никогда забыть очевидцу. Уже давно одинъ изъ полицейскихъ стоялъ наготовѣ съ набитою табакомъ трубкой [1]) въ одной рукѣ и курящимся трутомъ въ видѣ тонкаго цилиндра въ другой, но градоначальнику курить было еще неугодно. Вдругъ, и въ этомъ собственно лежитъ весь интересъ эпизода, безъ всякаго даже едва замѣтнаго движенія глазъ начальства, полицейскій понялъ, что надлежащій моментъ наступилъ. Мгновенно зажженная трубка была поднесена имъ къ устамъ градоначальника, который при этомъ и не шевельнулся даже, а только, сдѣлалъ двѣ затяжки. Полицейскій тотчасъ-же снова набилъ трубку и черезъ нѣсколько минутъ повторилась та-же исторія, затѣмъ еще и еще. Тщетно всѣ мы наблюдали за двумя безмолвными дѣйствующими лицами, стараясь уловить какой-либо самый незначительный знакъ выраженія начальнической воли; трубка придвигалась и отнималась отъ губъ при полной неподвижности представители власти. Картина была въ высшей степени своеобразна!

Послѣ 4 или 5 трубокъ было разрѣшено курить и военному чиновнику, но онъ не дерзнулъ заняться этимъ въ присутствіи гражданскаго, высшаго, начальства. Снявъ свою шапку (оффиціальной знакъ достоинства) и бережно поставивъ ее на столъ, воинъ смиренно удалился, въ сопровожденіи хозяина дома, въ другую комнату, чтобы выкурить свою трубочку табаку, а быть можетъ даже и опія, что не допускается по закону, но всегда дѣлается на практикѣ.

Прощаясь съ нами, градоначальникъ искренне благодарилъ за радушный пріемъ и выразилъ согласіе принять въ подарокъ предложенные ему вино и фрукты. Вслѣдъ за нимъ понесли: 1 бутылку коньяку, 2 бутылки хереса, 3 краснаго вина и 6 бутылокъ пива, а также не вскрытую (запаянную) жестянку съ фруктами. Щедрый подарокъ такъ понравился, что градоначальникъ вторично прислалъ намъ свои визитныя карточки при заявленіи, о выдачѣ нашему посланному 1000 чохъ и присовокупленіи при этомъ покорнѣйшей просьбы позволить прислать къ намъ своихъ дѣтей. «Дабы и они могли насладиться бесѣдою и научиться многому путемъ временнаго общенія съ высокоучеными именитыми чуже-

1) Китайскія табачныя трубки очень малы сами по себѣ; ихъ едва хватаетъ на двѣ, много на три затяжки, но онѣ кажутся массивными, потому что представляютъ собою, при короткомъ относительно, искривленномъ въ верхней части чубукѣ, родъ кальяна. Резервуаръ съ водою окружаетъ самую трубку такъ, что дымъ попадаетъ въ ротъ курящаго только пройдя черезъ воду, какъ и въ длиннѣйшемъ восточномъ кальянѣ.

странцами». Понятно что мы поспѣшили выразить на это согласіе; и вотъ, очень скоро, предстали предъ нами два мальчика 10 и 12 лѣтъ со своимъ учителемъ: длиннымъ и тощимъ Китайцемъ. Мальчики напротивъ были свѣжи, бѣлы и хорошо упитаны. Нужно было удивляться замѣчательной выдержкѣ этихъ дѣтей. Необычные по виду и одеждѣ люди (мы сняли свое Китайское платье), бинокль, часы, карандаши, бумага, перья, способы писанья и рисованія ихъ особенно занимавшіе, (какъ и вообще Китайцевъ), фокусы, которые искусно показывалъ имъ одинъ изъ членовъ экспедиціи, необычныя сласти,—до которыхъ они ни за что не хотѣли даже притронуться, — все это въ высшей степени возбуждало въ нихъ любопытство, столь присущее и не однимъ Китайскимъ дѣтямъ, — а между тѣмъ не только смѣхъ, — всякая невольная улыбка даже, тотчасъ-же сдерживалась ими. Не мудрено, что изъ Китайцевъ выходятъ непроницаемые дипломаты: вѣроятно въ основу этихъ свойствъ ложится, при воспитаніи ихъ, то-же необычное самообладаніе, которому мы не могли достаточно надивиться въ дѣтяхъ градоначальника У-нина. Всего болѣе занимали ихъ тѣ рисунки, которыми, по просьбѣ мальчиковъ, украшалъ я ихъ вѣера: русская тройка, скачущій козакъ, зимній ландшафтъ, занимали ихъ въ особенности сильно, преимущественно въ виду производившихся черезъ переводчика разъясненій, интересовавшихъ ихъ тѣхъ или другихъ, частностей рисунка.

Въ заключеніе, прощаясь, старшій мальчикъ попросилъ письменный приборъ и написалъ, или точнѣе нарисовалъ намъ слѣдующіе (прочтенные переводчикомъ) слова: «Мы искренно благодаримъ Васъ за пріятное и поучительно проведенное время. Этотъ вечеръ останется навсегда пріятнѣйшимъ въ нашей памяти». Затѣмъ они очень тщательно продѣлали свой прощальный «цинъ-цинъ» и удалились очевидно весьма довольные какъ разрисованными своими вѣерами, такъ и отправленнымъ съ ними дессертомъ, котораго они не хотѣли даже и коснуться во все время своего визита.

На другой день, 27 Апрѣля, при пасмурной и прохладной погодѣ мы выступили изъ города прежнимъ путемъ въ носилкахъ въ 6 часовъ утра и остановились ночевать въ деревнѣ Янь-челинъ. По близости деревни попалось нѣсколько камфарныхъ деревьевъ: Camphora officinarum C. G. Nees, цвѣточныя почки которыхъ были уже близки къ тому чтобы распуститься [1].

---

1) Недѣлю позже я наблюдалъ цвѣтеніе камфарнаго дерева въ городскомъ саду Шанхая и его окрестностяхъ. Мелкіе, бѣлозеленоватые цвѣтки эти [illegible] лишены запаха.

На слѣдующій день, во вторникъ 28, выйдя изъ Янъ-че-линъ въ 5 часовъ утра, въ 10 мы были уже въ городѣ Суй-чанъ. Пройдя его и достигнувъ рѣки, которую называли Сяу-Гань-хо, мы предпочли воспользоваться возможностью достигнуть Кью-Кіанга въ лодкѣ. Стало холодно, пошелъ дождь, не крупный, но очень основательный: не уступавшій ничѣмъ нашему осеннему, зарядившему на цѣлый день. Дорога стала невозможною, вслѣдствіе страшно липкой грязи, измучившей нашихъ носильщиковъ. Не въ добрый часъ, однакоже, разстались мы съ ними: 40 ли, которыя оставалось еще сдѣлать водою, дали себя знать. Отвратительная, маленькая и тѣсная лодка, подъ крышей которой можно было лишь сидѣть скорчившись такъ какъ ногъ некуда было протянуть, заставила считать вѣчностью, предстоявшіе провести въ ней четыре часа слишкомъ. Конечно мы были близки оставить адъ глуби Китая, но..... вѣдь черезъ эти нѣсколько часовъ лишь улыбалась намъ надежда вступить наконецъ послѣ двухъ недѣльныхъ скитаній въ Элизіумъ, цивилизованнаго міра на почвѣ Кью-Кіанга, правда для этого намъ приходилось не переплыть только нашъ Ахеронъ: Сяу-Гань-хо, а идти по немъ вдоль, скорченными на полу гнуснаго сампана, который вѣроятно былъ не лучше, если не хуже классическаго челнока Харона, какъ извѣстно, очень мало отличавшагося вообще удобствами! Нашъ собственный Харонъ, работавшій на кормѣ лодки двумя веслами, былъ очень типиченъ: въ своемъ «травяномъ плащѣ» сдѣланномъ изъ толстыхъ и длинныхъ, торчащихъ въ стороны, бурыхъ волоконъ листовыхъ черешковъ, единственной здѣсь встрѣчающейся, пальмы: Chamaerops excelsa (о которой была уже повторно рѣчь прежде), увѣнчанный вмѣсто зонтика гигантскою коническою шляпою, онъ походилъ, постоянно присѣдая и выпрямляясь, на какую то фантастическую летучую мышь, покрытую иглами дикообраза. Такъ плыли мы по нашей адской рѣкѣ до впаденія ея Янцзи, въ 5 ли разстоянія отъ Кью-Кіанга. Волны громаднаго «Сына Океана» по которому намъ пришлось идти до Кью-Кіанга, при бурной погодѣ, были бы опасны для нашего утлаго судна. Подъ сильнымъ холоднымъ дождемъ, при бурномъ вѣтрѣ, пришлось перемѣнить его на лодку болѣе надежную и вотъ, въ 8 часовъ вечера, при сильномъ волненіи Янцзи, блеснулъ наконецъ предъ нами привѣтливый рядъ желанныхъ огней набережной Европейской части города Кью-Кіанга. Мы вступили подъ гостепріимный кровъ одного изъ лучшихъ зданій города: дома Молчанова, представи-

теля одной изъ крупнѣйшихъ Русскихъ чайныхъ фирмъ Китая, для того, чтобы отдохнувъ немного, отправиться, верхъ по Янцзи, на пароходѣ, въ Ханькоу — центръ вывозной торговли Китая чернымъ чаемъ, идущимъ оттуда главнымъ образомъ въ Англію черезъ Лондонъ и въ Россію, на судахъ Добровольнаго Флота, и черезъ Одессу, по окончаніи такъ называемаго «Чайнаго сезона», т. е. періода пробы и покупки первосборныхъ чаевъ, начинающагося въ первыхъ числахъ Мая и оканчивающагося около половины Іюля. Городъ Цзю-Цзянъ-фу административный центръ Области Цзю-цзянъ (Провинція Дзянъ-си) лежитъ на рѣкѣ Янцзи, въ 445 Англійскихъ миляхъ отъ Шанхая. У Европейцевъ тамъ живущихъ, онъ извѣстенъ подъ искаженнымъ Англичанами названіемъ: Кью-Кіангъ. Населеніе его по Матусовскому (Географическое Обозрѣніе Китайской Имперіи, стр. 94. С.-Петербургъ, 1888 г. Типографія Императорской Академіи Наукъ) достигаетъ до 55,000 жителей; городская стѣна имѣетъ въ окружности около 7 километровъ. Европейская часть города расположена внѣ, но по сосѣдству городской стѣны, вдоль набережной, защищенной отъ разливовъ Янцзи сильною плотиною. Архитектура домовъ, внутреннее расположеніе ихъ, убранство, сады, обычаи и весь строй жизни вообще, равно какъ и господствующій языкъ всѣхъ представителей Европы, здѣсь поселившихся, со включеніемъ и нашихъ соотечественниковъ, исключительно Англійскіе; то же самое наблюдается, сказать кстати, и въ Ханькоу. Недаромъ въ Китаѣ всякій Европейскій кварталъ города или вообще поселокъ выражается Англійскимъ словомъ «Settlement», а главная улица величается «Bund», что собственно обозначаетъ набережную, которая является обыкновенно въ то же время дѣйствительно и главною улицею въ Шанхаѣ, Кью-Кіангѣ, Ханькоу и другихъ Европейскихъ центрахъ Китая. Набережная Кью-Кіанга прекрасно вымощена и обсажена красивымъ, излюбленнымъ для садовъ и бульваровъ деревомъ: Pterocarya Sinensis Siebold et Zuccarini=P. stenoptera D. C. (Juglandaceae), характеризующимся своими перистыми листьями и длинными тонкими, повислыми сережками женскихъ соцвѣтій, плоды которыхъ являются впослѣдствіи снабженными двумя довольно длинными, но узкими, приподнятыми вверхъ крыльями. Кромѣ птерокарій на бульварахъ и въ садахъ попадаются часто плакучія ивы: Salix Babylonica L.

Китайскій городъ, при неизбѣжной тѣснотѣ и темнотѣ его улицъ, отличается сравнительно съ видѣнными мною въ глуби страны городами бóльшею (насколько это возможно въ Китаѣ) чистотою, опрятностью и слѣдовательно меньшимъ зловоніемъ.

Въ чайной торговлѣ Кью-Кіангъ имѣетъ значеніе какъ первый этапъ для идущихъ въ Ханькоу партій чая и какъ мѣсто производства чая кирпичнаго (который приготовляется также и въ Ханькоу); чай этотъ выдѣлывается здѣсь на фабрикахъ туземныхъ и принадлежащихъ Русскимъ фирмамъ. Во время чайнаго сезона, т. е. въ періодъ закупки на цѣлый годъ первосборныхъ высшихъ сортовъ чая, чай кирпичный на Русскихъ фабрикахъ не выдѣлывается совсѣмъ. Я осматривалъ фабрики: Китайскую и фабрику Молчанова, во время моего пребыванія въ этомъ городѣ бездѣйствовавшую. Фабрика, принадлежавшая купцу Китайцу, была устроена на 200 человѣкъ рабочихъ; прессы, печи и всѣ приспособленія были разсчитаны на самое примитивное, исключительно ручное, производство. Матеріаломъ для приготовленія кирпичнаго чая, служатъ высѣвки, т. е. кусочки верхушекъ травянистыхъ вѣтвей, листовые черешки, обломки самихъ листьевъ готоваго чернаго чая и уже извѣстная намъ чайная пыль: Ху-сянь или, что все равно, такъ называемый Дэстъ Англичанъ. Куски стеблей и черешковъ листьевъ, составляющіе часто главный матеріалъ для производства кирпичнаго чая, играютъ при этомъ большую роль. Наши соотечественники Кью-Кіанга и Ханькоу зовутъ ихъ «Корешками». Да проститъ имъ тѣнь Schleiden'а этотъ, невозможный съ точки зрѣнія морфологіи растеній, грѣхъ!

И такъ, передъ поступленіемъ въ работу чернаго чая, идущаго на приготовленіе кирпичнаго, прежде всего отбираются эти «Корешки». Отборка производится исключительно наемными женщинами. За отборку каждаго, плоскаго, сплетеннаго изъ бамбука, блюдца вмѣстимостью въ одинъ «гинъ» вѣса [1]) женщина получаетъ 40 чохъ, что равняется, какъ мы уже знаемъ, 4 центамъ доллара. «Корешки» отбираются изъ блюдца въ фартукъ; затѣмъ ихъ складываютъ въ плоскія большія корзины и рабочіе Китайцы, чему я былъ лично свидѣтелемъ, мнутъ чай въ послѣднихъ ногами, съ цѣлью разломать помельче. Ноги обуты при этомъ въ «травяныя» сандаліи, сплетенныя изъ грубыхъ растительныхъ волоконъ

1) Въ Кью-Кіангѣ гинъ считается равнымъ $1^1/_3$ Англійскимъ фунтамъ, въ Шанхаѣ $1^3/_4$ его.

Эти «корешки» идутъ только на производство худшихъ сортовъ кирпичнаго чая; чаще ихъ продаютъ бѣднымъ потребителямъ-туземцамъ въ необработанномъ видѣ по 10 чохъ за гинъ.

Главнымъ матеріаломъ для полученія кирпичнаго чая служатъ высѣвки обломковъ листьевъ сухого товара и «ху-сянь. Все это распаривается водянымъ паромъ, посредствомъ очень примитивныхъ и мало удобныхъ приспособленій, помѣщается въ деревянные, грубые и массивные прессы, гдѣ роль груза играетъ вспрыгивающій и соскакивающій постоянно съ верхней платформы пресса Китаецъ. Полученная такимъ путемъ масса набивается въ деревянныя, четыреугольно-продолговатыя формы, высушивается и упаковываются въ ящики. Приготовленный такимъ образомъ кирпичный чай представляется въ видѣ очень твердыхъ, |чернобурыхъ кусковъ, настолько твердыхъ, что ихъ приходится рубить при употребленіи. Въ горячей водѣ куски эти быстро распадаются, давая настой, цвѣтъ, крѣпость и запахъ котораго, при хорошемъ матеріалѣ, не уступаютъ среднимъ сортамъ черная чая.

Высѣвки, изъ которыхъ готовится, какъ мы видѣли, кирпичный чай, представляютъ собою частицы обломковъ листьевъ готоваго чая чернаго, въ 1—4 миллиметра величиною, неправильно многоугольныхъ очертаній. Большинство этихъ обломковъ происходитъ, какъ показываетъ микроскопъ (хорошо развитые идіобласты, то есть вѣтвистыя склерэидныя клѣтки), отъ листьевъ взрослыхъ, но попадаются нерѣдко и частицы листьевъ нетолько еще не развернувшихся, а даже и листовыхъ почекъ. Главную, преобладающую, или даже иногда почти единственную массу высѣвокъ, являетъ собою чайная пыль: Ху-сянъ, т. е. сѣроватые волоски листьевъ. Чѣмъ больше въ высѣвкахъ этой пыли, тѣмъ ниже будетъ достоинство кирпичнаго чая, когда же послѣдній приготовленъ изъ высѣвокъ сорта «Бай-хао» какъ это дѣлается на заводахъ нашихъ извѣстныхъ фабрикъ Кью-Кіанга, напримѣръ у Молчанова, то чай кирпичный, по своему вкусу и аромату, мало уступаетъ обыкновенному Бай-хао, равно какъ вкусъ и запахъ высѣвокъ, изъ которыхъ готовится такой кирпичный чай; напротивъ, чѣмъ больше пошло въ дѣло пыли и «корешковъ» тѣмъ ниже онъ по своиимъ достоинствамъ.

Осмотрѣнная мною фабрика Молчанова, въ это время бездѣйствовала. Здѣсь производство ведется гораздо болѣе усовершенствованными способами, для распариванія и сушки, введены гидравлическіе прессы, съ помощью которыхъ изъ высѣвокъ

лучшаго качества получается прекрасный кирпичный чай, въ видѣ плотныхъ, но очень легко распускающихся въ водѣ, рубчатыхъ плитокъ, на которыхъ штемпелемъ выдавливается имя фирмы и годъ самаго производства.

Въ четвергъ, 30 Апрѣля, покинули мы Кью-Кiангъ и на Китайскомъ пароходѣ, подъ флагомъ дракона (Гербъ Китая), съ капитаномъ Англичаниномъ, пошли вверхъ по Янцзи въ Ханькоу: центръ торговли чаемъ, ревенемъ, мускусомъ и многими другими важными предметами вывоза. Мы прибыли туда на слѣдующій день: утромъ 1 Мая и остановились въ домѣ Товарищества Фирмы К. и С. Поповыхъ. Въ Ханькоу, какъ и въ Вью-Кiангѣ, нѣтъ гостинницъ и прiѣзжiе должны разсчитывать исключительно на гостепрiимство живущихъ тамъ представителей нашихъ чайныхъ фирмъ (Нужно-ли говорить, что дѣйствительность превосходитъ въ этомъ отношенiи самые смѣлые ожиданiя!). Въ Ханькоу мнѣ пришлось пробыть четыре дня и встрѣтить тамъ день Свѣтлаго Христова Воскресенiя (3 Мая=21 Апрѣля стараго стиля).

Неизгладимыми чертами, навсегда, сохранятся въ моей благодарной памяти то гостепрiимство, предупредительность и радушiе, которыми я пользовался все это время въ домахъ и семействахъ Гг. Чирковыхъ, Спѣшиловыхъ, консула нашего Павла Андреевича Дмитрiевскаго, добрѣйшаго и обязательнаго Алексѣя Петровича Малыгина — однимъ словомъ всѣхъ проживающихъ въ Ханькоу Русскихъ. Глубоко сожалѣю, что никогда, по всей вѣроятности, не буду я съ своей стороны, въ состоянiи отплатить имъ за все это хотя бы отчасти!

Ханькоу, какъ называютъ его Русскiе, или Hankow остальныхъ Европейцевъ, находится уже въ Провинцiи Ху-бео граничащей къ востоку съ Провинцiею Дзянъ-си. Полное Китайское названiе этого, важнѣйшаго по Янцзи, торговаго пункта: «Хань-коу-чжень».

Провинцiя Ху-бей расположена по среднему теченiю Янцзи. По своимъ природнымъ богатствамъ и значенiю, по вывозу хлѣба, шелка, растительнаго масла, сала, бычачьихъ кожъ, чая, бумаги, желѣза, мѣди, ревеня и мускуса, — это важнѣйшiй портъ Янци. Два послѣднiе продукта доставляются изъ лежащихъ на западъ отъ нея провинцiй.

Сэ или Сы-чуань, Ху-бей принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ провинцiй Китая, а Ханькоу, лежащiй на берегу

Янцзи, доступнаго для океанскихъ пароходовъ, является ея важнѣйшимъ центромъ, такъ что суда, которымъ по роду ихъ торговой дѣятельности въ Шанхаѣ дѣлать нечего, какъ напримѣръ наши пароходы Добровольнаго Флота, войдя въ Вузунгъ (расширенное устье Янцзи) прямо поднимаются вверхъ по могучей рѣкѣ до Ханькоу, грузятся тамъ и уходятъ тѣмъ-же путемъ обратно, минуя Шанхай. Чрезвычайное плодородіе Провинціи Ху-бей, опредѣляется очень доказательно народною поговоркою гласящею, что «Дзянъ-си можетъ приготовить для Китая только одинъ завтракъ, тогда какъ Ху-гуань, [1]) т. е. провинціи Ху-бей и Ху-нань, можетъ кормить его постоянно». (Матусовскій: l. c. p. 127). Главнымъ городомъ провинціи Ху-бей является У-чанъ или Вучанъ-фу, административный центръ, резиденція Генералъ-Губернатора, или Вице-Короля («Далай Тай») [2]) и въ то-же время сильное (быть можетъ только съ Китайской точки зрѣнія?) укрѣпленіе, окруженное стѣною циклопической постройки, съ высокими башнями. Въ городѣ всегда сосредоточено много войска; населеніе его отличается рѣзкимъ враждебнымъ отношеніемъ къ своимъ Европейскимъ сосѣдямъ, въ Ханькоу, которые посѣщаютъ У-чанъ вообще не охотно и бываютъ тамъ встрѣчаемы обывателями не только типичнымъ привѣтомъ: «Янъ-гудзи: иноземный (западный) чортъ, но подчасъ и болѣе внушительнымъ крикомъ «Ша: голову долой» подкрѣпляемымъ камнями, обыкновенно впрочемъ бросаемыми лишь издали.

У-чанъ-фу лежитъ на правомъ берегу Янцзи, противъ паденія притока послѣдняго: рѣки Хань-цзянъ, при устьѣ которой расположенъ еще другой областной городъ: Хань-Янъ, тогда какъ на лѣвомъ берегу Янцзи, противъ У-чана раскинулся Ханькоу: торговый центръ съ его Европейскимъ кварталомъ, главная улица котораго и прекрасная высокая, каменная набережная: Bund тянется вдоль болотистыхъ береговъ рѣки. На ней построены дома представителей нашихъ и Англійскихъ чайныхъ фирмъ. Бульваръ вдоль набережной усаженъ, какъ и въ Кью-Кіангѣ, птерокаріями (Pterocarya Chinensis D. C.) и плакучими ивами (Salix Babylonica L.). Передъ домами вдоль ограды, отдѣляющей послѣдніе отъ улицы, часто встрѣчаются сплошныя и массивныя темно-зеленыя пирамиды Китайскаго

1) Слово: Ху-гуань значитъ: Обширныя озера.
2) Англичане исказили, по обычаю, это слово въ «Тао-тау».

можжевельника: Juniperus Chinensis L. Дерево это, достигающее величины 5 — 6 метровъ и болѣе, отличается крайне интереснымъ диморфизмомъ своей хвои: рядомъ съ вѣтвями, тупыя и маленькія чешуйки которыхъ напоминаютъ тую (Tuja orientalis et occidentalis), попадаются часто въ непосредственномъ сосѣдствѣ и такія вѣтви, у которыхъ чешуйки превращены уже въ настоящія длинныя и плоскія иглы. Juniperus Chinensis очень удобно подчиняется излюбленному Китайскими садовниками уродованію, въ формѣ такъ называемыхъ карликовыхъ деревьевъ, которымъ помощью стрижки и связыванія проволокою придаютъ очертанія фантастическихъ звѣрей, рыбъ и птицъ. Домъ Товарищества К. С. Поповыхъ, купленный у наслѣдниковъ Пономарева, старожила Ханькоу, украшенъ при входѣ двумя кадками такихъ карликовыхъ экземляровъ Juniperus Chinensis, которымъ приданы фантастическія очертанія: не то рыбъ, не то тюленей, съ красными суконными языками, торчащими изъ разинутой пасти и бумажными бѣлыми съ чернымъ пятномъ шарами вмѣсто глазъ.

Въ Ханькоу есть также фабрики кирпичнаго чая и Китайская таможня съ весьма интереснымъ собраніемъ туземныхъ и техническихъ растительныхъ продуктовъ, завѣдуемая служащими по найму Европейцами. Директоръ ея Англичанинъ, одинъ изъ главныхъ распорядителей: нашъ соотечественникъ, докторъ философіи Евгеній Павловичъ Пандеръ, просвященной любезности котораго я обязанъ многими интересными лѣкарственнными и техническими продуктами и печатными работами таможни о ревенѣ, опіѣ и т. д. Считаю своимъ пріятнѣйшимъ долгомъ выразить достойнѣйшему доктору за все это мою сердечную признательность.

Вечеромъ 4 Мая, въ 9½ часовъ, отплылъ я изъ Ханькоу въ Шанхай, куда и прибылъ 7-го, съ тѣмъ, чтобы оттуда идти знакомымъ уже путемъ: чрезъ Гонгъ-Конгъ, Сайгонъ и Сингапуръ на Яву, куда и отплылъ на пароходѣ Общества: Messageries Maritimes «Yang-Tse» 16 Мая 1891 года.

Объясненіе Фототипій.

Табл. I.

Листья настоящаго чая: Thea Chinensis Simson.
Сухія растенія матеріала, вывезеннаго изъ Китая и Цейлона.
Естественная величина.

А.—В. Китай.

А. — Вѣтвь чайнаго кустарника Провинціи Дзянь-си, изъ плантацій между городами: У-нинъ и Линджау, или И-нинъ-чжоу.

Верхушка праваго листа укорочена и закруглена вполнѣ; у листа лѣваго верхушка эта вытянута очень мало, но конечная выемка ея видна тѣмъ не менѣе вполнѣ ясно.

Изъ угла лѣваго листа выходитъ загнутая, какъ обыкновенно, крючкомъ цвѣтоножка, несущая остающуюся чашечку уже отпавшаго цвѣтка.

В. — Вѣтвь чайнаго кустарника изъ Провинціи Че-Кіанга, Области Нингъ-по, вѣрнѣе: Нинъ-бо-фу (Матусовскій. Точно также и Провинція Че-кіангъ, по тому же автору должна называться Чже-дзянъ).

Верхушки листьевъ вытянуты здѣсь значительно, конечныя выемки ихъ едва замѣтны. Вѣтвь несетъ два зрѣлые плода, представляющіе, по недоразвитію, одиночные, вмѣсто нормальныхъ тройныхъ, орѣшки т. е. односѣмянныя коробочки.

С. Цейлонъ.

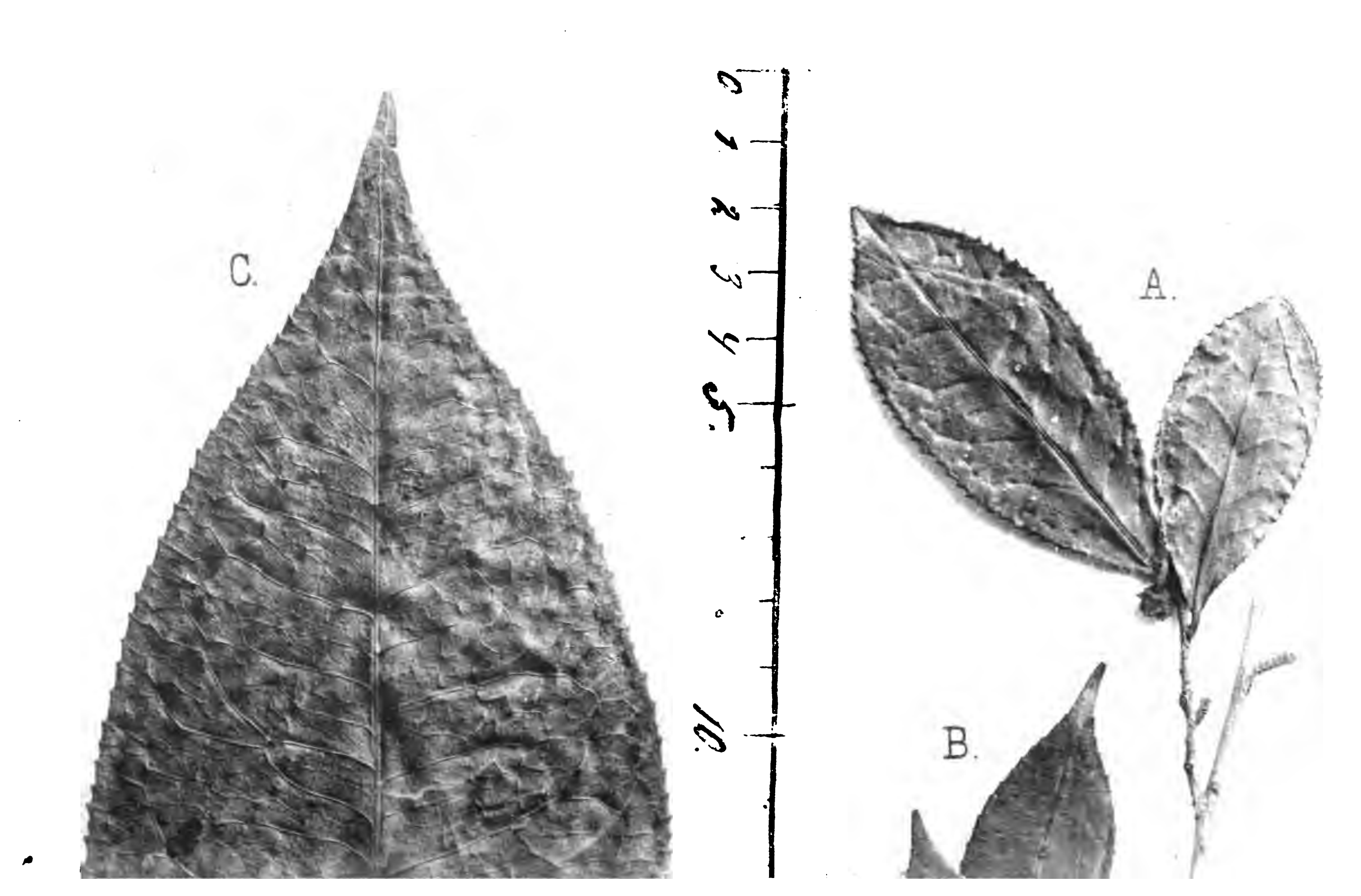
С. — Гигантскій чайный листъ плантацій окрестностей Ратнапура (Ratnapura). Сѣмена этой разновидности, Ассамскаго происхожденія извѣстныя подъ названіемъ «Sana (Estate single hybrid Tea seed») считаются Цейлонскими плантаторами идеальными, такъ сказать, по достоинству даваемыхъ ими листьевъ.

Табл. II.

Профессоръ В. А. Тихомировъ внутри Китая. — Слѣва носилки съ привязанными къ нимъ шляпами носильщиковъ. Справа: священная гора, у подножія ея городъ Линджау и рѣка Тай-хо, съ понтоннымъ мостомъ на ней.

Таб. III.

Городъ Линджау или И-нинъ-чжоу. Снятый членомъ экспедиціи А. Н. Шиллеръ, съ крыши городскаго клуба. Слѣва чайныя плантаціи. Вдали городская стѣна. На горизонтѣ горная цѣпь Нань-шань. 23 Апрѣля 1891 года.


C.
A.
B.
0
1
2
3
4
5.
10.



15. 20. 25

Фототипія Художн. Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

THEA CHINENSIS SIMSON.



Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

Профессоръ В. А. Тихомировъ въ Китаѣ: Линджау.

Professor W. A. Tichomirow in China: Lindschau.



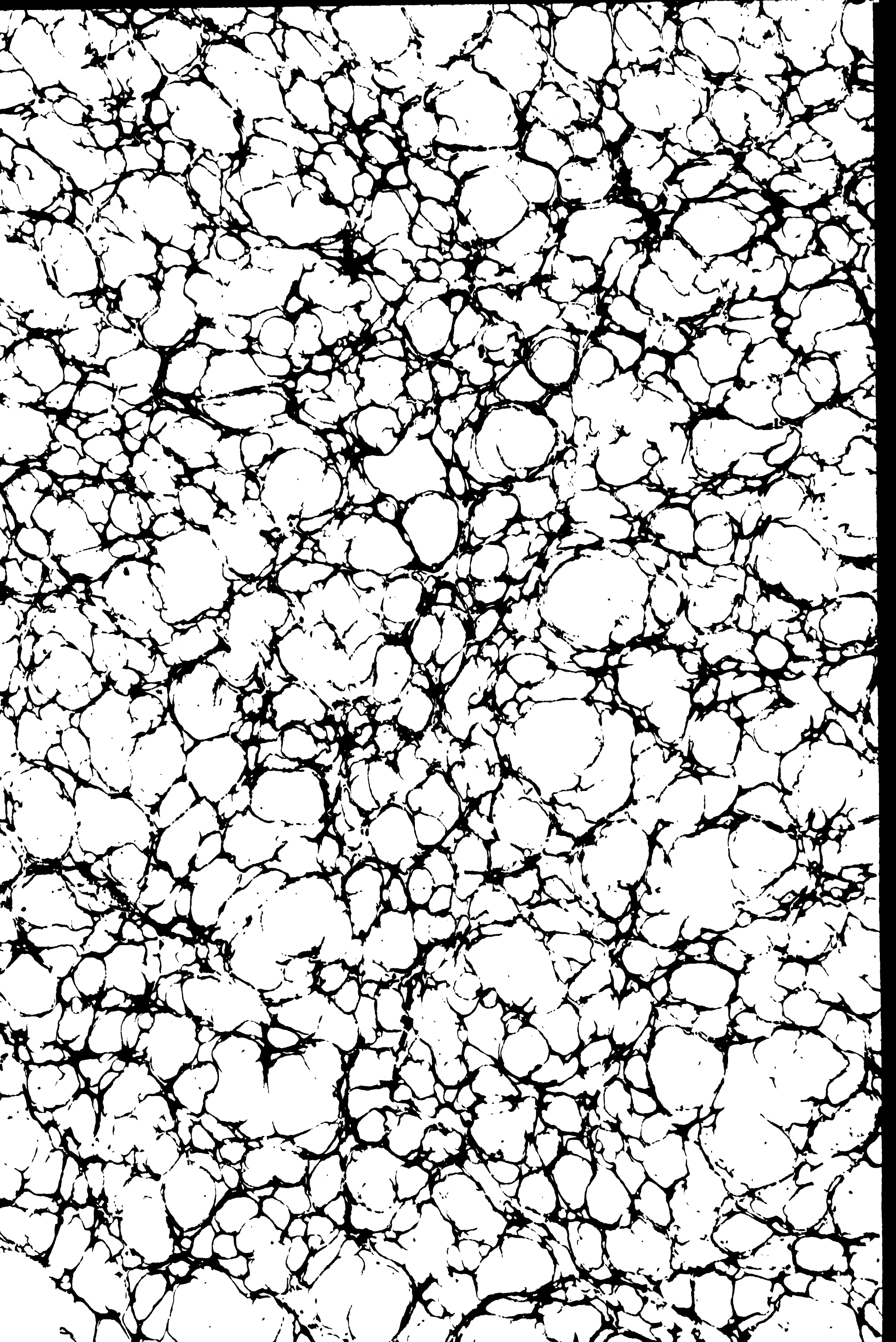
Фотографія А. Н. Шиллеръ. | Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

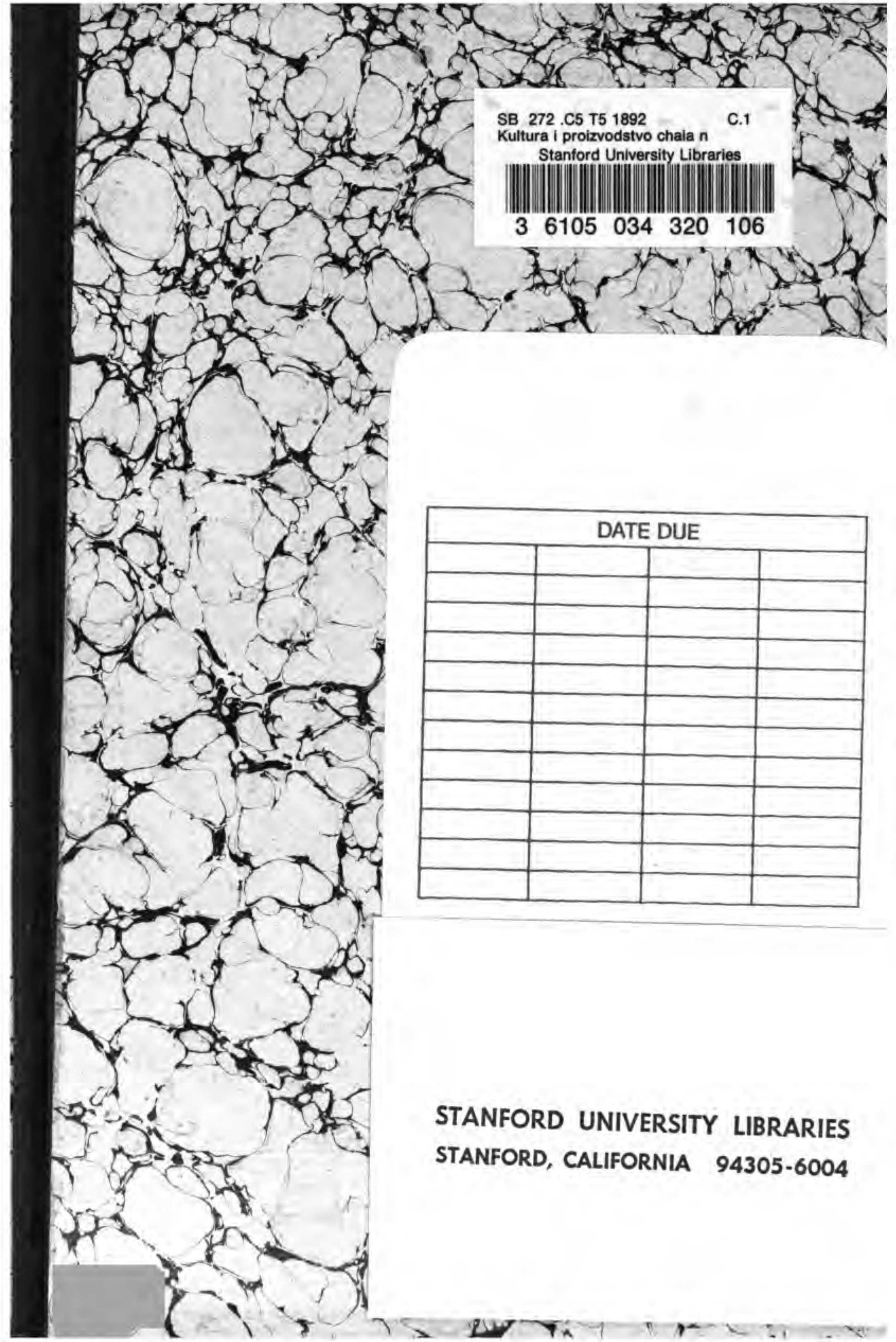
Провинція Дзянь-си.

Городъ Линджау. (И-нинъ-чжоу).

Provinz Dzian-ssi.

Stadt Lindschau. (I-nin-tschou).




SB 272 .C5 T5 1892 C.1
Kultura i proizvodstvo chaia n
Stanford University Libraries
3 6105 034 320 106
DATE DUE
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004

